

**Российская академия государственной службы
при Президенте Российской Федерации**

На правах рукописи

Курбатов Олег Александрович

**Из истории военных реформ в России во 2-й половине XVII
века. Реорганизация конницы на материалах Новгородского
разряда 1650-х – 1660-х гг.**

специальность 01-110 – Отечественная история

**Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

**Научный руководитель –
доктор исторических наук
профессор Р. Г. Пихоя**

Москва - 2002

ОГЛАВЛЕНИЕ

Оглавление	2
Введение	4
1. Актуальность и постановка вопроса.	4
2. Структура работы	6
3. Обзор историографии	8
4. Цель и задачи исследования	45
5. Характеристика источниковой базы	48
Глава 1. «Полковая служба» конницы Новгородского разряда 1654 – 1659 гг. (до начала реформ)	57
1. Государева служба «по отечеству»	57
2. Казачество «городовое», «донское» и «вольное»	73
3. Первые полки рейтарского строя	86
Выводы	98
Глава 2. «Полковая служба» конницы Новгородского разряда и преобразования в ее организации и комплектовании в 1659 – 1662 гг.	
1. Разбор 1659 г. и создание полков «рейтарского строя» в Новгородском разряде	102
2. «Литовский поход 1668 г.» кн. И. А. Хованского и создание конницы «гусарского строя»	110
3. Поход 1661 г.: проблема комплектования	118
4. Кушликовы горы: развал полка Новгородского разряда (осень 1661 г.) .	140
5. Воеводство кн. Б. А. Репнина и реорганизация конницы Новгородского разряда (1662 г.)	150
Выводы	155

Глава 3. Организация конницы Новгородского разряда на исходе войны (1662 – 1667 гг.)	159
1. Ход и характер боевых действий	159
2. Боевые подразделения конницы Новгородского разряда в 1662 – 67 гг.	170
3. Выводы	213
Заключение	218
Приложения	228
Список источников и литературы	245
Список сокращений	262

Введение

1. Актуальность и постановка вопроса. В настоящее время история Вооруженных сил России, в особенности их реформирование, вызывают повышенный интерес в широких общественных кругах. Во многом это связано со сложным периодом становления новой государственности и затяжным экономическим кризисом, заставляющим искать новые пути строительства армии.

Совершенно не случайно, в данной связи, то внимание, которое привлекает к себе период реформ XVII – нач. XVIII вв. Круг проблем, с которым правительство России столкнулось тогда в военной сфере, перекликается с современным: необходимость оптимальной мобилизационной системы для борьбы с могучими западными соседями при ограниченных финансово-экономических возможностях и людских ресурсах; стремление освоить эффективные стороны военной организации, тактики и вооружения Европы Нового времени и, в связи с этим, интенсивная военная учеба командного и рядового состава и тесные контакты с «немецкими» военными специалистами. Наконец, и в глобальном плане эпохи схожи: и в то время Россия выбирала между возможностями безоглядно «броситься в объятия» западноевропейской культуры или более уважительно и строго отнестись к сохранению традиционной православной цивилизации.

Еще одной причиной интереса к данной теме является т.н. феномен «обретения истории», связанный с настоящей информационной революцией, которая произошла в России в конце 1980-х – 1990-х гг. Зачастую политизированное обращение к петровской и «допетровской» эпохам заставило начать пересмотр многих историографических традиций, связанных в единый миф о Великом Преобразователе – «Петровскую легенду». Отдельные составляющие этого мифа, известные всем еще по школьным учебникам, при новом обращении к источникам пересматриваются. Среди наиболее ярких моментов можно назвать историю

«Хованщины»¹, причины уничтожения стрелецкого войска², церковную реформу³ и, наконец, некую исключительную роль Петра I и его сподвижников в создании регулярной армии.

Актуальность последней темы лучше всего характеризуется тем фактом, что до сих пор в историографии сосуществуют порой совершенно противоположные точки зрения на состояние вооруженных сил Русского государства в XVII в.: от крайне негативных до восторженных. К сожалению, причиной этого является политизированность авторов, т.к. обе точки зрения мало подкреплены документально.

Выход из данного положения видится во введении в научный оборот того огромного массива архивных материалов, который сохранился от приказного делопроизводства XVII в. и до сих пор редко используется при изучении военных реформ. Для выяснения вопросов реальной эффективности военной системы и уровня боеспособности войск необходим компаративный анализ организации вооруженных сил России и иных армий XVII в., а также предметное исследование хода боевых действий. Наконец, путь выхода из замкнутого круга «петровских» и «антипетровских» дискуссий видится в применении новых исторических методов и, возможно, выявлении и освещении тех тенденций в развитии русского войска, которые не замыкаются только на вопросах его регулярности или «недорегулярности».

Плодотворным и уже оправдавшим себя путем в изучении отечественных вооруженных сил XVII в. является внимание к отдельным родам и подразделениям войск, ограниченное временными и территориальными рамками. В данном случае выбран Новгородский разряд периода войн с Речью Посполитой (1654-67 гг.) и Швецией (1656-61 гг.).

¹ См., напр.: Лавров А. С. Регентство царевны Софьи Алексеевны. М., 1999. С. 24 – 47.

² Орленко С. П. Стрельцы и «немцы» в России XVII века // Западноевропейские специалисты в России XV – XVII веков: Тезисы докладов научной конференции (Москва, 24-25 сентября 2002 года). М., 2002. С. 54-56.

³ Лавров А. С. Колдовство и религия в России: 1700 – 1740 гг. М., 2000.

Выбор этот не случаен. Данный военный округ обладал четко определенной территорией, ограниченными людскими ресурсами и, в отличие от столичных подразделений («московских чинов» поместной конницы, московских стрельцов, «выборных полков солдатского строя» и т.п.), не имел какого-то элитного характера. Это были те самые «рабочие войны», которые и вынесли на своих плечах основную тяжесть дальних походов и локальных боевых действий указанного периода. Вместе с тем, по своему стратегическому положению войскам разряда пришлось в разное время сражаться как со старыми (по своему устройству), но все еще эффективными в бою шляхетскими полками Речи Посполитой, так и с корпусами остзейских генералов шведского короля, носителями передовой для Западной Европы тактики. Влияние на организационную структуру и тактику опыта этих столкновений и определяет интерес именно к войскам Новгородского разряда.

2. Структура работы. Структурно исследование состоит из введения, трех глав, в которых раскрывается основное содержание исследования, и заключения. Во введении дается очерк историографии военных реформ в России XVII в., а также истории русской конницы того времени и боевых действий, в которых участвовали войска Новгородского разряда с 1654 по 1667 гг. Этот же раздел диссертации содержит характеристику источниковой базы исследования.

Первая глава посвящена истории разрядов ратных людей «конной полковой службы» Новгородского разряда и характеристике их организации с момента вступления России в войну с Речью Посполитой в 1654 и вплоть до начала их реформирования. Она дает представление о составе традиционных подразделений, сложившихся в ходе развития дворянской и казачьей конницы Русского государства – о т. н. «сотенной службе». Раздел, посвященный первым полкам «рейтарского строя», позволяет лучше понять всю новизну организации этого вида кавалерии по сравнению с прежними.

Во второй главе последовательно рассматривается процесс реорганизации конных подразделений и изменения статуса и порядка службы ратных людей в период 1659 – 1662 гг. Выделение в отдельный раздел именно этого промежутка времени позволяет охватить все этапы преобразований в тесной взаимосвязи с ходом боевых действий указанного периода и, таким образом, лучше понять их логику.

Третья, завершающая глава исследования посвящена судьбе подразделений конницы Новгородского разряда на последнем этапе военных действий (1662 – 66 гг.). За это время больше не отмечается новых сколь-нибудь значимых реорганизаций конной полковой службы, однако выявление процессов, которые подспудно происходили в сословной структуре ее полков, имеет важное значение для определения степени эффективности реформ предыдущих лет. С целью лучшего структурирования обширного документального материала этого малоизученного периода военной истории глава содержит отдельные очерки по каждому конному полку Новгородского разряда.

3. Обзор историографии.

Историография военных реформ XVII в. При обращении к теме историографии реформ русского войска XVII в. сразу необходимо констатировать, что подавляющее большинство работ не носит самостоятельного характера, а тесно связано с такой важной проблемой, как преобразования Петра I. Вне зависимости от оценки успешности реформ, их места и влияния на последующие события, историк заранее ставил себя в четкие рамки «до» и «после» примерной даты 1700 года; даже кропотливые, основанные на обширнейшем архивном материале исследования, способные порвать с узостью такого подхода, заранее определяли себе место «допетровского» периода истории и предполагали, таким образом, со сменой царя некое качественное изменение⁴. Корни этой ситуации лежат в

⁴ Кристенсен С. О. История России в XVII веке: Обзор исследований и источников / пер. с дат. В. Е. Возгрин, ред. В. И. Буганов. М., 1989. С. 25, 26.

историографической традиции, особенно консервативной в своей военно-исторической части.

Сложение историографической традиции о «допетровской армии»

Бурная эпоха петровских преобразований сопровождалась решительной ломкой многих традиций и нуждалась, ввиду этого, в идеологическом обосновании. Чертой, определившей на будущее оценку военной реформы того времени, стал тезис о полной боевой непригодности войска, доставшегося Петру I от предшественников. То, как сам Петр относился к разным частям своей армии, хорошо просматривается уже в его детских играх: войска «нового строя» («хорошие») там явно противопоставлены стрельцам и иным традиционным разрядам русского войска⁵. Стрельцы вообще были обозначены царем как янычары, склонные к бунту и неспособные к войне из-за своих торговых промыслов и отсутствия дисциплины и обучения⁶. Именно ему принадлежит первая официальная трактовка строительства регулярной армии (в предисловии к Уставу Воинскому 1716 г.): «Понеже всем есть известно, коим образом отец, блаженной памяти... в 1650 году начал регулярное войско употреблять, и Устав Воинский издан был...», и с этим войском были одержаны грандиозные успехи. Однако, «потом оно не токмо умножено при растущем в науках свете, но едва не весьма оставлено», что повлекло за собой поражения в боях «не точию с регулярными народами, но и с варварами»⁷ – прямое указание на Крымские походы кн. Голицына.

Надо сказать, что перед нами – один из первых примеров рационального, еще необычного на Руси осмысления причин исторических событий. Не только писатели эпохи Смутного времени, прямые наследники летописцев Средневековья, но и отец Петра видели причины поражений своих войск в Божьем попущении за грехи самих православных, за их

⁵ Кожуховский поход. 1694. (Современное описание) // Военный сборник. СПб, 1860. № 1. С. 49 – 106.

⁶ Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990. С. 101.

неблагодетельность, гордыню и т. п.⁸ Пожалуй, первым образцом высокого идеологического документа, в котором присутствует иное понимание событий, стал указ об отмене местничества в 1680 г., где вражда воевод из-за мест трактовалась как причина «многого упадка ратным людям» в самых громких недавних поражениях русской армии – под Конотопом (1659 г.) и Чудновым (1660 г.)⁹. Современный уровень знаний о тех битвах заставляет отвергнуть подобное утверждение¹⁰, что приводит к выводу о выборе данных примеров в чисто идеологических целях. В петровской же трактовке, в качестве основной причины неудач русской армии назван упадок ее регулярности (взамен вражды воевод из-за мест).

Вообще, насколько в это время в обществе был велик запал недовольства малоуспешными военными походами 1678-1700 гг., ярко продемонстрировали острые публицистические сочинения *И. Т. Посошкова (1652-1726 гг.)*. На первый взгляд, созвучно с предисловием к Уставу 1716 г. в них постулировалось утверждение о полной небоеспособности прежнего войска: как дворянской конницы (рейтар), так и пехоты – правда, не стрельцов, а солдат. И все же, глядя на эти сочинения уже сквозь призму «петровского мифа», историки XIX в. не заметили, что главным объектом критики Посошкова стали иноземцы и иноземные военные обычаи, бесполезные в бою, а в качестве первого примера автор привел действия Петровской лейб-гвардии под Нарвой, не видя в них ничего выдающегося¹¹. Так что, третий современник событий видел причины тех же поражений не в местничестве или отсутствии регулярства, а в упадке воинского духа и слепом доверии иноземцам!

⁷ Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. М.-Л., 1945. С. 52.

⁸ Записки отделения Русской и Славянской археологии... СПб., 1861. Т. 2. С. 742-749.

⁹ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных дел. М., 1826. Ч. IV. С. 399, 400.

¹⁰ Барсуков А.П. Род Шереметевых. СПб., 1884. Кн. 5; Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами во второй половине XVII в. // Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма (Научное наследие). М.: Наука. 1994. С. 60 – 68; Эскин Ю. М. Местничество в России XVI – XVII вв.: Хронологический реестр. М., 1994. С. 195 – 198.

Важным моментом официальной идеологии Российской империи стал тезис о строительстве Петром Великим регулярного государства, а в рамках его – «образования войск по правилам военной науки»¹². В полном соответствии с философией Просвещения, преобразовательная деятельность царя рассматривалась как устройство на принципах разума и рационализма, просвещения доселе варварского, хотя храброго и преданного государю народа. При этом формировался настоящий культ Преобразователя, чьему исключительному «гению» приписывалась идея о столь радикальном обновлении всех сторон русской жизни. Последующие два столетия история России решительно делилась временем Петровских реформ на Древнюю (или Среднюю) и Новую, причем считалось, что с Петра «началась та сфера, в коей мы живем»¹³.

Первое научное обращение к истории допетровских войск было вызвано практической причиной: около 1793 г. в связи с замыслом гр.П.А.Румянцева и кн. Г. А. Потемкина «устроить высшее военное училище для образования офицеров» была составлена краткая записка о «начале, учреждении и состоянии регулярного войска в России». В ней была дана следующая периодизация создания «порядочного войска»: начало ему положил Иван Грозный учреждением постоянно готовых к службе стрельцов; Алексей Михайлович уже стал «содержать его по правилам военной науки», «выписав» иноземных специалистов; при его преемниках в ходе смут 1680-х гг. оно пришло в упадок и было вновь создано Великим

¹¹ Посошков И. Т. О ратном поведении (1701 г.) // Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / ред. Б. Б. Кафенгауз. М., 1951. С. 245 – 272.

¹² «Известие о начале, учреждении и состоянии легулярного войска в России, с показанием перемен, какие по временам и обстоятельствам в оном производимы были» // ЧОИДР. М., 1874. Кн. 3. Смес. С. II, 1, 2.

¹³ Устрялов Н.Г. О системе прагматической русской истории: рассуждения написанные на степень доктора философии... СПб., 1836. С. 45; для военных историков ср.: Масловский Д.Ф. Записки по истории военного искусства в России. СПб; 1891. Вып. 1. 1683-1762 г. С. 1.

Петром¹⁴. Нетрудно заметить, что это лишь расширенная схема петровского устава, которую должен был знать каждый офицер.

Записка обнаруживает еще одно препятствие для целостного восприятия процесса развития вооруженных сил России XVII-XVIII вв.: регулярные полки екатерининской армии вели свою историю с эпохи Петра (или позже), и данные полковых архивов и архива Военной коллегии не могли ничего сообщить о боевом пути и преобразованиях допетровских формирований. Кроме того, кардинальное изменение делопроизводства в начале XVIII в. потребовало от исследователя специальной подготовки для понимания приказной документации, причем не только палеографической, но и, что важнее – психологической: по меткому замечанию Б. Ф. Поршнева, «устаревшие тексты воспринимаются нами несколько свысока: они ассоциируются с современными архаизмами и провинциализмами», вызывая неосознанную снисходительность к их авторам, сомнение в их компетентности, особенно в сложных вопросах политики или военного дела¹⁵. Современные ученые, в большинстве своем, свободны от подобных стереотипов, но для историографии XVIII – XIX вв. они представляли определенную проблему¹⁶.

Тем не менее, постулат о том, что имели место именно преобразования, проводимые первыми Романовыми с целью заведения «строевых пехотных и конных полков по примеру и образцу прочих

¹⁴ «Известие о начале, учреждении и состоянии легиона в войске в России, с показанием перемен, какие по временам и обстоятельствам в оном производимы были»/ Пред. А.В. Терещенка // ЧОИДР. М., 1874. Кн. 3. Смесь. С. I - IV, 1- 61; часть этого известия, включая раздел о допетровской армии, вошла в записки, собранные для Павла I (Записки, собранные по повелению императора Павла I о начале регулярного войска, о ново и славяно-сербских поселениях, о полках гусарских и пандурских и о военных школах. СПб; 1904).

¹⁵ Поршнев Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М. 1976. С. 7.

¹⁶ См., например, сетования Елагина на информативность документов XVII в.: Елагин С. Утверждение России на Балтийском побережье // Морской сборник. СПб., 1866. № 1. С. 109 – 127.

европейских государств», стал обосновываться в отечественной историографии первой половины XIX в.¹⁷.

Однако, 1830-40-е годы – это время начала критики «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина и вообще начало критического исследования отечественной истории, преодоления описательного подхода в историографии («по князьям и царям»), поиска и массовой научной публикации летописей, актов и иных документов давнего прошлого. На основании капитального изучения комплекса документов Смоленской войны 1632-34 гг., опубликованных в актах императорской Археографической экспедиции, историк *И. Д. Беляев (1810 – 73 гг.)* провел первое специальное исследование организации, состава и вооружения русских войск XVII в. Работа эта со всеми своими неточностями, неизбежными при первом обращении к источникам, сохранила свою исключительную ценность до самого начала XX в. – до появления новых строго документальных исследований¹⁸. Надо сказать, что у автора, славянофила по воззрениям, уже иное понимание сути развития войска Михаила Федоровича: его правительство «не стало изменять главных и коренных положений и условий тогдашнего войска; но оставило ему прежний основной состав..., присоединивши несколько новых частей, составленных частью из наемных иноземцев, частью из русских, которым давалось оружие одинакое с иноземцами, и требовалось, чтобы они учились немецкому строю»¹⁹. Таким образом, это уже не реформы, а небольшие дополнения, не разрушавшие традиционного порядка военной службы, который, как утверждалось, длился до самого Петра.

¹⁷ Мальгин Т. Российский ратник или общая военная повесть о государственных войнах, неприятельских нашествиях, уронах, бедствиях, победах и приобретениях от древности до наших времен по 1805 год. М; 1825. С. 381, 383, 384; Зотов Р.М. Военная история Российского государства СПб 1839. Ч.1. С. 185, 188-190, 198.

¹⁸ Масловский Д.Ф. Записки по истории военного искусства в России. СПб; 1891. Вып. 1, Прим. С. 4.

¹⁹ Беляев И. О русском войске в царствование Михаила Феодоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим. М., 1846. С. 2.

Господствующие позиции в официальной историографии стала занимать «государственная школа», видевшая цель в истории России в изучении «постепенного перехода государства из одного состояния в другое», рассматривая «совокупность всех явлений» и, таким образом, «вникая в общий дух истории»²⁰. Это идеалистическое направление, плодами которого стали капитальные труды Н. Г. Устрялова, С. Н. Соловьева и других, сыграло неблагоприятную роль в исследовании такого относительно локального вопроса, как военное дело и реформы XVII в. Уже в 1836 г., намечая план «прагматической русской истории», *Н. Г. Устрялов (1805 - 70гг.)* утверждал, что царь Алексей Михайлович, «не вводил, подобно великому сыну своему, почти ничего нового; не изменил форм управления...» и т.п., но во всем стремился к стройности и порядку²¹. По всей видимости, именно это априорное утверждение, а также задачи, подчинявшие повествование истории реформ Петра I, определили характер и выводы одной из глав устряловской «Истории царствования Петра Великого», изданной отдельно в виде брошюры в 1856 г. Перечислив на ее страницах многочисленные нововведения в устройстве войска, произошедшие при первых Романовых, автор в итоге решительно отказывает ему в звании «регулярного, т.е. правильно устроенного, хорошо вооруженного и привычного к делу ратному в той степени, как военное искусство развилось в Западной Европе»: ни новые офицерские звания, ни перевооружение, ни наличие опытных иноземцев в полках «нового строя» – «ничто не могло переродить старых воинов Руси». Основывая свое мнение на одном документе периода правления царевны Софьи, он считал всех многочисленных русских ратников всего лишь «землевладельцами разных названий», не имевшими ни опыта, ни обученности²². Такой взгляд на допетровское войско столь прочно вошел в историографию, в частности, в

²⁰ Устрялов Н.Г. Указ. соч. С. 40.

²¹ Там же. С. 80, 81.

²² Устрялов Н.Г. Русское войско до Петра Великого. [СПб, 1856]. С. 69, 70.

сочинения С. М. Соловьева²³ и В. О. Ключевского²⁴, что и сейчас является одним из обычных стереотипов²⁵. Из него вытекал общий вывод о безуспешности допетровских «попыток» преобразований, а точнее, отдельных улучшений русского войска XVII в. по европейским образцам.

«Русская» и «западная» школы академической военной историографии конца XIX – начала XX в. Сугубо военные исторические сочинения середины – второй половины XIX в. долгое время шли в фарватере общеисторических работ: видя в последних «источник» своих данных, военные историки не заботились об их самостоятельной критике. Это можно сказать о работах П. К. Гудим-Левковича, кн. Н. С. Голицына и А. К. Пузыревского²⁶, что во многом было обусловлено специфической задачей этих сочинений: они лежали в основе лекций перед слушателями Академии Генерального штаба. По определению Г. А. Леера, известного военного теоретика и историка того времени, ради самостоятельности при принятии боевых решений офицер должен был изучать военное дело не по теоретическим инструкциям, а на примере отдельных показательных эпизодов из военной истории. Таким образом, последней отводилась роль источника для воспитания практических навыков будущих полководцев²⁷. История «классического» военного искусства в академии вообще не включала в себя русского отдела, поскольку наши полководцы не оставили комплексных военно-теоретических сочинений, а история их походов не была достаточно разработана. Первым преподавателем, обосновавшим

²³ Соловьев С. М. Сочинения. М., 1991. Кн. VII. С. 66 – 71.

²⁴ Ключевский В.О. Сказание иностранцев о Московском государстве. М. 1991. С. 79.

²⁵ Пенской В.В. Возникновение, становление и эволюция русской тяжелой кавалерии в 1731 – 1801 гг.: Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. Белгород, 1996. С. 173, 174; критику этого взгляда см.: Чернов А.В. Строительство вооруженных сил Русского государства в XVII веке (до Петра I): Автореферат на соискание научной степени доктора исторических наук. М.; 1950. С. 24.

²⁶ Голицын Н.С. Русская военная история. Спб. Т. 1. 1877; Гудим-Левкович П.К. Историческое развитие вооруженных сил России до 1708 г. СПб. 1875; Пузыревский А.К. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб. 1889.

²⁷ Леер Г. А. Значение критической военной истории в изучении стратегии и тактики // Военный сборник. СПб., 1863. № 5. Отд. II. С. 57, 90.

необходимость особого курса истории русского военного искусства, стал профессор *Д.Ф. Масловский (1848-1894)*, который и возглавил соответствующую военную кафедру в академии²⁸. Исходя из его отношения к истокам национального военного искусства, он считается основоположником «русской школы» военной историографии того времени. Однако, методы работы отнесенных к этой группе историков сильно различались.

Сам Масловский в изучении «предпосылок» петровских преобразований исходил из идеалистических взглядов. Систему устройства русского войска XVII века в целом он характеризовал как поместную, а главный принцип последней – «чтобы земля, как главное богатство России, всецело служила государству»²⁹. За исключением нескольких новых документов, давших ему основание оспорить уничижительное мнение Устрялова о поместной коннице, историк основывался на работе Беляева и разделял мнение об отсутствии существенных военных преобразований в XVII в.

Совершенно других оснований в работе придерживался его сотрудник *А.З. Мышлаевский (1856 – 1920 гг.)*. Он указал на идеализацию Масловским царя Петра, считая, что таким образом в качестве важнейшего двигателя военной истории России научно обосновывается элемент чистой случайности – гений самодержца. «Нет той крупной меры Петра, решение которой не было бы так или иначе подготовлено его предшественниками», – писал он. «Такая коренная погрешность, скажу более, такое преувеличение значение Петра Великого, как реорганизатора русских вооруженных сил, будет повторяться до тех пор, пока русский военный исследователь... не займется аналитической работой над допетровским периодом по первоисточникам»³⁰. Блестящим практическим подтверждением этого положения стало его

²⁸ Масловский Д.Ф. // Советская военная энциклопедия М, 1978. Т. 5. С. 178-179.

²⁹ Масловский Д.Ф. Поместные войска русской армии в XVII столетии // Военный сборник. СПб; 1890. № 9. С. 7, 30, 31.

исследование боевых действий корпуса русских войск в Финляндии на исходе Северной войны, чему предшествовала капитальная публикация архивных документов³¹. По наблюдениям автора, успеху русских войск здесь предшествовала тяжелая и упорная работа по анализу командованием боевого опыта, даже неудачного, и совершенно нет того «вдохновения», «гениального творчества», предполагавшегося у Петра его апологетами³².

Таким образом, ценным теоретическим положением ученого стала необходимость дальнейшего исследования военной деятельности русских войск «допетровского периода» по архивным документам; на практике это лучше всего осуществлять в отношении отдельных устойчивых соединений и театров военных действий.

Ярким представителем «западной» школы русской военной истории был *П.О. Бобровский*. Стержнем его работ являлось изучение правовой системы западных армий и их влияние на русские военные законы XVII в., артикул и инструкции Петра I. Взгляды ученого на исторический процесс и суть петровских военных реформ хорошо характеризует его фраза: «Подражание – удел всех народов, не достигших зрелости»³³. Документы из трудов Соловьева дали возможность Бобровскому выделить главные недостатки, присущие войскам допетровского периода, и направить на них острие критики: поместное снабжение, приводившее к грабежам и опустошению огромных территорий, плохая дисциплина и низкая степень боевой выучки. Упомянув, что Алексей Михайлович к старым войскам «прибавил» полки нового строя, он отрицал успех этого предприятия: до Петра «основой могущества Московского государства» все равно оставались дворяне и стрельцы³⁴.

³⁰ Мышлаевский А. З. Петр Великий. Война в Финляндии в 1712 – 1714 гг. СПб., 1896. С. XV.

³¹ Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708 – 1714 гг. (Документы гос. архива). СПб., 1893.

³² Мышлаевский А. З. Петр Великий. Война в Финляндии в 1712 – 1714 гг. СПб., 1896. С. 48, 49.

³³ Бобровский П.О. Переход России к регулярной армии. СПб; 1885. С. 11.

³⁴ Там же. С. 143, 147.

Подводя итог историографии императорского периода, приходится констатировать, что вопрос об изучении реформ русского войска в XVII в. как таковых не был даже поставлен. Четкая иерархия событий – традиционализм до Петра и всеобъемлющие преобразования после его воцарения – мешала рассмотреть значение освоения армией первых Романовых новой тактики, перехода к новой структуре и вооружению. Поскольку в самом факте этого сомнений оставалось все меньше, и могло появиться уже закономерное сомнение в новизне и радикальности петровских реформ в военной сфере, был выдвинут тезис о неудаче и неполноте указанных изменений. Задача кропотливого изучения массива военно-исторических документов допетровского периода была только поставлена представителями «русской школы» военной историографии.

2.1.3. Изучение отдельных аспектов военных реформ XVII в. в историографии 1910-х – 1940-х гг. В советской историографии вопросы петровской военной реформы, а, тем более истории войск XVII в., отдельно не поднимались вплоть до 1940-х годов. Основными чертами новых работ стала их преимущественно социально-экономическая тематика и повышенное внимание к истории классово-национально-освободительной борьбы, а также подробная разработка узких исторических сюжетов в противоположность общим курсам истории России дореволюционного периода.

Поворот к социально-экономической истории наметился еще в начале века, в рамках чего появилась работа *Е. Д. Сташевского*, посвященная вооруженным силам Московского государства в период Смоленской войны 1632-34 гг.³⁵ Новизной ее стало изучение в динамике известных по денежной смете 7140 года разрядов русского войска: их состояния после Смуты и реорганизации накануне новой войны. При этом, в равной мере подробно рассмотрены отношение правительства с вольным казачеством, военное

³⁵ Сташевский Е.Д. Смоленская война: Организация и состояние Московской армии. Киев, 1919.

использование местного населения и процесс формирования наемных и русских полков «нового строя». Автор пришел к выводу, что правительство остро нуждалось в пополнении полевой армии опытными бойцами, поскольку большую часть наличных ратных людей приходилось оставлять в гарнизонной службе. С этой точки зрения, призыв казаков с Поля и найм полков в Германии оказываются явлениями одного порядка – что, конечно, не исключает необходимости привлечения иноземцев для реорганизации армии. Гораздо менее удачной оказалась его работа по армии Алексея Михайловича на основе общей сметы русского войска 1662-63 гг.³⁶: автор плохо разобрался в структуре документа и не знал особенностей военного дела того периода, допустив, в итоге, ряд ошибок и неточностей³⁷.

Также с финансово-экономических позиций обратился к истории русской армии XVII в. *К.В. Базилевич (1892-1950 гг.)* в своем исследовании денежной реформы 1654-63 гг. и ее социально-экономических последствий. Задачей введения медных денег и иных мероприятий правительства было обеспечение ратных людей жалованьем в связи с небывало высокой численностью армии. Автор подробно на основании архивных данных изучил процесс девальвации медных денег, его причины и следствия, особенно для ратных людей действующей армии, а также ход «Медного бунта» 1662 г. Несмотря на тяжелые последствия реформы, историк расценил ее как успешную, освободившую население страны от чрезвычайных налогов в период 1655-62 гг., когда и произошли основные события войн с Польшей и Швецией³⁸.

Слово «реформа» по отношению к русской армии XVII в. было вновь произнесено исследователем внешней политики России в эпоху Тридцатилетней войны 1618-48 гг. *Б.Ф. Поршневым (1905-72 гг.)*. Историк

³⁶ Сташевский Е.Д. Смета военных сил Московского государства в 1663 году. Киев, 1910.

³⁷ См.: Курбатов О. А. Рецензия на книгу: Саганович Г. Невядомая вайна 1654-1667. Мінск, 1995 // Архив русской истории. М., 2002. С. 343.

³⁸ Базилевич К.В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.-Л., 1936. С. 14, 15.

установил прямую связь между заключением военно-политического союза Швеции и России накануне Смоленской войны 1632-34 гг. и началом создания полков «нового строя» при участии группы офицеров шведской армии – передовой в то время европейской военной машины³⁹. Несмотря на интереснейшие данные, работа была встречена в штыки учеными, специализировавшимися на отечественной истории – слишком смело и непочтительно звучали ее выводы для уже сложившихся канонов изложения военной истории России⁴⁰.

Первые специальные обращения советских историков к данному вопросу были связаны с возобновлением интереса к ярким страницам боевого прошлого нашей страны, в основном в период Второй мировой и Великой Отечественной войн. Майор В. Д. Верходубов в своей диссертации прямо указывал, ссылаясь на речь И. В. Сталина, что в это время «героическое прошлое русского народа, русской армии вошло в арсенал идеологической борьбы с немецким фашизмом»⁴¹. Его работа, а также соответствующие разделы «Истории военного искусства» полковника Е.А.Разина демонстрируют применение классового подхода в освещении состава русской армии XVII в. и, в то же время, зависимость от наработок дореволюционной историографии: самостоятельный анализ архивных документов производился ими довольно редко. Интерес к проблеме петровских реформ у дореволюционных историков-офицеров питался дискуссией о природе национального военного искусства. В советской военной науке вопрос этот был решен окончательно, и во второй половине XX века внимание к нему историков в погонах сошло на нет.

Вопрос о регулярности допетровского войска. Честь подлинного прорыва в изучении преобразований в русском войске времен первых

³⁹ Поршнева Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М. 1976. С. 230 – 270 (глава V) и далее.

⁴⁰ См., напр.: Верходубов В.Д. Создание русской регулярной армии: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М. 1948. С. 76.

Романовых принадлежит историку-архивисту, профессору Историко-Архивного института *А. В. Чернову*. Его титанический труд явился этапом историографии и «закрыл» (в области фактографии) почти все предыдущие работы по данному вопросу. Историк бросил вызов «петровской легенде» отечественной военной истории, обосновав тезис о планомерном и успешном строительстве регулярной армии в Русском государстве в период 1630-х – 1680-х гг. и лишь завершении этого процесса при Петре I. Впервые изучив массив материалов Разрядного и иных приказов в сугубо военно-исторических целях, он восстановил процесс создания большинства основных подразделений и разрядных округов русского войска того времени и предложил периодизацию реформ⁴². Основное содержание процесса он нашел в постепенном увеличении удельного веса регулярных частей в общем объеме вооруженных сил, причем ратные люди старых служб частью вливались в их состав, а частью переводились в гарнизоны (за исключением стрельцов и отборной дворянской конницы). В свойственном для сталинской эпохи тоне утверждалось, что «Это было регулярное войско в России, которое появилось гораздо раньше, чем в Западной Европе»⁴³. Под регулярностью историк понимал то, что эти части постоянно несли боевую службу, проходили систематическое воинское обучение и полностью состояли на государственном обеспечении.

Надо сказать, что эта концепция не была развита в советской историографии. Если раздел по войску XVII в. в «Очерках истории СССР» 1955 г. написан Черновым⁴⁴, то в «Очерках русской культуры XVII века» 1978 г. – его идейным противником П.П. Елифановым⁴⁵. Диссертация Чернова так и не увидела свет, а изданная на ее основе книга (почти

⁴¹ Верходубов В.Д. Создание русской регулярной армии: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М. 1948.

⁴² Чернов А.В. Строительство вооруженных сил Русского государства в XVII веке (до Петра I): Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М. 1949.

⁴³ Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV – XVII вв. М., 1954. С. 221, 222.

⁴⁴ Очерки истории СССР: Период феодализма: XVII век / под ред. А. А. Новосельского, Н. В. Устюгова. М., 1955. С. 439 – 456.

брошюра), по справедливому замечанию С. Л. Марголина⁴⁶, имела довольно неудачную структуру и допустила огромные важные пробелы (в частности, в ней ни слова не сказано о «выборных» полках). Хотя ученый был идейным марксистом и патриотом, его позиция оказалась для того времени слишком независимой и неуязвимой, ввиду хорошего архивного обеспечения. Поэтому ее не громили, а предпочли просто забыть, а выводы автора постепенно вывести из научного оборота.

Гораздо точнее вписался в сложившуюся схему истории петровских преобразований П.П. Епифанов. Исходя из теоретического догмата советской исторической науки, что регулярная армия – это обязательный элемент абсолютистского государства, а последнее возникло только при Петре I, он оспорил позицию Чернова⁴⁷. В XVII в. могли складываться лишь «отдельные элементы регулярного устройства», но для создания целой армии еще не было экономических предпосылок. Как видно уже из этого, дискуссия велась не на основе анализа широкого круга источников, а совсем по другим правилам. Ученый императивно раз за разом подчеркивал, что то или иное явление – «шаг к регулярной армии, но не сама регулярная армия»⁴⁸, обосновывая это простым сравнением с тем состоянием войска, которое было достигнуто к концу правления Петра. Таким образом, военная история допетровского времени снова теряет свою самоценность, приобретая, казалось бы, уже изжитый характер «подготовительного периода». Данный взгляд прочно обосновался в историографии 1980-х гг.⁴⁹

⁴⁵ Епифанов П. П. Войско // Очерки русской культуры XVII века. М., 1978. Ч. 1. С. 234 – 264.

⁴⁶ Марголин С.Л. Рецензия на книгу А.В. Чернова «Вооруженные силы Русского государства в XV-XVII вв.». // Вопросы истории. 1955. № 4. С. 154-157.

⁴⁷ Епифанов П. П. Очерки из истории армии и военного дела в России (вторая половина XVII – первая половина XVIII вв.): Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1969. С. 142.

⁴⁸ Епифанов П. П. «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (из истории военного искусства XVII в.) // Ученые записки МГУ. Кафедра истории СССР. М., 1954. Вып. 167. С. 85, 87, 90.

⁴⁹ История Северной войны 1700-21 гг. М., 1987. С. 23 – 29; Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990. С. 45, 46, 101, 102.

Для современного исследователя необходимо сразу уяснить себе, что в силу принадлежности к советской исторической школе для обоих ученых в первую очередь был важен вопрос о регулярности армии как таковой, а степень ее боеспособности, качество вооружения и обучения носили подчиненный характер: они не занимались, как Мышлаевский, исследованием участия реформированных войск в боевых действиях «по первоисточникам». Современный этап развития отечественной исторической науки характеризуется кризисом формационного взгляда на исторический процесс и полиметодологическим подходом к его изучению. То, что появившаяся при Петре военная машина так же, как и предшествовавшая ей, не имела аналогов в Европе, да и не могла их иметь в силу цивилизационных отличий России⁵⁰, вообще ставит под сомнение ценность споров о регулярности, по крайней мере, для определения эффективности и целесообразности реформ.

Корень этих споров, как представляется, в определении значения термина «регулярный». Впервые он появился в лексиконе Преобразователя и его сподвижников, то есть, строго с источниковедческой точки зрения применение его для XVII столетия неправомерно. При этом, смысл, который вкладывался в это слово и в понятие «регулярной армии» в начале XVIII в., явно не совпадает с первоначальным – ведь сейчас несколько дико звучит выражение из Устава 1716 г. «регулярные народы», которые противопоставлены «варварам»⁵¹. Наконец, третий вариант являет польская историография: там обычно «регулярным» называют войско Речи Посполитой XVI-XVII вв., состоящее на государственном жаловании, для отличия от «посполитого рушения» (ополчения шляхты) и частных, «приватных» отрядов магнатов⁵². При этом подразделения, аналогичные

⁵⁰ Золотарев В. А., Межевич М. Н., Скородумов Д. Е. Во славу отечества Российского (развитие военной мысли и военного искусства в России во второй половине XVIII в.). М., 1984. С. 32 – 44.

⁵¹ Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. М. – Л., 1945. С. 52.

⁵² Baranowski B. Organizacja regularnego wojska Polskiego w latach 1655/1660 // Studia I Materiały do Historii Sztuki Wojennej. Warszawa, 1956. T. II. S. 209 – 229.

русским частям «нового строя» (т. е., «регулярным» по А. В. Чернову), существовали во всех трех упомянутых отделах польско-литовского войска.

Ярким примером новых возможностей, которые в методологическом плане может дать свобода от стадийного, черно-белого (нерегулярное – регулярное) восприятия военно-исторического процесса, является работа видного представителя англо-американской историографии Ричарда Хели «Закрепощение и военные преобразования в России»⁵³. Преобразования рассматриваются здесь в общеевропейском контексте «пороховой революции», изменившей на протяжении XVI – XVII вв. всю технологию войны и обеспечившей странам Европы военное превосходство на Земном шаре до XX в. Основная цель книги – доказать, что успех подобных преобразований в России, не имевшей европейского экономического потенциала, был оплачен закрепощением сословий и усилением «рабства». Автор дает свою периодизацию реформ: 1) внедрение осадной и крепостной артиллерии; 2) массовое производство ручного огнестрельного оружия и учреждение стрельцов; наконец, 3) всеобъемлющий импорт западных военных технологий, специалистов и принципов организации войск⁵⁴. Именно на последнем этапе («триумф реформ» и «пороховой революции» автор относит к периоду войн 1654 – 67 гг.), проявились такие новые черты, как возможность быстро и регулярно восполнять боевые потери набором даточных, что было невозможно в старом, сословном войске, и конец господства на поле боя конницы: она уступила место вооруженной мушкетами пехоте⁵⁵. При всей спекулятивности замысла книги и обилии фактических ошибок и неточностей она убедительно показывает, что значение петровских реформ в военно-техническом плане ничтожно по сравнению с теми преобразованиями, которые были успешно проведены в России в предшествующие два столетия.

⁵³ Hellie Richard. Enserfment and Military Change in Muscovy. Chicago and L. 1971.

⁵⁴ Ibid. P. 234.

⁵⁵ Ibid. P. 201.

Между тем, вопрос о регулярности русских войск XVII в. продолжает волновать отечественных историков, причем, совершенно неосознанно следуя схеме еще петровского Устава, они напрямую увязывают уровень их боеспособности со степенью регулярности (т. е., чем больше регулярного в том или ином подразделении, тем оно боеспособнее)⁵⁶. Чтобы преодолеть это следствие долгого господства идеалистического и формационного подходов к изучению истории, требуется не только введение в научный оборот новых данных, но и теоретический, методологический поиск новых критериев оценки боевых качеств ратных людей.

Изучение отдельных сюжетов военного строительства в России 1630-х – 1680-х гг. в историографии 2-й пол. XX – нач. XXI в. Важную роль в качественном улучшении наших познаний о военных реформах времени первых Романовых сыграл ряд исследований локальных сюжетов военного строительства. Так, работы С. Л. Марголина, посвященные стрелецкому войску, выявили существенные особенности в комплектовании, обеспечении и вооружении стрелецких частей в разных регионах страны – в зависимости от местных условий и государственных задач⁵⁷. Артиллерии в полевых войсках и крепостях на юге России в период борьбы с турецко-татарской агрессией 1670-х гг. посвящена диссертация А. К. Левыкина⁵⁸, а динамике размещения и численности стрелецких гарнизонов в том же регионе – В. А. Александрова⁵⁹. Созданию и комплектованию полков

⁵⁶ Чего стоит только утверждение П. П. Епифанова о том, что полки солдатского строя, даже «выборные», еще не вполне регулярны, поскольку... московские стрельцы в 1670-х гг. считаются надежнее их. Иными словами, малая боеспособность по сравнению с однозначно нерегулярными, сословными частями (стрельцами) используется как аргумент против регулярности новых полков. (Епифанов П. П. «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (из истории военного искусства XVII в.) // Ученые записки МГУ. Кафедра истории СССР. М., 1954. Вып. 167. С. 89).

⁵⁷ Марголин С. Л. Вооружение стрелецкого войска // Военно-исторический сборник Государственного Исторического музея. М., 1948. С. 85 – 105; Он же. К вопросу об организации и социальном составе стрелецкого войска в XVII веке // Ученые записки Московского областного педагогического института. М., 1953. Т. 27: Труды кафедры истории СССР. Вып. 2. С. 63 – 96.

⁵⁸ Левыкин А.К. Пушечный наряд и пушкарки во второй пол. XVII в. в России (По материалам южнорусских городов): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М. 1985.

⁵⁹ Александров В.А. Стрелецкое войско на юге русского государства в XVII в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М. 1947.

солдатского строя на Белгородской черте посвятил свою работу по материалам Разрядного приказа В. М. Важинский⁶⁰. Англо-американская школа «русистов» также сочла приемлемой подобную форму изучения военной истории XVII в., результатом чего стали как минимум две интересные работы: К. Белкин-Стивенс о создании и совершенствовании системы снабжения русских войск на границе со степью⁶¹ и Б. Дэвиса о причинах и процессе перевода крепостных крестьян Лебедяни и Доброго в государеву драгунскую службу (1630-е – 1640-е гг.)⁶².

Упомянутые работы содержат один важный недостаток: при большом внимании к социальной, классовой, экономической и материальной стороне изучаемых вопросов, они не ставили целью самостоятельно оценить степень боеспособности изучаемых подразделений или целых родов войск (как артиллерия). А это, в свою очередь, не позволяет полноценно оценить успех того или иного мероприятия правительства в военной сфере. Полное игнорирование военно-исторических сюжетов сильно затрудняет понимание логики преобразований, степени их обусловленности боевым опытом, потребностями государства и изучением иностранного военного дела. Сами упомянутые здесь авторы, как правило, были вполне удовлетворены традиционной «петровской» схемой развития вооруженных сил и не стремились выводить из своих наблюдений какие-либо новые теории.

Как исключение, можно отметить отдельные попытки воспользоваться сравнительным анализом как критерием для оценки реформ – сравнить военные системы России и современных ей государств. Впервые подобным образом построил свое исследование Пузыревский, который поставил в один ряд процессы строительства армии Петровской России и Франции Людовика

⁶⁰ Важинский В. М. Усиление солдатской повинности в России в XVII в. (по материалам южных уездов) // Известия Воронежского государственного педагогического института. Воронеж, 1976. Т. 157. С. 52 – 68.

⁶¹ Belkin Stevens C. Soldiers on the Steppe: Army Reform and Social Change in Early Modern Russia. Dekalb, 1995.

⁶² Davies B. Village into Garrison: the Militarised Peasant Communities of Southern Muskovy // The Russian Review. Vol. 51 / number 4 (October 1992). P. 481 – 501.

XIV⁶³. Не смотря на обычную для его времени идеализацию деятельности этих самодержцев, самой постановкой вопроса работа является новым словом по интересующей нас теме. В советское время *Ф. И. Калинин*, схематично, но целостно изложив свой взгляд на военную организацию России в период войн 1654 – 67 гг., заявил, что она «не уступала, с точки зрения современных ей требований, системам военного устройства соседних стран, а системы многих из них, как показал исторический опыт, значительно превосходила»⁶⁴. Хотя данный вывод базировался на общих наблюдениях, в т.ч. относительно исхода военного противостояния, новизна его – в постановке русской армии XVII в. в общий ряд реально существовавших военных систем того времени, а не сравнение ее с каким-то идеалом.

Трудности подобного анализа рельефно отразились в диссертации американского историка Питера Боумана Броуна о приказной системе Московского государства⁶⁵. Ее деятельности в период т. н. «Тринадцатилетней войны» (1654 – 67 гг.) посвящена значительная часть второго тома работы: долгая война не только изменила структуру приказов и их взаимоотношения, но и стала своеобразным испытанием на прочность этой системы. В сравнении с Речью Посполитой автор выделил главные, на его взгляд, недостатки военного управления в России – чрезмерную централизованность, ограничивавшую инициативу воевод на местах, и некомпетентность, поскольку дьяки не являлись военными специалистами. Это позволило более самостоятельным польским военачальникам нанести царским войскам несколько сокрушительных поражений на втором этапе войны, но их последствия «были преодолены твердостью воли москвитов в их замыслах и мобилизацией возможностей приказной системы в области безжалостного извлечения ресурсов для вооруженных сил». Автор возражает

⁶³ Пузыревский А.К. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб. 1889.

⁶⁴ Калинин Ф. И. Русское войско во второй половине XVII в. // Доклады и сообщения Института Истории АН СССР. М., 1954. Вып. 2. С. 74 – 86.

поспешным упрекам такого рода системе, поскольку централизация изначально была жизненно необходима для выживания Московского государства и внедрения всех новаций, и русские по-другому и не представляли себе систему управления. Зато Польша, отстаившая свои «демократические ценности» шляхетской республики, оказалась бессильной перед соседями в XVIII столетии⁶⁶.

Последнее глубокое исследование по рассматриваемому сюжету – это диссертация А. В. Малова по истории «выборных» полков солдатского строя, защищенная им в 2002 г.⁶⁷ В методологическом плане автор сделал главной задачей введение в научный оборот целостного комплекса архивных документов по истории двух отборных полков солдатского строя (полкового архива 1-го Выборного полка в составе материалов Устюжской чети, а также Разряда, Оружейного приказа и т. п.) и, на основе этого, изучение обстоятельств и хода их создания, комплектования, организации и службы. В целом придерживаясь теоретических положений о различной природе сословной и регулярной армии и отдельных ее частей, автор не ограничился доказательством регулярного характера изучаемых им подразделений. Вывод о том, что при современном господстве полиметодологических подходов в историографии «дискуссии историков о времени появления в России регулярной армии затруднены вариативностью и многослойностью смысловых нагрузок используемых ими понятий» (с. 301), позволил ему освободиться из «прокрустова ложа» старых дискуссий и, впервые в историографии реформ XVII в., сосредоточиться на сугубо военно-исторических вопросах.

Более половины работы (с. 138 – 300) посвящено изучению боевой деятельности выборных полков в 1658 – 1671 гг. Проведенное в контексте

⁶⁵ Early Modern Russian Bureaucracy: The Evolution Of The Chancellery System From Ivan III To Peter The Great 1478-1717 by Peter Bowman Brown, Chicago, 1978.

⁶⁶ Ibid. P. 476 – 479.

⁶⁷ Малов А. В. Выборные полки солдатского строя. 1656-1671 гг.: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2002.

общей истории военных действий против Речи Посполитой, украинских казаков и «вольницы» С. Разина, оно позволило установить высокую боевую ценность этих частей, постепенное повышение их доли в составе действующей армии, и, соответственно, роли в вооруженных силах страны в целом. Обращение к источникам позволило опровергнуть целый ряд застарелых мифов историографии реформ XVII в.⁶⁸ и обнаружить вообще неизвестные ранее процессы, например, планомерное верстание солдат «выборных полков» за их службы поместными окладами и перевод, таким образом, в сословие служилых людей «по отечеству» (с. 299, 300). По совершенно справедливому заявлению автора, «Военная история России, которая в XVII в. больше находилась в состоянии войны нежели мира, и история ее вооруженных сил на уровне, отвечающем современному развитию и состоянию исторических исследований и источниковой базы, до сих пор не написаны историками» (с. 301).

Подводя итог данному обзору, отметим одну закономерность: все поспешные и ошибочные суждения о русском войске XVII столетия были вызваны доктринальными соображениями: низкая оценка их боевых качеств служила удачным фоном для восхваления преобразовательной деятельности Петра I. И на каких бы теоретических основаниях не строились эти суждения: идеи торжества Разума над варварством; смены родового начала государственным; превращения феодально-сословной монархии в абсолютную, – новые архивные изыскания неизменно приводили к сомнению в их оправданности. Однако, историки-архивисты, введившие в научный оборот массу новых данных, сами почти не стремились к теоретическому переосмыслению установившихся концепций. Исключение составил А. В. Чернов, но незавидная судьба его исследования ярко характеризует силу инерции и консерватизма отечественной исторической науки. В настоящее

⁶⁸ Сам автор остановил особое внимание на двух из них: о времени формирования и перечне командиров выборных полков (ошибки были вызваны в основном недостоверностью или

время новое обращение к архивным фондам, а также к творческому наследию Чернова и ряда других историков, в условиях свободы от диктата одной официальной концепции и при тех возможностях, которые предоставляют современные методики исторических исследований (антропология, «микроистория», компаративистика), позволяет совершить настоящий прорыв в изучении военных преобразований в России эпохи первых Романовых.

Литература по истории русской конницы XVII в. По причинам, уже оговоренным в предыдущем обзоре, русская конница XVII в. долгое время рассматривалась через призму «петровских военных реформ» – кризис поместного дворянского ополчения считался и считается одной из предпосылок этих преобразований. Еще одной чертой было обычное отождествление конного ратника XVI и XVII вв., так что для характеристики его поведения и вооружения в начале Северной войны 1700 – 21 гг. могли использовать записки С. Герберштейна 1520-х гг. или Флетчера 1580-х⁶⁹. Известные к середине XIX в. источники: сочинения Посошкова и мемуары иностранцев, а также польские и шведские боевые репортажи, – довольно согласно рисовали картину огромного (до нескольких сот тысяч чел., в зависимости от «осведомленности» автора), но пестро вооруженного и плохо организованного конного войска. Оно билось варварским «лучным боем» и атаковало неприятеля нестройной толпой с саблями наголо, побеждая не умением, а числом⁷⁰. Подобный образ, в сопоставлении с известной чередой успехов русского войска в XVI – XVII вв., вызывал искреннее недоумение у военных историков⁷¹ и уже вскоре был подвергнут критике Д. Ф.

нехваткой источников) и о боевой ценности и задачах этих подразделений (критика утверждений А. В. Чернова о не боевом, а полицейском характере этих полков).

⁶⁹ Ключевский В.О. Сказание иностранцев о Московском государстве. М. 1991. С. 70 – 79.

⁷⁰ О происхождении подобного взгляда и его критику см. : Курбатов О. А. Русско-шведская война 1656-58 гг.: проблемы критики военно-исторических источников // Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие. М, 2002. С. 150 – 154.

⁷¹ Голицын С. Н., кн. Всеобщая военная история новых времен в Восточной Европе и Азии. 1613-1740. Спб., 1878. Отд. 1. С. 7, 8, 41.

Масловским на основании документов, опубликованных в 1 томе Актов Московского государства⁷².

Специальные главы, посвященные России в военно-академических трудах по общей истории конницы (работы Дж. Деннисона 1877 г.⁷³, Г. О. Р. Брикса⁷⁴ 1879 г. (обе опубликованы на русском языке в 1897 г.), С. Л. Маркова⁷⁵ 1887 г. и В. Сахарова 1889 г.⁷⁶) не представляют ничего интересного, будучи полностью подчинены сведениям и оценкам общей историографии. Книга Маркова любопытна своими наблюдениями офицера-практика (он являлся полковником Московского лейб-драгунского полка), в частности, относительно восточно-европейской конницы XVII в. Он отметил, что если одна ее часть (тяжелая «гусария») может быть приравнена к рыцарям, наносящим неотразимый удар, но неспособным к «малой войне», то другая (казаки, польская и турецкая легкая конница и т. п.) – к «азиатской коннице», не обладавшей устойчивостью строя, но своей легкостью и подвижностью способной изнурить и уничтожить более тяжелого противника. «Относительно их обучения мы распространяться не будем, так как вечная война и опасности, в которых они находились, доставляли им такую практику, которую не может заменить самое тщательное и продолжительное мирное обучение»⁷⁷. Только недостаток знаний не позволил автору включить в перечень традиционных кавалеристов Восточной Европы русских дворян и детей боярских, однако наблюдения кавалерийского офицера ценны своей свободой от линейного взгляда на развитие конницы от «нестройной» к «регулярной».

⁷² Масловский Д.Ф. Поместные войска русской армии в XVII столетии // Военный сборник. СПб.; 1890. № 9. С. 7 – 31; Акты Московского государства. СПб., 1890 Т. 1.

⁷³ Деннисон Дж. История конницы. Кн. 1. М., 2001.

⁷⁴ История конницы: в 2 кн. Кн. 2. Примечания Брикса к «Истории конницы» Деннисона М., 2001.

⁷⁵ Марков С. Л. История конницы. Тверь, 1887. Ч. 3. Отд. 1.

⁷⁶ Сахаров В. История конницы. СПб., 1889.

⁷⁷ Марков С. Л. История конницы. Тверь, 1887. Ч. 3. Отд. 1. С. 158.

Из дореволюционных работ необходимо упомянуть монографию еще одного офицера – Н. П. Волынского⁷⁸ (1912 г.), хотя она и выходит из хронологических рамок обзора. Исследуя зарождение драгунской конницы Петра I (1698 – 1706 гг.), автор ввел в научный оборот огромный массив архивных сведений по истории начального этапа Северной войны и составу русских войск в то время. Сам он без сомнений принял все клише «петровской» историографии (в том числе и об обучении рейтар раз в год после сбора урожая), но приведенные им сведения рисуют не столь однозначную картину. Материалом для первых драгунских полков послужили прежние рейтары и копейщики, «имевшие с детства общение с лошадью и привыкшие смотреть на саблю, как на достояние своего сословия», а тяжесть первых полевых боев со шведами вообще легла на конных ратных людей «старых служб». Перевод же этих воинов в драгуны заключался в обучении «салдацкому артикулу» и перевооружении пехотным ружьем. Тот факт, что командный состав был полностью укомплектован русскими начальными людьми прежних полков, а об обучении первых драгун конному строю упоминаний в источниках нет⁷⁹, заставляет (даже вопреки автору монографии) сильно усомниться в «кризисе дворянской конницы» к 1700 г. и ее пресловутой плохой обученности.

Дальнейший обзор литературы целесообразно разбить на два направления: социальную историю военно-сословных групп, составлявших в XVII в. конницу Русского государства, и специальные военно-исторические работы. Первое направление представлено исследованиями по истории «служилого города» плеяды таких блестящих ученых, как С. В. Рождественский⁸⁰, Е. Д. Сташевский⁸¹, С. Б. Веселовский⁸² и А. А.

⁷⁸ Волынский Н. П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне. Спб., 1912. Вып. 1. 1698 – 1706: в 4 книгах.

⁷⁹ Там же. С. 17 - 19, 139 – 144.

⁸⁰ Рождественский С. В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб. 1897.

⁸¹ Сташевский Е. Д. Землевладение Московского дворянства в первой половине XVII века. М., 1911.

Новосельский⁸³. Их работы составили фундамент современных знаний по истории дворянских корпораций и помещичьего землевладения.

Наиболее близки к военно-историческим сюжетам исследования Новосельского, в которых рассмотрены вопросы дисциплины, снабжения, боевых качеств и «чести» городских служилых людей «по отечеству» в их взаимосвязи, причем взгляды его, основанные на серьезном анализе архивных источников, гораздо более реалистичны, чем у многих «военных историков» более позднего времени. Интересны его наблюдения о природе дворянской сотни и причинах создания «выборных», сводных подразделений конницы; впервые рассмотрены факты местничества целых военно-служилых корпораций, а также их «обыкновение активно вмешиваться в действия воевод»⁸⁴. В наше время вновь обратился к этим сюжетам В. Н. Козляков, который на богатом материале рассмотрел судьбы «служилых городов» в Смутное время, преодоление последствий Смуты, верстания и службу дворян и детей боярских в первой половине XVII столетия⁸⁵. При этом необходимо отметить, что подобные вопросы для второй половины века, осложненные созданием полков «нового строя», до сих пор не получили в научной литературе освещения на должном уровне.

Значительную часть ратных людей конной службы составляли в XVIIв. городовые казаки. Истории зарождения и развития сословия «вольного казачества» в эпоху Смуты, а также их превращения в поселенные военно-

⁸² Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-восточной Руси. М.-Л., 1947; Он же. Исследования по истории опричнины. М., 1963; Он же. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

⁸³ Новосельский А.А. Город как военно-служилая и как сословная организация провинциального дворянства в XVII в. // Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма (Научное наследие). М.: Наука. 1994. С. 178-197; Новосельский А. А. Распад землевладения «служилого города» в XVII в. (по десятиям) // Русское государство в XVII в. Сборник статей. М., 1961. С. 231 – 253.

⁸⁴ Новосельский А.А. Очерк военных действий боярина Василия Петровича Шереметева в 1654 г. на Новгородском фронте // Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма (Научное наследие). М.: Наука. 1994. С. 117-135; Он же. Город как военно-служилая и как сословная организация провинциального дворянства в XVII в. // Там же. С. 178 - 197.

⁸⁵ Козляков В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). Ярославль. 2000.

служилые корпорации государевых ратных людей посвящено блестящее исследование А. Л. Станиславского⁸⁶.

Из специальных работ следует выделить в первую очередь статью М.М. Денисовой о вооружении поместной конницы XVI-XVII вв., в которой был убедительно опровергнут один из мифов «петровской» историографии – о военно-технической отсталости этого войска. Единообразие его вооружения наблюдается уже во времена Ивана Грозного, что достигалось едиными требованиями к «конности, людности и оружности» дворян и детей боярских. После Смуты дворяне поголовно перевооружились огнестрельным оружием, предпочитая, правда, рейтарским карабинам легкие пистолеты ближнего боя, а «лучный бой» стал уделом немногих умельцев. Это потребовало совершенствования тактики, что и привело к созданию полков рейтарского строя⁸⁷. В целом же упомянутая работа, как и исследования А. В. Чернова, П. П. Епифанова, С. К. Богоявленского⁸⁸, В. М. Воробьева⁸⁹ и других ученых кардинально поменяли представление о том, что представляла из себя русская конница времен первых Романовых.

В современной историографии необходимо отметить новое направление, распространенное прежде всего в англо-американской литературе. Это – интерес к «микроистории», к быту «человека повседневности», к вопросам его самосознания и мироощущения, тому, что еще называется исторической антропологией. Ученые активно привлекают арсенал методов социологии, культурологии, лингвистики и т. п. Среди авторов, чьи работы затронули историю военно-сословных групп России

⁸⁶ Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. М., 1990.

⁸⁷ Денисова М.М. Поместная конница и ее вооружение в XVI-XVII вв. // Военно-исторический сборник. М. Вып. XX. 1948. С. 29-46.

⁸⁸ Богоявленский С. К. Вооружение русских войск в XVI-XVII вв. // Исторические записки АН СССР. М., 1938. Т. 4. С. 269 – 289.

⁸⁹ Воробьев В. М. Из истории поместного войска в условиях послесмутного времени (на примере новгородских служилых городов) // Исторический опыт русского народа и современность. Мавродинские чтения. СПб. 1994. С. 82 – 91; Воробьев В.М. Как и с чего служили на Руси в XVII в. (к истории русского дворянства). // Средневековая и новая Россия. СПб. 1996. С. 451-462.

XVII в., можно назвать уже упомянутого Р. Хели, Н. Ш. Коллманн⁹⁰, В. А. Кивельсон⁹¹ и др. В России наиболее плотно к этой теме подошел И.Л.Андреев⁹², чьи работы, пожалуй, окончательно похоронили тот образ допетровского дворянина-помещика (который в мирное время «менее всего думал о ратном деле»), что с легкой руки Устрялова вошел в массовое историческое сознание. Вместе с тем, недостаточная определенность в теоретических взглядах⁹³ и иллюстративный подход к источникам и событиям, что еще понятно у представителей англо-американской историографии, снижают научную ценность работ Андреева. В качестве альтернативы хочется указать на монографию П. В. Лукина⁹⁴ о восприятии царя и царской власти в России (после Смуты до Петра I), которая сочетает совершенно новую для отечественной историографии тематику со строгой научностью методов работы (полнота охвата, критика источников и т. д.). Вообще, изучение мотивации поведения служилых людей Средневековья, их отношения к службе, чести (родовой, личной и государевой), монарху – необходимая часть современного исследования отечественных вооруженных сил того времени и тот «камень преткновения», недооценка которого стала причиной многих заблуждений и мифов историографии.

Вместе с тем, необходимо отметить еще одну черту, характерную для современной исторической литературы, которая связана скорее с общественно-политическими явлениями в обществе. Всплеск интереса к истории, в том числе и военной, привел к созданию ряда работ, авторы которых не являются профессиональными историками. Эти книги пользуются спросом, но простая неосведомленность авторов-энтузиастов

⁹⁰ Коллманн Н. Ш. Соединенные честью: Государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001.

⁹¹ Kivelson Valerie A. Autocracy in the Provinces. The Muscovite gentry and political culture in the seventeenth century. Stanford, 1996.

⁹² Андреев И. Л. О бедном дворянстве замолвите слово... // Родина. 1997. № 9. С. 37 – 43; Он же. Дворянство служба в XVII в. // Отечественная история. 1998. № 2. С. 164 – 175.

⁹³ Андреев то призывает изучать «человека повседневности», «среднего человека», обращается к рассмотрению категории «службы» в сознании дворян и детей боярских, то вспоминает про «процесс консолидации господствующего класса» (тезис А. А. Новосельского 1920-х гг.)

приводит к возрождению уже давно изжитых в научной литературе мифов – в частности, в отношении русской конницы XVII в.⁹⁵ С другой стороны, безответственное отношение к военно-исторической тематике, которая долгое время находилась «в загоне» у советской историографии, вызывает появление подобных работ и из-под пера маститых ученых. Имеется в виду статья М. М. Крома о численности русского войска в первой половине XVI в., которую иначе как казусом не назовешь. Исходя из математического сопоставления цифровых показаний хроник и летописей (!) с данными разрядных книг, он заявил, что «русское войско численностью в 100 тыс. чел. и более – это реальное, хотя и не частое явление» в литовских и казанских походах времен Василия III⁹⁶. Достаточно вспомнить, что большая часть московского войска в то время состояла из конницы, и сопоставить эту цифру с демографическими данными⁹⁷, чтобы понять всю фантастичность и несерьезность выводов маститого историка. Подобные явления только повышают актуальность новых научных исследований по военной истории XVI - XVII вв.

Подводя итог данной части обзора, отметим, что при больших успехах в изучении землевладения, материального обеспечения, прохождения службы, а в последнее время – и самосознания конных ратных людей России в XVII в., в историографии существует большой пробел в военно-историческом плане. Роль конницы в военных походах, ее тактическое мастерство, эффективность в различного рода операциях, причины перевооружения и реорганизации (в основном, создания полков «нового

⁹⁴ Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000.

⁹⁵ Бегунова А. И. Сабли остры, кони быстры...: Из истории русской конницы. М., 1992. С. 18 – 43; Тараторин В. В. Конница на войне: История кавалерии с древнейших времен до эпохи Наполеоновских войн. Минск, 1999. С. 313 – 321.

⁹⁶ Кром М. М. О численности русского войска в первой половине XVI в. // Российское государство в XIV – XVII вв.: Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 67 – 81.

⁹⁷ Каштанов С. М. К вопросу о численности русского войска и народонаселения в XVI в. // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславского 27 января – 1 февраля 1991 г. М., 1991. С. 112 – 115; Он же. Россия // История Европы. М., 1991. Т. 3. С. 118 – 138.

строю») остаются на периферии исследований. Тем не менее, установлено, что в военно-техническом плане русские ратники шли в ногу со временем, и это делает целесообразным знакомство с историографией военного дела их западных соседей.

Возможности компаративного подхода к проблеме реформ XVII в.

Появление новых разновидностей пехоты и конницы, изменение структуры и вооружения необходимо изучать в тесной связи с боевым опытом действующей армии. Старый примитивный взгляд, что роды полков «нового строя» были взяты в готовом виде из Западной Европы и, оставаясь без изменений, постепенно превратились в своеобразные чины и разряды служилых людей, должен быть отброшен. Такой стереотип, господствовавший в XIX в., не предполагал какого-либо движения теоретической и практической военной мысли в XVII в. Между тем, в польской военной историографии изучение различных родов конницы XVI – XVII вв. (гусары, панцирные казаки, рейтары и др.) является традиционной темой. Учреждение и развитие их увязывается и с боевым опытом прошедших войн, и с изменениями в тактике, и со взглядами полководцев, и с социально-экономическими причинами, и даже с политической борьбой⁹⁸. Если вспомнить, что в 1660-х – 1700-х годах русская конница, кроме «сотенной» или «ротной» службы, включала в свой состав подразделения гусарского, копейного и рейтарского строя, то стоит задуматься о причинах такого разнообразия.

Ориентиром как для сравнения с параллельными по времени процессами на Западе, так и в теоретическом плане, может стать фундаментальный труд немецкого историка Ганса Дельбрюка «История военного искусства». Одна из глав его тома, посвященного истории Нового времени, называется «Преобразование рыцарства в кавалерию». «Различие этих двух понятий... заключается в том, что в основе рыцарства находится

⁹⁸ См., например: Nagielski M. Liczebność i organizacja gwardii przybocznej i computowej za ostatniego Wazy (1648 - 1668). Warszawa, 1989.

квалифицированный одиночный боец, в основе же кавалерии – тактические единицы, составленные из всадников». Если оставить в стороне вопросы тактики и вооружения, окажется, что переходным моментом является создание рейтарской кавалерии, преимуществом которой стали четкое послушание командам и большая слаженность действий крупных конных построений. Лишенная такой внешней дисциплины строя, шеренга рыцарей-копейщиков в атаке на ведущие непрерывную пальбу эскадроны рейтар или же на строи пехоты добиралась до противника обычно сильно поредевшей: «Ибо тогда остаются в строю лишь немногие храбрецы». Таким образом, с кризисом рыцарского способа боя, основанного на личной отваге и чести знатного дворянина, появилась потребность во внешнем факторе, удерживающем бойцов в строю.

Основным оружием старого рыцарства оставалось копье, а у новой кавалерии им стало огнестрельное (аркебуза или карабин и пистолеты). Это напрямую повлияло на требования, предъявляемые к личному составу конных частей: «Копейщиков набирают из дворян или вообще из выдающихся хороших солдат, а таковых всегда немного. К кирасирам же – и к людям и к лошадям – предъявляют настолько невысокие требования, что их всегда можно набрать гораздо большее количество...». Действительно, искусство действовать рыцарским копьем, выработывавшееся на турнирах и в знатных семьях, не шло ни в какое сравнение с ремеслом стрелка из пистолета или карабина. Итак, преимуществами рейтарской кавалерии стали ее дешевизна и, главное, возможность пополнения из невоенных сословий, за счет отработанной методики обучения всадника и его лошади. Рыцарский способ боя, кроме трудностей с подготовкой одиночного бойца, слишком решительно, для воина эпохи Ренессанса, потребовал от него готовности к самопожертвованию. Указанный процесс, кроме того, в организационном плане привел к распаду личной свиты – «копья» рыцаря – и появлению командного офицерского состава и иных административно-хозяйственных

чинов в кавалерии⁹⁹. Решение вопросов о том, каким образом соотносятся причины аналогичных процессов и сами эти процессы в войске Алексея Михайловича с установленными Дельбрюком для Запада, и правомерно ли их обозначить, чем-то подобным «преобразованию рыцарства в кавалерию», поможет уточнить место русского военного искусства и военной мысли в европейской истории XVII в.

Для более предметного выявления тенденций развития кавалерии большую помощь могут оказать специальные исследования по отдельным армиям Европы. Относительно Западной и Северной Европы, исчерпывающую информацию содержат общие монографии Ф. В. фон Рюстова¹⁰⁰ и Г. О. Р. Брикса¹⁰¹ и капитальные труды по вооруженным силам Дании¹⁰² и Нидерландов¹⁰³, написанные в лучших традициях критической историографии второй пол. XIX – нач. XX вв. Современные работы, выпускаемые специальным военно-историческим издательством «Osprey Military», нередко носят чисто иллюстративный характер и отличаются небрежностью и неточностями, однако те из них, что посвящены истории Гражданской войны в Англии¹⁰⁴ и армии Густава II Адольфа, написаны хорошими профессиональными историками на довольно высоком уровне. Особенно ценным оказалось исследование Р. Бжезинского¹⁰⁵, на архивном материале последовательно опровергающее миф о гениальности еще одного военного реформатора Нового времени – шведского короля Густава II Адольфа. По шведской армии непосредственно периода 1654 – 60 гг. богатая информация содержится в работе немецкого историка Г. Тессина: помимо общих вопросов организации и комплектования, она включает в себя

⁹⁹ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. СПб., 1997. Т. 4. С. 87-103 (глава «Преобразование рыцарства в кавалерию»).

¹⁰⁰ Рюстов Ф. В. фон. История пехоты / пер. с нем. Пузыревского. СПб., 1876.

¹⁰¹ История конницы: в 2 кн. Кн. 2. Примечания Брикса к «Истории конницы» Денисона М., 2001.

¹⁰² Vaupell O. Den Danske Haers Historie til nutiden og den Norske Haers Historie indtil 1814. Kjobenhavn, 1872.

¹⁰³ Ten Raa F. J. H. en De Bas F. Het staatsche leger 1568 – 1795. Breda, 1918.

¹⁰⁴ Tincey J. Soldiers of the English Civil War. Ldn., 1990.

¹⁰⁵ Brzezinski R. The Army of Gustavus Adolphus. Ldn., 1993.

подробные справки о всех полках и «шквадронах», в которых служили солдаты немецкой национальности¹⁰⁶. Правда, автор работал только с доступными ему архивными фондами капиталистических стран, и ему остались неизвестны документы гос. архивов Эстонской и Латвийской ССР с информацией о «немецких» частях Лифляндской армии шведов. Этот пробел отчасти восполняется статьями советского эстонского исследователя М.Лайдре¹⁰⁷, основанными как раз на материалах указанных архивов. Упомянутые работы позволяют достаточно полно представить себе все стороны состояния вооруженных сил в тех странах, чьи военные специалисты приносили свои знания и опыт в Россию в середине XVII в.

Привлечение для данного исследования польской военной историографии XVII в. является обязательным. Во-первых, польско-литовская армия – главный оппонент царских войск середины столетия – воевала на тех же территориях, теми же средствами и сталкивалась с теми же трудностями, что и русские. Вообще, подобные постоянные противники всегда взаимно влияют друг на друга в области вооружения, тактики и т.п. Кроме того, в Речи Посполитой в то время также шло создание войск западноевропейского образца (т.н. «чужеземский ауторамент»), и поэтому многие процессы и нормы в польской и русской армиях имеют значительные параллели. Иноземные военные специалисты поступали в них со схожим боевым опытом, имели одинаковые взгляды на строительство вооруженных сил, а зачастую и переходили с одной службы на другую (например, Патрик Гордон за шесть лет успел послужить в шведской, польской и русской армиях).

Чертой, выгодно отличающей польскую военную историографию, является отсутствие в ней мифов, подобных «петровскому»: процесс

¹⁰⁶ Tessin G. Die Deutschen Regimente der Krone Schweden. Köln-Graz, 1965. Teil I.

¹⁰⁷ Лайдре М. Количество и состав шведской акехоты в Лифляндии в 1655-1661 гг. // Скандинавский сборник. Таллинн, 1986. Т. XXX. С. 27 – 39; Он же. Шведская кавалерия и артиллерия в Лифляндии в 1655-1661 годах // Скандинавский сборник. Таллинн, 1988. Т. XXXI. С. 64 – 77.

развития вооруженных сил не делится на искусственные периоды «до» и «после». Более того, войны середины XVII в., а в особенности польско-шведская (т.н. «Потоп») – это не просто одна из основных ее тем, это поистине часть национальной идеи, чье значение правомерно уподобить эпохе 1812 г. в российской историографии. Знакомство с военным делом середины XVII столетия по польским исследованиям способно прояснить многое из боевой практики и царских войск того же времени.

Данные вопросы были довольно хорошо разработаны уже в довоенной польской историографии, о чем свидетельствуют, в частности, книги С.Хербста и статьи из «Энциклопедии войсковой»¹⁰⁸. После Второй мировой войны основной трибуной военных историков стали периодические сборники «Исследований и материалов по истории военного искусства», а затем – «... по истории военного дела». Из крупных ученых можно назвать Б.Барановского¹⁰⁹, Х. Виснера, подробно рассмотревшего ряд аспектов развития литовского войска¹¹⁰ и, главное, Яна Виммера. Из-под пера этого военного историка вышли многочисленные работы как по ходу военных действий¹¹¹, так и по различным аспектам организации и финансирования польской армии¹¹², включая публикации и исследования смет («компутов») коронного войска¹¹³ и первого пехотного устава¹¹⁴. Книги и статьи ученого – настоящая энциклопедия польских коронных войск той эпохи.

¹⁰⁸ Herbst S. *Wojna Inflancka 1600 – 1602*. Warszawa, 1938. *Encyclopedja wojskowa* / red. O. Laskowski. Warszawa, 1931 – 37. T. 1 – 7.

¹⁰⁹ Baranowski B. *Organizacja regularnego wojska Polskiego w latach 1655/1660* // *Studia i Materiały do Historii Sztuki Wojennej*. Warszawa, 1956. T. II. S. 209 – 229.

¹¹⁰ Wisner H. *Działalność wojskowa Janusza Radziwiłła 1648 – 1655* // *Rocznik Białostocki*. W-wa, 1976. T. XIII. S. 53 – 109; Wisner H. *Wojsko Litewskie 1 połowy XVII wieku*. Cz. 1 // *Studia i Materiały do Historii Wojskowości*. Warszawa, 1973. T. XIX; Cz. 2 // *SiMHW*. Warszawa, 1976. T. XX. S. 5 – 26; Cz. 3 // *SiMHW*. Warszawa, 1978. T. XXI. S. 45-148.

¹¹¹ Wimmer J. *Przegląd operacji w wojnie Polsko-Szwedzkiej 1655 – 1660* // *Wojna polsko-szwedzka 1655-1660*. Warszawa, 1973. S. 127 – 197.

¹¹² Wimmer J. *Wojsko polskie w drugiej połowie XVII wieku*. Warszawa, 1965; Wimmer J. *Historia piechoty polskiej do roku 1864*. Warszawa, 1978.

¹¹³ Wimmer J. *Wojsko i finanse Rzeczypospolitej w czasie wojny ze Szwecją 1655-1660* // *Wojna polsko-szwedzka 1655-1660*. Warszawa, 1973. S. 37 – 99.

¹¹⁴ Wimmer J. *Błażeja Lipowskiego pierwszy polski regulamin piechoty* // *Studia i Materiały do Historii Wojskowości*. Warszawa, 1976. T. XX. S. 333-357.

Многочисленные статьи ряда авторов, посвященные отдельным моментам военной истории (конкретные походы и сражения), обычно содержат в себе очерки состояния участвовавших в них войск и особенности их тактики. В. Маевский суммировал данные по ряду сражений и проанализировал состояние военного дела, прежде всего, тактики, в Речи Посполитой 1655-60 гг. в специальном исследовании¹¹⁵. Историк пришел к выводу, что при столкновении со шведской регулярной армией поляки предпочли усовершенствовать приемы собственной тактики и развили традиции национального военного дела, используя, в частности, опыт знаменитых «лисовчиков».

Из современных авторов следует отметить Мирослава Нагельского, чьи работы основаны на кропотливом изучении новых архивных материалов. Книга о гвардии короля Яна Казимира (1648-68 гг.)¹¹⁶ построена в виде подробных справок по отдельным частям этого войска, напоминая этим рассмотренную выше работу Г. Тессина. Историк связывает изменения в составе гвардейских подразделений не только с ходом военных действий, но и со сложной внутривойсковой обстановкой в Речи Посполитой, в частности, с борьбой между королем и магнатами по вопросу о наследовании трона. Нагельский не только вводит в оборот новые источники, но и ищет оптимальные методы изучения и подачи материала, определения его места в контексте общественно-политической и военной истории страны. Подобный поиск определил тему и структуру другой его работы – монографической статьи по истории одной гусарской хоругви литовского войска (с 1648 г. А.Х.Полубенского, а с 1655 г. – Короля)¹¹⁷. В отдельных главах автор рассмотрел вопросы комплектования, личного состава подразделения, его организацию, срок и порядок службы «товарищей», а также, явно под

¹¹⁵ Majewski W. Polska sztuka wojenna w okresie wojny Polsko-Szwedzkiej 1655-60 // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. Wrocław, 1978. T.XXI. S. 333-345.

¹¹⁶ Nagielski M. Liczebność i organizacja gwardii przybocznej i computowej za ostatniego Wazy (1648 - 1668). Warszawa, 1989.

влиянием новых веяний в мировой историографии, ввел раздел «гусар и общество». Вообще, работа написана уже в рамках «микроистории» и антропологии: главное внимание в ней уделено личностям, рядовым участникам исторического процесса. Она не содержит данных о боевом пути изучаемого подразделения, эволюции его вооружения или тактики, в силу чего для настоящей работы представляет интерес больше в методологическом и композиционном плане.

Итак, польская военная историография XVII в. содержит богатейший материал для компаративных исследований и, вместе с тем, интересна своими новейшими теоретическими поисками.

Литература по истории Новгородского разряда и боевых действий его войск в середине XVII в. В первую очередь, необходимо отметить коллективные труды ленинградских (петербургских) историков под редакцией А. Л. Шапиро об аграрной истории Северо-запада России¹¹⁸, которые позволяют отчетливо представить себе особенности землевладения военно-служилых корпораций новгородцев и псковичей, содержат обобщенные данные писцовых описаний по размерам их поместий. Более ранняя монография Б. Д. Грекова обстоятельно освещает условия службы и состав такой своеобразной категории землевладельцев, как дети боярские новгородского Софийского дома (т. е., архиепископа, а затем митрополита Великого Новгорода)¹¹⁹.

Боевым действиям, которые вели войска Новгородского разряда в 1654 – 67 гг., посвящено немного работ, что, впрочем, относится и к истории этой «неизвестной войны» в целом. Впервые с научных позиций к этой теме обратился А. П. Барсуков: изучая историю рода Шереметевых, он посвятил

¹¹⁷ Nagielski M. Chorągwie Husarskie Aleksandra Hilarego Polubinskiego i króla Jana Kazimierza w latach 1648-1666...// Acta Baltico - Slavica. Wrocław, 1983. T. XV. S. 77-138.

¹¹⁸ Аграрная история Северо-Запада России / под ред. А.А. Шапиро. Л., 1989; История крестьянства Северо-Запада России. Период феодализма / РАН. Ин-т истории. СПб. филиал. СПб., 1994.

¹¹⁹ Греков Б. Д. Новгородский дом святой Софии (Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины) СПб., 1914. Часть I.

несколько разделов своего труда деятельности воеводы Новгородского полка 1654 – 55 гг. Василия Петровича Шереметева и его сына Матвея, воеводы Псковского полка в 1657 г.¹²⁰.

В XX в. вновь к той же теме – боевым действиям Новгородского полка в 1654 г. – обратился А. А. Новосельский, возможно, в связи с подготовкой очередного тома «Очерков истории СССР»¹²¹. Историк впервые использовал комплекс полкового и приказного делопроизводства, сохранившийся в фондах Разрядного приказа; в частности, им были использованы столбцы оперативной переписки, Приказного стола (челобитье Ж. Кондырева), а также послужные списки дворянской конницы. Интересен комплексный подход к изучению боевых действий: помимо основного похода, были последовательно рассмотрены операции местного значения, состояние тыла, а также боевой обстановки в зимний период. Работа не была опубликована своевременно, поскольку в «Очерки» вошла статья А. Н. Мальцева, охватывавшая военные действия русско-польской войны 1654-67 гг. в более широком объеме. Написанная на основе статьи первая часть монографии Мальцева¹²² также интересна новыми архивными данными по походам новгородцев в 1654-55 гг., а также обзором военно-стратегических замыслов командования.

В период Великой Отечественной войны вышли две обстоятельные работы С. С. Гадзяцкого, посвященные истории боевых действий против шведов в 1656 – 58 гг. на территории Карелии и Ижорской земли¹²³. Документы Разрядного приказа позволили не только в подробностях восстановить их ход, но и рассмотреть такие сюжеты, как отношения с мирным православным населением отторгнутых от России земель,

¹²⁰ Барсуков А.П. Род Шереметевых. СПб, 1884. Кн. 4.

¹²¹ Новосельский А.А. Очерк военных действий боярина Василия Петровича Шереметева в 1654 г. на Новгородском фронте // Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма (Научное наследие). М.: Наука. 1994. С. 5, 6, 117-135.

¹²² Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII в. М., 1974.

формирование добровольческих отрядов «вольных казаков» и действия донских казаков в этом регионе. Последние вопросы напрямую относятся к организации и комплектованию войск Новгородского разряда 1650-х гг. Из военно-исторических сюжетов важно описание битвы под Гдовом 16 сентября 1657 г., которую автор назвал незаслуженно забытой славной страницей боевого прошлого нашей Родины.

Напоследок необходимо остановиться и на новейшей работе белорусского автора Г. Сагановича¹²⁴. На первый взгляд, это очень ценная работа, как никогда подробно описывающая боевые действия в Литовском великом княжестве и сообщающая много доселе малоизвестных, отчасти по идеологическим причинам, фактов. Однако, подход автора к источникам совершенно ненаучный: в предисловии он с порога заявляет о лживости русских документов, даже цифр «царской канцелярии» (!)¹²⁵; польские же источники – шляхтские письма и воспоминания, к которым, несомненно, надо относиться весьма осторожно – цитирует или пересказывает обильно и без оговорок. По этому и ряду других признаков эту работу невозможно отнести к научному исследованию¹²⁶ – скорее, судя по проникнутым русофобскими интонациями терминологии и фразеологии, это своеобразная хрестоматия для белорусских националистов (работа написана в 1995 г.).

Итак, такие вопросы истории войск Новгородского разряда, как их организация, комплектование и участие в боевых действиях в отечественной историографии лучшим образом изучены за начальный период войн с поляками и шведами – 1654-58 гг. Последующие события были известны либо по главам из «Истории России» С. М. Соловьева, либо по таким неудовлетворительным сочинениям, как уже упомянутая работа Сагановича.

¹²³ Гадзяцкий С.С. Борьба русских людей Ижорской земли в XVII веке против иноземного владычества // Исторические записки. М., 1945. Т. 16 С. 14 – 57; Гадзяцкий С.С. Карелия и южное Приладожье в войне 1656-58 гг. // Исторические записки. М., 1941, Т. 11. С. 236 – 281.

¹²⁴ Сагановіч Г. Невядомая вайна 1654-1667. Мінск, 1995.

¹²⁵ Там же. С. 5 – 7.

¹²⁶ Более подробную критику см.: Курбатов О. А. Рецензия на книгу: Сагановіч Г. Невядомая вайна 1654-1667. Мінск, 1995 // Архив русской истории. М., 2002. С. 339 – 344.

Автором данного диссертационного сочинения были изданы две статьи по истории «Литовского похода» 1659-60 гг. кн. И. А. Хованского¹²⁷ – яркого события не только для Новгородского разряда, но и для всей русско-польской войны 1654 – 67 гг.

4. Цель и задачи исследования.

Обзор литературы показал всю важность нового комплексного обращения к истории военных преобразований в России в XVII в., а также помог определиться с методикой такого исследования. В первую очередь, необходима кропотливая работа с самым широким кругом источников, в основном с приказной документацией, а также освобождение от традиционного взгляда на развитие русской армии того времени через призму «петровской легенды». Трактовка деятельности «государственных мужей» России XVII столетия только как «предтеч» петровских реформаторов или их консервативных противников, а исторического пути страны – как времени «формирования предпосылок» преобразований и борьбы «старого» и «нового», вытекает из устаревших концепций исторического процесса и лишает возможности понять реальные мотивы деятельности русских людей того времени. Это в полной мере относится и к изучению военного строительства в Московском государстве.

Исходя из этого, цель исследования состоит в том, чтобы изучить преобразования в вооруженных силах России середины XVII в., их содержание и особенности, на примере одного из боевых и высокопрофессиональных соединений русской армии относительно устойчивого состава – конницы Новгородского разряда. Конкретизируя эту задачу, отметим следующее: ввиду того, что одним из критериев перехода от армий средневековых к армиям Нового времени («регулярным») считается сословность или внесословность подразделений и, следовательно, их

¹²⁷ Курбатов О. А. «Литовский поход 1659 г.» кн. И. А. Хованского и битва при Полонке 18 июня 1660 г. // Славяноведение. 2003. № 4. С. 25 - 40; Kurbatow O.A. Połonka 1660 – spojrzynie z Moskwy. // Mowią wieki. Magazyn historyczny. 2000. № 10/00 (490). S. 27-36.

комплектование, моральный облик, способы передачи военных знаний, обеспечение, основное внимание уделено изучению взаимоотношений старой, военно-сословной, и новой, полковой структуры конницы Новгородского разряда за период 1654–1667 гг.

Для достижения указанной цели автором поставлены **задачи**:

- подробно воссоздать картину преобразований «полковой службы» конных ратных людей Новгородского разряда начиная с исходного состояния и до окончания активных боевых действий войн 1654-67 гг.;
- проанализировать влияние на данные процессы военно-политической и экономической обстановки, а также конкретной ситуации на театре боевых действий;
- установить роль личностей в руководстве разрядом в качестве проводников преобразований;
- установить критерии для оценки эффективности результатов реформ безотносительно к традиционной схеме историографии об их соответствии стандарту «регулярной армии».

Объектом исследования стали все ратные люди, которые несли конную службу в полках этого разряда, их сословные группы («города», «станции» и др.) и подразделения «полковой службы».

Сразу необходимо оговорится, что в этом плане рамки данной работы достаточно условны и взяты во многом для удобства в выяснении главных тенденций. Так, представители казачьего сословия нередко в течение войны переходили из пешей службы в конную и обратно, поэтому нет иного выхода, как освещать историю сословных групп, а не конных подразделений. С другой стороны, существовали части, лишь временно входившие в состав конницы разряда: рейтары подчинения Рейтарского приказа, донские казаки, татары и «присяжная» шляхта. Из них необходимо остановиться на рейтарах, как образце для будущего реформирования конницы Новгородского разряда, и донских казаках, чьи станции практически поселились в некоторых его

городах и также послужили там образцом при создания конных подразделений из «вольных людей».

Драгунские формирования в России XVII столетия не могут быть отнесены к конным ратным людям ни по каким признакам. Как и в остальной Европе, это были посаженные на лошадей мушкетеры, призванные сопровождать конные отряды, а при столкновении с противником спешиваться и поддерживать их огнем. Их начальные люди ведались не в Рейтарском (как у рейтар, копейщиков и гусар), а в Иноземском приказе, способы комплектования, вооружение, снаряжение не отличались от солдатских. Наконец, и в документах того времени драгуны называются «пехотой»¹²⁸. Все это не позволяет включать в рамки исследования историю полков драгунского строя Новгородского разряда.

Итак, **предметом исследования** стал процесс преобразований русской конницы в середине-второй половине XVII в. Ход боевых действий 1654-67 гг., за некоторыми исключениями, довольно скудно освещен в историографии, поэтому еще одним, крайне необходимым для прояснения предпосылок и причин преобразований предметом работы стало изложение военной истории самого малоизученного периода – 1659 – 67 гг.

Хронологические рамки. За начальную дату принят 1654 г. – год начала регулярной походной жизни конницы Новгородского разряда после длительного перерыва. Изучение порядка «полковой службы» с 1654 г. позволяет составить довольно ясное и полное представление о ее традиционной организации, сложившейся в течение последних полутора – двух веков непрерывного развития. Исходя из задачи выявить влияние на реформы военно-политической ситуации и боевого опыта войск, хронологические рамки совмещаются с периодом непрерывной боевой деятельности 1654-67 гг. По окончании военных действий характер

¹²⁸ Курбатов О. А. Русско-шведская война 1656-58 гг.: проблемы критики военно-исторических источников // Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие. М., 2002. С. 151, 157.

преобразований изменяется, будучи подчинен уже не решению конкретных боевых задач, а процессу перехода на мирное положение; прерывается и регулярный сбор ратных людей в полки. Таким образом, верхняя дата исследования – 1667 г., год Андрусовского перемирия с Речью Посполитой и прекращения войны на западной границе государства.

4. Характеристика источниковой базы.

Источниковую базу удобнее охарактеризовать традиционно по двум основным видам – документальные и нарративные. Надо сказать, что в ряде случаев деление это условно: такие документы приказного делопроизводства, как коллективные челобитные ратных людей о жаловании или рассказ стольника Чемоданова, посла в Венеции, о царском войске содержат много живых подробностей нарративного характера, а в «памятной книге» С. Медекши¹²⁹ можно найти «компут» (смету) литовского войска 1661 г.

Законодательные источники. Основным законодательным источником является, конечно, Соборное уложение 1649 г., особенно глава VII, "О службе всяких ратных людей Московского государства" . Здесь устанавливаются правила в основном для поместной конницы, прежде всего в отношении самого большого вопроса: бегства со службы или неявки, условий отпуска домой и замещения отставленного даточным или беспоместным. Кроме того, в I томе Полного Собрания законов Российской империи содержится большое количество царских указов, но отнесение их к законодательству достаточно условно: в основном это такие же документы приказного делопроизводства, какие впоследствии были опубликованы в массе других сборников.

Приказная документация. При работе над данной темой были использован целый ряд сборников документов, начиная с изданных в 1830 - 40-х гг. «Актов Археографической экспедиции» и «Актов Исторических». Документы Разрядного приказа содержатся в таких публикациях, как

¹²⁹ Medeksza, S.F. Stefana Franciszka z Proszcza Medekszy ksiega pamietnicza. Krakow, 1875.

«Дворцовые разряды», т. 3 и дополнения к нему¹³⁰, «Акты Московского государства», т. 2 и 3¹³¹, «Сборник МАМЮ», т.6 и «Записные книги Московского стола»¹³². Особенно облегчает работу над одним из важнейших периодов в истории Новгородского разряда (1660 – 61 гг.) почти полная публикация нескольких столбцов по этой тематике в 3-м томе Актов Московского государства. Необходимо также отметить подготовленную к печати С. Б. Веселовским смету военных сил Московского государства 1661 – 63 гг.¹³³: та ее часть, что содержит данные о Новгородском разряде, сопровождается емкими замечаниями боярина кн. Б.А. Репнина о подразделениях этого войска (конец 1662 г.). Среди сборников, изданных в советское время, следует назвать «Разрядную книгу 1637-38 года»¹³⁴ и роспись русского войска 1604 г.¹³⁵: их данные важны для изучения ранней истории отдельных категорий ратных людей.

Замечательная переписка по военным действиям 1654 - начала 1660-х гг. содержится во 2-м томе «Записок отделения Русской и Славянской археологии» – она составлена из документов Тайного приказа. Обстановку в окрестностях Витебска на протяжении 1654 – 67 гг. довольно полно характеризуют материалы, собранные А. Сапуновым в одном из томов «Витебской старины»¹³⁶.

В большинство упомянутых сборников вошли документы разных видов, образовавшиеся в процессе приказного делопроизводства, поэтому их тематическую и видовую характеристику целесообразно будет дать совместно с неопубликованными материалами тех же приказов,

¹³⁰ Дворцовые разряды, издаваемые по высочайшему повелению... СПб., 1852. Т. III (1645 - 1676); Дополнения к III тому Дворцовых разрядов ... СПб., 1854.

¹³¹ Акты Московского государства. Т. 2. СПб., 1894; Т. 3. СПб., 1901.

¹³² Записная книга Московского стола 7171 (1662-1663 гг.). // РИБ. Т. 10. СПб. 1888; Записная книга Московского стола 7173 (1664-1665 гг.). // РИБ. Т. 11 СПб., 1889.

¹³³ Веселовский С.Б. Сметы военных сил Московского государства. 1661-1663 гг. // ЧОИДР. М. 1911. Кн. 3. С. 1-60.

¹³⁴ Разрядная книга 1637-38 года. М., 1983.

¹³⁵ Боярские списки последней четверти XVI-го – начала XVII-го вв. и роспись русского войска 1604г. М., 1979.

¹³⁶ Витебская старина / сост. А. Сапунов. Витебск, 1888. Т. 4. Отд. 2.

хранящимися в Российском государственном архиве Древних Актов (РГАДА).

Львиную долю использованных в работе документов составляют материалы Разрядного приказа – учреждения, ведавшего ходом военных действий, службой служилых людей «по отечеству» и некоторых других категорий ратных людей. Задействованными оказались документы таких описей Фонда 210 (Разрядный приказ), как Описи 4 (Десятни), 5 (Смотренные списки), 6 (Книги Московского стола), 6-а (Книги Новгородского стола), 9 (Столбцы Московского), 11 (Новгородского), 12 (Белгородского) и 13 (Приказного столов), Дополнительные описи 17 и 19.

Материалы приказа Тайных дел содержатся в фонде-коллекции Госархива (Ф. 27) и интересны прежде всего «статьями» царя к воеводам. Их происхождение вызвано практикой посылки с важными заданиями к воеводам знатных дворян московских чинов, которые устно (а порой и тайно) передавали царские указы и выполняли особые поручения – к примеру, независимо оценивали состояние полка и боевую обстановку. Немаловажно, что тексты каждого документа (включая и неотправленные) сохранились как в черновом, так и в беловом варианте. Кроме того, значительная часть материалов отложилась в составе столбцов Московского стола Разряда: дело в том, что долгое время царь осуществлял личное руководство боевыми действиями, и оперативная переписка шла через приказ Тайных дел. Лишь после упразднения этой царской канцелярии соответствующие столбцы были переданы в Разряд, но, к сожалению, не все сохранились – как, например, «9-й столп 168 г.» с важнейшими грамотами к Хованскому и от него во время Литовского похода 1659-60 гг.¹³⁷.

По видам все эти документы делятся на столбцы, тетради и книги. Столбцы содержат в основном текущую переписку: указные и челобитные грамоты, отписки воевод, указы, памяти, сказки, сметы и всякого рода

¹³⁷ Дела Тайного приказа. Кн. 1 // Русская историческая библиотека. СПб., 1907. Т. 21. С. 917 - 924.

рописи. Что же касается тетрадей и книг, то к ним относятся такие документы, как смотренные списки, раздаточные и окладные книги жалованья, разборные книги служилых людей или записные книги столов, то есть те, что содержат какие-либо подробные отчеты и росписи., необходимые при повседневной деятельности приказа и используемые чаще, чем столбцы.

Представление о составе и численности вооруженных сил в целом дают уже упомянутые сметы военных сил, а также разрядные книги. Аналогичные данные об отдельных отрядах содержатся в исходящих документах приказов и воеводских отписках (особенную ценность представляют сведения на тот или иной момент похода), а также в документах о выдаче жалованья тем или иным категориям служилых людей и, конечно, в смотренных списках. В частности, книга выдачи жалованья ратным людям после битвы при Полонке в августе 1660 г., сохранившаяся в составе одной из коллекций МГАМИД – в фонде 137 («Боярские и городовые книги»)¹³⁸, – ценна «сказками» ратных конных людей о состоянии их поместий и отметками, участвовали ли они в бою или были «в посылке», съезжали после боя из Полоцка или «жили без съезду», и т.п. Однако, работа с этим видом документов часто осложнена отсутствием числовых итоговых данных, так что подсчет приходится проводить самостоятельно по именованным спискам.

Подобная же методика работы с послужными списками позволяет поднять огромный пласт информации, доселе неизвестный исследователю. Каждый сотенный голова имел именной список своей сотни (отсюда, видимо, и его иное название – «письменный голова»), и по окончании похода, либо после какой-либо битвы составлял «послужной» список: в нем указывались заслуги каждого бойца («бился явственно», «убил двух мужиков», «взял шляхтича» и т. п.), а также сведения о его ранении, гибели или потери лошади. Какова бы ни была степень достоверности информации о заслугах, сам список, при сопоставлении с единовременными данными смотров и

¹³⁸ РГАДА (далее название архива опускается).Ф. 137. Оп. 1. Новгород. № 64.

раздач жалования, позволяет проникнуть в структуру «сотенной службы»: установить численность подразделения, состав по «городам» и «станицам», родство рядовых внутри сотни, наличие даточных и т. п.

Самый большой по объему комплекс использованных документов – это оперативная переписка между воеводами внутри полка Новгородского разряда и с Москвой. Она содержится в основном среди столбцов Московского и Новгородского столов, а также в записных книгах этих столов. Изучение ее позволяет представить ход военных действий и военно-политическую обстановку в регионе (благодаря «роспросным речам» пленных и иных людей), что особенно важно для малоизвестного периода 1660 – 67 гг. Она же дает яркое представление о разных сторонах подготовки к боевым действиям, в частности, о процессе сбора ратных людей в полки. Донесения воевод о сражениях, хотя и очень лаконичные, порой позволяют увидеть как процесс руководства войсками, так и ход боя в целом и роль в нем тех или иных подразделений. Для данных целей особенную важность представляет отписка воеводы И. А. Хованского о сражении под Гдовом в ночь на 16 сентября 1657 г.¹³⁹

Значительный материал к размышлению представляет собой сведения о потерях, которые содержатся в смотренных списках, отписках воевод и челобитных самих раненых. Конечно, их достоверность во все времена является самым больным вопросом для военных историков, однако, кроме чисто цифровых данных, из этих списков можно извлечь массу информации другого рода. Впервые о подобном их использовании, на примере списка раненых при штурме Динабурга в 1655 г., сообщил в 1995 г. А. А. Михайлов¹⁴⁰. При отсутствии или недостатке других источников из них можно выяснить, какие подразделения участвовали в штурме, сражении, осаде, «посылке» и т.д. Соотношение их потерь помогает уточнить степень

¹³⁹ Сборник Московского архива Министерства Юстиции. СПб., 1914. Т. VI. С. 340-343.

¹⁴⁰ Михайлов А. А. Использование списков раненых для изучения русской военной истории XVIIв. // Россия в X – XVIII вв.: Проблемы истории и источниковедения. М., 1995. С. 355-360.

участия в бою тех или иных частей, тому же служат и сведения о характере ранений. Дело в том, что размеры царского жалованья «на лечьбу» зависели от тяжести ранения, и поэтому подьячие добросовестно записывали, куда, чем и из чего ранен служилый человек, тяжела ли рана и т.п. Это, кстати, говорит о достоверности данных о числе раненых: ведь за жалованьем обращались даже легко пострадавшие. Добавим, что описание ранений дает представление об оружии, которым в основном сражался противник, а значит, и о характере боевого столкновения.

Челобитные ратных людей также являются очень ценным источником. Для данной темы особую важность имеет давно известная в историографии челобитная дворян и детей боярских Новгородского разряда на воеводу кн.С.А.Урусова, дополненная ответами самого боярина (материалы следствия отложились в документах приказа Тайных дел)¹⁴¹. Она не только дает представление о ходе одной из боевых операций – походе на Брест осенью 1655 г., – но и содержит массу ценной информации о взаимоотношениях воеводы и различных групп служилых людей его полка.

Фонд 141 («Приказные дела старых лет»), а также фонд 159 («Приказные дела новой разборки») содержат документы Новгородской четверти, которой руководили дьяки Посольского приказа. Как известно, Новгородская четь (или Новгородский приказ) являлась территориальным приказом наподобие Сибирского или приказа Казанского дворца, и поэтому в ее фондах отложились документы воеводского управления, в т.ч. о назначении и смене городских воевод, а также по личному составу городских служилых людей «по прибору».

Большой информационный потенциал имеют книги Печатного приказа (фонд 233) – в них в хронологическом порядке ежедневно велись краткие

¹⁴¹ Записки отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества. СПб., 1861. Т. 2. С. 659 – 681. Одним из первых внимание на нее обратил С. М. Соловьев (Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М, 1991. Кн. 6. Т.11. С. 619 - 621). См. также: Кошелева О. Е. Коллективные челобитья дворян на бояр (XVII в.) //

записи о государевых грамотах, на которые в приказе после уплаты соответствующей пошлины (или без оной) ставили печать. В самом полном виде представлена картина производства из чина в чин начальных людей Новгородского разряда, а также смены воевод, стрелецких и казачьих голов в его городах.

Итак, документы официального делопроизводства позволяют воссоздать довольно полную картину происходившего, получить исчерпывающие сведения о войсках Новгородского разряда в 1654 - 67 гг.

Нарративные источники. Источники личного происхождения, тем не менее, также представляют значительную ценность. В первую очередь, это сочинение Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича». Автор по своему служебному положению – подъячего в Посольском приказе и «у полковых дел» – был хорошо осведомлен в военных делах и сообщил массу ценных сведений. Правда, при использовании их необходимо помнить, что они относятся к началу 1660-х гг. и более достоверны в отношении центральной группировки войск, где служил сам автор. Ближе по времени лаконичное, но очень интересное свидетельство стольника Чемоданова о русском войске, относящееся к 1657 г. Наконец, прекрасно освещен быт и боевая жизнь русской армии в дневнике П. Гордона¹⁴², правда, и им необходимо пользоваться с оговорками, учитывая время и место его создания, а также некоторую пристрастность автора.

Сочинения иностранцев, побывавших в России, также содержат ряд интересных сведений. Многие из них в свое время оказали сильное влияние на взгляды историков, поскольку были более доступны, чем отечественные источники. Думается, что использовать их можно только как дополнение, иллюстрацию к уже освещенным на основе архивных данных проблемам, поскольку очень важно не только верно их интерпретировать, но и

Отечественная история. 1982. № 12. С. 171 – 177; Андреев И. Л. Дворянство и служба в XVII веке // Отечественная история. 1998. № 2. С. 164 – 175.

¹⁴² Гордон П. Дневник. 1635-1659. М., 2000; Гордон П. Дневник. 1660-1668. М., 2002.

учитывать порой весьма серьезную пристрастность авторов. В работе были использованы малоизвестные записки итальянца А. В. Де Ченедо (был в России в 1657 г.) и датчанина А. Роде¹⁴³. Они содержат ряд сведений о русском войске, в том числе об иноземцах и военном деле, и особенно ценны тем, что носят самостоятельный характер, получены из первых рук, а не являются, как во многих случаях, пересказами известий более ранних авторов, вплоть до С. Герберштейна.

Имеются свидетельства и противной стороны - шведов и поляков. Они рассчитаны на западную публику, в среде которой уже тогда сформировалось мнение о России как о своего рода «империи зла» и восточной деспотии, и авторы не ограничивали себя в преувеличении численности «москвитов», а также значимости своих побед и нанесенных врагу потерь¹⁴⁴. Но с точкой зрения о русской армии как о беспорядочной и огромной полутатарской орде соседствовала и другая, особенно у поляков. Они, напротив, превозносили боевые качества русских частей западного, «немецкого» образца, удивляясь большому количеству иностранных офицеров и вооружения¹⁴⁵.

Конкретно для истории Новгородского разряда представляют интерес мемуары «товарищей» дивизии С. Чарнецкого Я. Х. Пасека¹⁴⁶ и Лося¹⁴⁷, а также дневник литовского гусара Я. В. Почобута-Одлянцкого¹⁴⁸, за период 1660-61 гг. Пасек является настоящим классиком польской литературы XVII в., однако его записки, созданные уже через десятилетия позднее, несколько теряют ценность как исторический источник. По словам В. Чаплинского,

¹⁴³ Ченедо А.В.да. Известия о Московии... в 1657 году // Отечественные записки. СПб., 1829. Ч. 37. № 105. С. 13 – 32; № 106. С. 224 – 253; № 107. С. 421 – 441; Ч. 38. № 108. С. 79 – 94.; Роде А. Описание 2-го посольства в Россию датского посланника Ганса Оделунда в 1659 г. // Проезжая по Московии. М., 1991.

¹⁴⁴ Критику подобного рода источников см.: Курбатов О. А. Русско-шведская война 1656-58 гг.: проблемы критики военно-исторических источников // Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие. М., 2002. С. 150 – 166.

¹⁴⁵ См.: Барсуков А.П. Род Шереметевых. СПб, 1884. Кн. 6. С. 300.

¹⁴⁶ Pasek J. Ch. Pamiętniki Jana Chryzostoma z Gosławic Paska / opr. J.Czubek. Lwow, [1929].

¹⁴⁷ Łos. Pamiętniki Łosia, towarzysza chorągwi panczernej Władysława margrabi Myszkowskiego, wojewody Krakowskiego, obejmujące wydarzenia od r. 1646 do 1667, z rękopismu współczesnego, dochowanego w zamku podhoreckim, wydane. Krakow, 1858.

¹⁴⁸ Poczobut J.W. Pamiętnik Jana Władysława Poczobuta Odlanickiego (1640-1684). Warszawa, 1877.

шляхтич превозносит польские войска «и в связи с этим преувеличивает их успехи, преуменьшает неудачи, одновременно, правда, чертит довольно верно последовательность событий и довольно верно передает настрой тех, кто эти события переживали»¹⁴⁹. В рядах дивизии С. Чарнецкого Пасек и Лось успешно сражались с войсками кн. И. А. Хованского под Полонкой и Толочином (1660 г.). Почобут столкнулся с новгородцами позже, летом 1661г.: его дневник позволяет восполнить пробелы о боях в русском актовом материале, добавляет ряд ценнейших сведений относительно катастрофы при Кушликовых горах, отличаясь отсутствием бахвальства и своеобразной солдатской иронией.

¹⁴⁹ Pasek J. Pamietniki / wstep. Wl. Chaplinski. Wyd. 5. Wroclaw, 1979. S. LXI.

Глава I

«Полковая служба» конницы Новгородского разряда

1654 – 1659 гг. (до начала реформ)

§ 1. Государева служба «по отечеству». Государственный аппарат управления Русского государства XVII века органически вырос из аппарата Московского великокняжеского двора и в период своего наивысшего развития, в правление царя Алексея Михайловича (1645-1676 гг.), сохранял многие его традиции и облик в целом. На вершине власти находилось несколько десятков «думных чинов» – бояр, окольничих, думных дворян и дьяков. Следом шло несколько тысяч человек знатных «чинов московских»; замечательно, что в глазах современников главными определяющими их положение обязанностями были дворцовые: у стольников «служба... такова: на обедах носят есть и пить...»; у стряпчих «чин... таков»: на царских выходах и в походах носить и возить царские регалии и оружие, - ответственные военные и другие государственные назначения являлись для них лишь «посылками». Во многом та же картина наблюдается и в отношении «дворян московских» и «жильцов» – соответственно, столичного и представителей лучших родов провинциального дворянства. Последние вызывались в Москву «на житье» «для походу и для всякого дела, спят на царском дворе, человек по 40 и болши»¹.

Примечание [A1]:

В уездных корпорациях служилых людей «по отечеству» («городах») существовала своя довольно сложная иерархия. Во-первых, по «чести» различались группы городов: следом за Замосковными шли города Новгородского разряда, а также различные южные украинные²; кроме того, внутри разрядов существовала своя очередность. Все это имело свои исторические корни, связанные со временем помещения детей боярских и

¹ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича // Московия и Европа. М., 2000. С. 28 – 31.

² Козляков В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000. С. 121.

их «породой»: местнические тяжбы между городами за место в списке показывают, что ратные люди прекрасно помнили историю не только своих родов, но и «города» в целом³. Далее, помещики делились на выборных дворян, дворовых и городских детей боярских, а также невёрстанных и «новики». Наконец, внутри первых трёх названных «списков» служилые люди различались величиной поместного (в «четвертях – четях») и денежного (в рублях) окладов, имевших не столько буквальное, сколько такое же иерархическое значение. Продвижение по службе проводилось «по родству и за службы» и выражалось в «пожаловании» в иной список (из городского – в дворовые, из выборного – в жилецкий и т.п.) и (или) в прибавке к окладу внутри списка.

Но даже формально находясь на одной ступени этой лестницы, служилые люди различались между собой в силу принадлежности к разным по «честности» родам: «толк по породе своей одни з другими неровны»⁴. Это «место» рода зависело от давности его службы Московскому великому князю и положения его представителей в официальных документах – «разрядах» на эту службу, фиксирующих назначение воевод и иных чинов из года в год. Списки с них имелись во всех знатных семьях и пускались в дело в местнических спорах: дворянин был просто обязан перед своими сородичами бить челом государю при малейшей угрозе «порухи» его «чести» при новом назначении. Без учета существования этой реальной иерархии не понять, к примеру, почему в 1657-59 гг. окольный кн. Т. И. Щербатов был младшим товарищем воевод Псковского полка стольников М. В. Шереметева и кн. И. А. Хованского: для первого окольность была пределом карьеры, а последние по знатности рода жаловались в бояре прямо из стольников, минуя этот чин.

³ Новосельский А. А. Город как военно-служилая и как сословная организация провинциального дворянства в XVII в. // Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С.190-192.

⁴ Котошихин Г.О. Указ. соч. С.31.

Замечательно, что чем усерднее государственный муж выполнял свои служебные обязанности и геройствовал на войне, тем более рьяно и дерзко он защищал и утверждал честь своего рода в местнических спорах – не смотря на их несомненный урон и вред для государства⁵. Знатность группы служилых людей и ее боевые качества были в сознании современников тесно связаны между собой: «А его Государеву полку: стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы, - бьются таким обычаем: только у них бою, что под ними аргамаки резвы, да сабли остры; на которое место ни наедут, никакие полки против них не устоят»⁶.

Все государство воспринималось в сознании людей как собственность, «вотчина» царя и великого князя, а управляющие и непосредственно обслуживающие двор самодержца – как его слуги: они и сами гордо именовали себя верными слугами, «холопами» великого государя. Будучи православными христианами, служилые люди считали себя рабами Божьими – Царя Небесного, и, по аналогии с этим, холопами государя, царя земного⁷. Это уподобление любил повторять в своих посланиях Алексей Михайлович: «Благословил и предал нам, государю, правити и рассуждати дела Своя на востоке и на западе и на юге и на севере в правду, и мы Божии дела и наши, государевы, на всех странах полагаем, смотря по человеку...». Своих ратных людей он называл Божьими, верного воеводу – «архистратигом великого Царя царем небесного, земного Его воинства»; боярская честь, по его мнению, «даетца произволением великого и вечного Царя и Небесного Владыки и нашим тленным призыванием» – «писано бо ести: сердце царево в руце Божии»⁸. Соответственно, по меткому замечанию В.В.Зеньковского, подданный царя, помазанника Божия и своеобразного церковного чина,

⁵ Яркий пример этому являет служба кн. Г.А. Козловского, который не только храбро и бескорыстно выполнял государевы поручения, но и рьяно отстаивал свою честь: Ср.: Эскин Ю.М. Местничество в России XVI - XVII вв. : Хронологический реестр. М., 1994. С. 184, 196, 205, 206, 209; Ф. 188. Оп. 1. № 475. Л. 118-122 об. (Послужной список боярина кн. Г.А. Козловского).

⁶ Цит. по: Зотов Р.М. Военная история Российского государства. СПб., 1839. Ч. 1. С. 189.

⁷ Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М, 2000; Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С.216-305.

освобождался от евангельского противопоставления: «Богу Богово, а кесарю кесарево»⁹. Служба православному государю «верой и правдой» была для дворянина необходимым условием спасения души, а служебная провинность иногда влекла за собой почти церковную царскую проповедь и такое же ответное покаяние¹⁰.

Порядок службы городов внутри Разряда. В 1653 году в предстоящем походе на Речь Посполитую царь Алексей Михайлович видел прежде всего религиозный смысл, стремился придать ему облик священной войны за освобождение православных христиан Малой и Белой России – и подготовка к войне велась не только с московской обстоятельностью и размахом, но и по церковному торжественно и чинно¹¹. В разгар этих приготовлений (осень 1653 г.) представитель знатного московского рода боярин Василий Петрович Шереметев и выехал в Новгород и Псков, чтобы возглавить формирование Новгородского полка – будущего полка Новгородского разряда.

Ядро этого войска составили, собственно, «новгородцы» – дворяне и дети боярские Великого Новгорода Водской, Шелонской, Деревской, Бежецкой и Обонежской пятин, а также большей частью беспоместная корпорация «новокрещенов Бежецкой пятины» – татар, литовцев, черкас и т.д., приравненных за крещение к служилым людям «по отечеству».

Предки «новгородцев» были планомерно переселены из Московского княжества и испомещены в «пятинах» еще при Иване III, закреплявшим присоединение непокорной республики¹² – отсюда и старшинство их в этом «разряде». Следующими в списках шли помещики Псковского, Великолукского и Торопецкого уездов, а также двух служилых корпораций, чьи земли по Деулинскому перемирию 1618 г. отошли во владение Речи

⁸ ЗОРСА. С. 751, 752, 772, 774.

⁹ Зеньковский В.В. История русской философии. Ростов на Дону, 1999. Т. 1. С. 95.

¹⁰ ЗОРСА. С. 742-749; АМГ. Т. 3. С. 208.

¹¹ ДР. Т. 3. С. 356, 357, 369-372, 408-421; Витебская старина. Витебск, 1888. Т. 4. Отд. 2. С. 347-351.

Посполитой – Ржевы Пустой и Невля (в то время - Невля). Подобно «смолянам», «пусторжевцы» и «невляне» сохранили свою общность, как служилый «город», и «прописались по» Пскову и Лукам Великим. Бедствия, которые обрушились на северо-запад России во второй половине XVI – начале XVII вв., внесли опустошение в ряды как служилых людей «по отечеству», так и их крестьян; к 1646 году новгородцы представляли собой в основном массу мелкопоместного служилого люда. Зажиточностью отличались лишь псковичи: в среднем они имели по двадцать дворов против шести у новгородцев¹³.

В 1656 г., одновременно с появлением термина «полк Новгородского разряда» и в связи с подготовкой его похода на Юрьев Ливонский (Дерпт), в Новгородский разряд из числа Замосковных городов были переведены помещики Тверского, Новоторжского и Старицкого уездов¹⁴. Наконец, осенью 1663 г., когда в ожидании наступления короля Яна Казимира этот полк собирался во Ржеве Володимировой и на Белой, его усилили «ржевичи» и «зубчане» – также замосковные помещики¹⁵. Отметим, что по мере своего появления эти новые, более «честные» «города» отодвигали лучан и торопчан в конец списков ратных людей Разряда, но стояли ниже Новгорода и Пскова.

Обычно при устройении полков, происходившем заново перед каждым походом, ратные люди распределялись между товарищами-воеводами одного полка по «городам» (или, у новгородцев, по пятинам). Это распределение зависело от их «чести» и численности: чем старше воевода, тем «честнее» города и многолюднее полки. Однако, в 1654 г. случай был особый, и правительство поступило в соответствии с торжественностью момента – «Государевым походом» на Смоленск. У нас есть возможность взглянуть на «кухню» разрядной деятельности.

¹² Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV –XVII вв. М., 1954. С. 23, 24.

¹³ Аграрная история Северо-Запада России / под ред. А.А. Шапиро. Л., 1989. С. 82, 103.

¹⁴ Ф 210. Столбцы Московского стола. № 276. Л. 169-182.

Сначала было решено «написать боярину 1500 чел., окольниковому 800, думному дворянину 615». По результатам предварительных смотров в Новгороде и Пскове всех выборных дворян, почти всех дворовых и часть городских (с высокими окладами) детей боярских новгородских пятин определили в полк боярина Шереметева; его товарищ, окольниковый С. Л. Стрешнев получил человек сорок дворовых (Шелонской пятины) и городских детей боярских средних статей – к примеру, «новгородцев Воцкие пятины городских с 250 чети с поместных окладов»; остальные, вкупе с новокрещеными, поступали под начало третьего воеводы – думного дворянина и ясельничего Ж. В. Кондырева. Судя по сохранившимся послужным спискам (см. *Приложения. Таблицы 1.1, 1.2, 1.4*), в полку у Кондырева оказалась лишь часть новгородцев Бежецкой и Обонежской пятин, не считая новокрещеных и «невлян по Лукам».

Другие «города» (т. е., помимо новгородских пятин) избежали подобного дробления и были распределены между воеводами целиком¹⁶. В следующем году указанный принцип был сохранен, но затем от него всё же отказались. Должно быть, такой порядок оказался неудобен не только новгородцам, но и дьякам Разряда: воеводы составляли отдельные «смотренные списки» по полкам, и единого списка пятины по «естям» и «нетам» не получалось. Боярин кн. А. Н. Трубецкой, уряжая четыре воеводских полка весной 1656 г., вернулся к принципу распределения пятин, как и городов, целиком между всеми «товарищами» – так же по убывающему принципу (см. *Приложения. Таблица 3.1.*).

Переход к обороне требовал от правительства уже более практического отношения к распределению городов на службы. Создавалось несколько полков с особыми задачами, и важное значение приобретало географическое положение уездов. Так, после взятия г. Юрьева Ливонского (12 октября 1656 г.), государь указал тверич, новоторжцев и старичан отпустить по домам до

¹⁵ Ф 210. Смотренные списки. № 20. Л. 640-655.

весны, псковичам, пусторжевцам и невлянам «по Пскову» быть во Пскове «всем по списку», а лучанам, пусторжевцам и невлянам «по Лукам» и торопчанам – там же «по третям с переменою». Новгородскому воеводе предписывалось оставить в порубежных «острожках» две пятины, «которые подошли к тем местам» (ими оказались Водская и Шелонская), а остальным новгородцам быть в Новгороде с переменою, «как пристойнее» (по третям или по пятинам)¹⁷. На следующие два года, с весны 1657 г. по весну 1659 г., в распоряжении Новгородского воеводы была оставлена только одна – самая многочисленная Бежецкая пятинка, а остальные «города» разряда несли полковую службу во Пскове¹⁸. Особенно внимательно подходили к «зимовой» службе: если зимой 1657-58 гг. в Псковском полку состояли помещики Шелонской пятины и Псковского уезда¹⁹, то через год, когда «зимовая служба не была сказана» заранее, пришлось, видимо, выбрать из всех «городов» 1000 готовых к ней человек²⁰ (подобное уже предписывалось боярину С. А. Урусову в 1655 г.²¹).

Данный обзор позволяет нам заключить, что «город» в «полковой службе» являлся прежде всего административно-хозяйственной единицей, сообществом служилых людей определенной территории, соседей и сородичей. Тактическими же единицами были воеводский полк и сотня, зачастую не совпадавшие с четкими границами «городов».

Тактическая структура дворянской конницы. Упомянутая тактическая структура создавалась в процессе т.н. «рописи в сотни», проходившей в период сбора ратных людей перед походом. Изучение корней

¹⁶ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 156. Л. 67-76.

¹⁷ Ф. 210, Столбцы Новгородского стола. № 162. Л. 70-72.

¹⁸ Гадзяцкий С.С. Борьба русских людей Ижорской земли в XVII веке против иноземного владычества // Исторические записки. М., 1945. Т. 16. С. 30, 32-34; Ф 210. Смотренные списки. № 120. Л. 1-51.

¹⁹ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 165. Л. 143.

²⁰ Подсчитано автором по послужным спискам февраля 1659 г. (Ф 210. Столбцы Белгородского стола. № 488).

²¹ Ф 27. Оп.1. № 277. Л. 7, 11.

тех писаных и неписаных законов, по которым она проводилась, может увести нас в глубокую древность, во времена родового строя и «военной демократии». Сами термины: «боярин» и подчиненные ему «дети боярские» – имеют ряд прямых аналогий в самоназвании вождя и его соратников европейских дружин ещё I-го тысячелетия н. э.²²

Как уже говорилось, местнические отношения между родами не заканчивались «московским списком» и продолжались во всех «городах». Здесь дворяне так же зорко следили за соблюдением чести своего рода, начиная от места за столом и заканчивая правом записи в тот или иной «список»²³; некоторые из них даже местничали с присланными из Москвы воеводами²⁴! Сложности местнических отношений и материальные факторы привели к тому, что у городских корпораций будущего Новгородского разряда выборный чин, едва появившись после Тысячной реформы 1550 г., полностью исчез к концу 1580-х гг. С одной стороны, эти помещики были разорены Опричниной и Ливонской войной и мало годились к придворной службе – с другой, они претендовали на высокое положение по местническому счету, что вызывало у правительства дополнительные трудности при назначениях наряду с московскими и «замосковными» дворянами. Поэтому, оно ограничило сферу их воеводских и иных важных назначений собственно регионом новгородско-псковских земель, а также «немецких городов» (во время Ливонской войны). К примеру, новгородец Г.Ф. Колычев, который в 1577 г. был выборным дворянином по Водской пятине, через 10 лет исчез из списков Государева двора и в 1605 г. значился дворовым сыном боярским своей пятины. При этом, он продолжал занимать воеводские и приказные должности в своем уезде (воевода и голова в Новгороде и воевода в Орешке) и местничать со знатными московскими дворянами. Только после Смоленской войны 1632-34 гг. правительство

²² Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. Сретенск, 2000. С. 130-133.

²³ Русская бытовая повесть. М., 1991. С. 164, 407, 408; Козляков В.Н. Указ. соч. С. 127.

²⁴ Козляков В.Н. Указ. соч. С. 87-90 и Таблица 1; Эскин Ю. М. Указ. соч. С. 200, 201.

Михаила Федоровича вновь стало жаловать дворовых детей боярских Новгорода и окрестных городов в выборный чин²⁵, размеры которого стали стремительно увеличиваться в ходе следующих – русско-польской 1654-67 гг. и русско-шведской 1656-61 гг. войн. Однако, к этому времени выборные дворяне, как некогда – дворовые дети боярские – уже перестали считаться членами Государева двора, превратившись в высший чин городских корпораций.

Таким образом поговорка: «Послужи, и «выбор» будет у тебя близок»²⁶, - в начале войны 1654 – 67 гг. была актуальна для многих новгородцев. Не случайно, что первыми на службу в полк, намного раньше срока, являлись «лучшие» люди Разряда²⁷ – ведь честь можно было «истерять» бедностью или леностью. Так, в 1659 г. тверитин Г. Я. Давыдов «грехом своим от бедности закошел: служу тебе, великий государь, по городовому списку», хотя родственники его были выборными дворянами; «чтобы... перет своею братьею до конца в позоре не погинуть», он бил челом о переводе его в «дворовые»²⁸. А новгородец Я. А. Мелницкий в 1662 г. донёс на своего юного двоюродного брата, что тот обманом уклоняется от службы; просьбу выслать его в Новгород он заканчивает словами: «Чтоб, государь, ему, Василью, не быть вечным неслогою, и нам, холопом твоим, не быть в нём, брате нашем, в вечном позоре»²⁹ – поистине, «береги платье снову, а честь смолоду»!

Добавим, что, кроме принадлежности к тому или иному роду, при росписи в сотни несомненное значение имели и личные качества служилого человека: его опытность, обеспеченность припасами (особенно для «зимовой службы»), «конность, людность и оружность» и, наконец, просто явка на

²⁵ Павлов А. П. Новгородское дворянство и Государев двор XVI – XVII вв. // От Древней Руси к России Нового времени: Сборник статей: к 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич. М., 2003. С. 140 – 147.

²⁶ Цит. по: Козляков В.Н. Указ. соч.. С. 128.

²⁷ Ф. 210. Смотренные списки, № 21. Л. 1 об. – 42.

²⁸ Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 600. Л. 180.

²⁹ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 126. Л. 105.

службу. Естественно, все это, как и общее планируемое число «сотен», варьировалось от похода к походу, что и вызывало каждый раз серьезные изменения в их списочном составе.

Основная масса дворян и детей боярских составляла городовые сотни: обычно в них входили представители одного «города», а в случае с пусторжевцами и невлянами – помещики одного уезда. При этом вместе служили родственники и, видимо, соседи, для облегчения снабжения из общих «кошей» и из соседних поместий: ведь обозника, «человека в кошу», выставлял только один из 4-5 помещиков³⁰. Красноречиво говорит об этом челобитная новгородца И. Л. Зиновьева, у которого все «сродичи» служили по Водской, а сам он для получения поместья, «для деревнишка», поверстался по Деревской пятине: «И деревнишко, государь, я променил – выменил для одиначи своей в Воцкой пятине. А живу, государь, я с братом своим с родимым в одном домишке, и на службе будучи, з братом рознился и от всех сродичей отбыл: стал, будучи в Деревской пятине, одинок и безсемян, и от безсемейства, будучи на твоей государевой службе врозни с сродичи, вконец погиб». Просьба его заключалась в формальном переводе в список по Водской пятине, без чего он, конечно, не мог служить со «сродичами» в одной сотне³¹. Можно себе представить, сколько сложностей вызывала у служилых людей роспись в сотни образца 1654 – 55 гг., когда жившие в одном доме родственники оказывались не то, что в разных сотнях, но и в разных полках³²!

Еще одним непродуманным моментом сотенной организации первого похода стало отсутствие постоянных отборных подразделений в полках

³⁰ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. №156. Л.6: на 1884 чел. дворян и детей боярских приходилось 427 «людей их в кошу».

³¹ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 120. Л. 311, 313 (Челобитная от 2 февраля 1659 г.).

³² Шелонской пятины Артемей Семенов сын Дворецкий оказался в сотне Г.Г. Чирикова (полк С. Л. Стрешнева), а его брат Михей – в сотне М. А. Бешенцева (судя по скрепе) (Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 256. Столпик I. Л. 3, 65). К 1659 г. Михей имел поместье в «один двор бобыльский», а Артемий являлся беспоместным (Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 6. Л. 155, 156 об.)

младших товарищей В. П. Шереметева. По воеводским наказам «береговой службы» 1610-х – 1620-х гг., «во всякие посылки» – операции местного значения – требовалось «посылать дворян выборных и детей боярских лутчих, чтоб... во всякие посылки ездили, а даром на службе не жили... А меньшие б статьи дети боярские болших статей дворян выборных и детей боярских лутчих не ослуживали, чтоб... молодым на службе посылок лишних однолично не было»³³. Однако в 1654 г. ситуация сложилась как раз обратная: пока боярин со старшими и родовитыми людьми стоял под Полоцком и Витебском, его товарищи с «молодыми» детьми боярскими гарцевали в передовом отряде и бились в «посылках» под Друей и Глубоким³⁴. Для успешного выполнения этих задач Кондыреву пришлось создавать отборное подразделение прямо в походе, причем в ертоул под командованием его сына Петра вошли дворяне всех воеводских полков (см. *Приложения. Таблица 1.3.*).

Трудно сказать, были ли созданы выборные сотни в боярском полку В.П. Шереметева в 1654 г. – по составу дворян он целиком являлся элитным – но со следующего года мы постоянно встречаем их в послужных списках Новгородского полка. В Выборную сотню входили заслуженные и опытные представители всех городов одного «воеводского» полка. К примеру, осенью 1655 г. Водская пятина поставила туда 7 выборных дворян, 4 «дворовых», 2 «городовых» детей боярских и невёрстанного «новика 7162 г.», а Торопец – 14 человек «по выбору» и 7 «по дворовому списку»³⁵. Такое соотношение легко объясняется при сравнении общего числа чинов этих «городов»³⁶:

³³ Книги разрядные... СПб., 1853. Т. 1. Стб. 131, 631, 632, 1190, 1191.

³⁴ Новосельский А.А. Указ. соч.. С. 121-128.

³⁵ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 113. Л. 181-187.

Город	Дворян и детей боярских		
	выборных	дворовых	всех
Водская пятина	30	62	452
Торопец	51	89	371

Подъезжая сотня резко отличалась чиновным составом: так, в Ертоуле воеводы кн. Т. И. Щербатова (январь 1659 г.) из 77 человек удалось определить лишь одного дворянина и около 20 «дворовых» детей боярских – остальные относятся к «городовым» и «неверстанным». Судя по именам, из каждого «города» этого воеводского полка в сотню попали в большинстве случаев по одному представителю от основных его родов: прямых родственников очень мало³⁷. Невысокое положение рядовых и полное отсутствие связей «отец – сын» наводит на мысль, что здесь служили молодые представители каждого рода, выбранные по принципу или лучшей вооруженности, боеспособности, или же знатности.

Добавим, что помимо значения отборного, надежного в бою отряда, эти части представляли собой «лицо» полка в иных ситуациях. Так, возвращаясь из-под Бреста в ноябре – декабре 1655 г. и приводя к «крестному целованию» литовские поветы, воеводы Новгородского полка кн. С. А. Урусов и кн. Ю. Н. Барятинский «ездили в гости к шляхте, покиня полк, взяв с собою Государево знамя, да Выборную, да Поезжую сотню»³⁸.

Количество и численность сотен, как и воеводских полков, менялись от похода к походу. В 1654 г. к В. П. Шереметеву было послано из Разряда 50 знамен, что, за вычетом казачьих и стрелецких, дает нам около 40 сотен³⁹. Ввиду особого принципа росписи в сотни, только по сохранившимся послужным спискам двенадцати подразделений их численность

³⁶ Подсчитано автором по: Ф. 210, Смотренные списки. № 13.

³⁷ Подсчитано автором по: Ф. 210. Столбцы Белгородского стола, № 488. Л. 144-151, в сравнении с: Ф. 210. Смотренные списки. № 21.

³⁸ ЗОРСА.. С. 668.

варьировалась от 66 до 137 чел.⁴⁰! Боярин кн. А. Н. Трубецкой, в полку которого (в 1656 г.) было уже не менее 60 конных сотен⁴¹, должен был более-менее унифицировать их состав. По крайней мере, в 1657 г. в Бежецкой пятине у новгородского воеводы (кн. Г.С. Куракина) и в Ертоуле Псковского полка (кн. Т.И. Щербатова) нормальная боевая численность сотен – ровно по 50 чел.⁴²; послужной список Мядзеловского боя (1659 г.) дает небольшой разброс их величины – от 57 до 82, а в среднем – 66 чел. (по «естям» и «нетам»). Общее же количество дворянских сотен Псковского полка в 1658-59 гг. – 33⁴³, да ещё 10 – у новгородского воеводы⁴⁴.

Теперь, в отличие от 1654 г., элитные дворянские подразделения в Новгородском (1655 – 56 гг.) и Псковском (1657 – 59 гг.) полках имелись в распоряжении каждого воеводы-«товарища». Так, в Брестском походе 1655 г. две сотни было у кн. С. А. Урусова и одна сводная – «Выборная и Подъезжая» – у его товарища. К 1659 г. стольник кн. И. А. Хованский имел Выборную и Подъезжую сотни, а окольный кн. Т. И. Щербатов – Выборную и Ертаульную, по 60 – 75 чел. в каждой⁴⁵. В тех случаях, когда полку придавались сотни жильцов (одна в 1664 – 66 гг. и, видимо, две – в 1656 г.), они занимали свое место в «выборе», а в списках стояли выше сотен разряда⁴⁶.

Наконец, очень важно отметить существование сводных отрядов дворян сотенного уровня, создававшихся для какой-либо цели уже после «рописи в сотни». Так, в январе 1659 г. одна из передовых сотен (В. Непейцына, 35 чел. в «естях») была удвоена за счет бойцов из свиты Хованского: 4 есаулов, 31 «розных городов» (судя по всему, «завоеводчиков»), 2 рейтар и солдатского

³⁹ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 156. Л. 177, 186, 223.

⁴⁰ Подсчитано по: Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 256. Л. 1-216.

⁴¹ АМГ. Т. 2.. С. 578, 581.

⁴² Гадзяцкий С.С. Указ. соч.. С. 30, 32-34; Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 340. Л. 191.

⁴³ Подсчитано автором по: Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 488.

⁴⁴ Подсчитано автором по: Ф. 210. Смотренные списки. № 120. Л. 1-51.

⁴⁵ Подсчитано автором по: Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 488.

⁴⁶ Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 644 об.

поручика.⁴⁷ Несомненно, это усилило «ертоул» в тех сложных условиях, когда каждая сабля была на счету. Традиции Средневековья, когда каждый воин являлся минимальной тактической единицей, были живы в дворянской коннице XVII столетия, что прекрасно отражает ее гибкая сотенная структура .

Снабжение и обеспечение поместной конницы. Долгий перерыв в верстанях детей боярских и начало боевых действий вызвали резкое увеличение численности поместной конницы за счет ещё не верстанных поместьями «нови́ков»: если в 1646 г. в новгородских пятинах насчитывалось 1500 поместных владений⁴⁸, то к 1654-56 гг. количество служилых людей «по отечеству» возросло до 1900 чел.⁴⁹, не считая отставных. Первые «новичные» верстания произошли только в 1657-58 гг., а до того несколько сот «служилых нови́ков» годами воевали в одном ряду с пожалованными поместьями сородичами: «А служили мы... многие... неверстаны за твоей великого государя службою, а иные многие не верстались за бедностию, а иные мы, холопы твои, верстались после Мядиловского боя, и разрядные подъячие нам... за брестенскую службу (1655 г.!) - *Авт.*) придачу справливают, а за Мядиловской бой придачи нам... не справливают...», - писали они в апреле 1659 г.⁵⁰

Добавим, что долгая война, наборы даточных и иные повинности привели к разорению многих поместий⁵¹, из-за чего заинтересованность их владельцев в денежном жалованьи также постоянно возрастала. К примеру, для зимнего Брестского похода 1655 г. царь велел «сказать» жалованье готовым к нему дворянам по 20 руб., если их вместе с казаками наберется

⁴⁷ Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 488. Л. 54-64.

⁴⁸ Аграрная история Северо-Запада России / под ред. А.А. Шапиро. Л., 1989. С. 82.

⁴⁹ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 156. Л. 6, 8 (1654 г.); Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 276. Л. 169-182 (1656 г.)

⁵⁰ Ф.210. Столбцы Новгородского стола. № 120. Л. 305.

⁵¹ Ф. 137. Оп. 1. Новгород. № 64. Л. 112 об. и след.

1000 – 1500 чел., и по 30 руб. – если только 500⁵². Но, судя по послужным спискам, в поход двинулось как минимум 1745 чел. дворян и детей боярских⁵³ – недостатка в желающих не оказалось! Деньги выдавались при летнем сборе войск: обычно по 10 руб. беспоместным и с вычетом у поместных по рублю за двор⁵⁴; для «зимовой» службы предусматривалось отдельное жалованье не только деньгами, но и хлебом⁵⁵. Тысяча человек, принявших участие в зимнем походе 1659 г., видимо, также рассчитывала не только на придачи к окладам или верстание, но и на денежное вознаграждение; после битвы при Мядзёлах некоторые дворяне отказались от положенных им за ранение назначений «на воеводства и приказы» и били челом о замене их дополнительным денежным жалованьем⁵⁶. Надо сказать, что выплачивалось оно всегда исправно, что позволило некоторым «городам» Новгородского разряда (Шелонская пятина, Псков) с 1656 г. безболезненно перейти на фактически постоянный режим службы.

Не менее важным способом обеспечения служилых людей во время нахождения на вражеской территории являлся захват добычи и полон и «сбор кормов» – зерна и фуража. Уже зимой 1654 г., после взятия Витебска, было велено «ратным людям запасы возить в Витепск, хлеб... с уездов збирать дворяном, сколко возможно»⁵⁷. Через год изъятие у ратных людей 1500 четей ржи для гарнизона в Ковно и запрет захватывать и покупать «полон» (в связи с принятием Алексеем Михайловичем титулов «Белыя России самодержец» и «великий князь Литовский») вызвал взрыв недовольства детей боярских «меньших статей», что выразилось в их бегстве «с животами» из полка и в наглom противостоянии воеводе кн. С.А.

⁵² Ф. 27. Оп. 1. № 166. Л. 7, 11.

⁵³ Подсчитано по: Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 113

⁵⁴ Ф. 210. Дела десятиен. № 141. Л. 1, 2.

⁵⁵ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 120. Л. 293, 296.

⁵⁶ Там же. Л. 274.

⁵⁷ ЗОРСА. С. 737.

Урусову⁵⁸. Кстати, в их челобитной встречается указание на захват добычи во время победы при Верховичах (17 ноября 1655 г.): боярин предложил собрать «всякую рухледь» и лошадей в «дуван» или «на черной пай» и разделить, но «после де бою дворяне дувану не учинили: хто што взял, и то все побрали сами»⁵⁹: видно, для боевых трофеев эта традиция уже строго не соблюдалась – в отличие от захваченного в «загонах».

Эти специальные экспедиции - «загоны», проводившиеся служилыми людьми для захвата добычи и «кормов», нередко были главным их занятием во время частых осад крепостей и даже вели к немалым потерям. Так, в сентябре 1655 г. всего за неделю литовцы полковника Приклонского убили и захватили в плен 12 детей боярских Новгородского полка, больше 20 их холопов и десятки драгун, которые «ездили для хлеба и конских кормов по деревням»⁶⁰. Подобное, должно быть, повторилось и через год, когда шведский отряд внезапным нападением освободил из лагеря в Кастерсканце, под Юрьевом Ливонским, 500 чел. взрослых и детей – «полон», предназначенный к отправке в поместья бояр и дворян⁶¹. Добычу делили на «дуване» посредством «жеребьев», и нарушение неписаных правил раздела могло стать причиной судебного разбирательства в Приказном шатре воеводы⁶².

«Загоны» были необходимы для снабжения конницы в походе, но их практика, приведя к страшному опустошению Белоруссии и Прибалтики, не улучшала положение на землях «служилой мелкоты» Новгородского разряда. В отличие от крупных помещиков и вотчинников, мелкопоместные дворяне и дети боярские не могли прочно устроить полоняников, а то и просто довести их живыми до своих домов. В Рижском походе 1656 г. ратные люди Большого полка кн. Я. К. Черкасского «на дороге ... и под Ригою ... имали в

⁵⁸ Там же. С. 660; Ф.210. Столбцы Новгородского стола. № 162. Л. 562-564; № 164. Л. 100, 314, 542.

⁵⁹ ЗОРСА. С. 667-673.

⁶⁰ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 164. Л. 328, 329.

⁶¹ Carlon M. Ryska Kriget 1656-58. Stockholm, 1903. S. 66.

полон мужиков». По словам боярина, «И тех, Государь, взятых мужиков мы, холопы твои, держали у твоего государева Разрядно[го] шатра (у ставки воеводы – *Авт.*) и роздавали твоим государевым ратным людем. И их никто не емлет, а нам, [холо]пем твоим, кормить их нечим». И уже накануне снятия осады, 25 августа, воеводы Большого полка «тех взятых мужиков послали к тебе...» – в Государев полк, к дворовым воеводам Б. И. Морозову и И.Д.Милославскому⁶³. У обычных незнатных ратников не было лишних людей «в кошу», с кем они могли бы отправить полон по домам, а также средств, чтобы кормить их в столь дальней дороге. На этом фоне дворяне Государева полка имели гораздо больше возможностей заниматься хозяйством и обустривать «мужиков» на своих землях.

§ 2. Казачество «городовое», «донское» и «вольное». «Смутное время» начала XVII в. – это прежде всего страшное смущение и смятение в душах и умах русских людей. Пораженные бедствиями, обрушившимися на Русскую землю при царе Борисе, вдохновленные ложной надеждой на «воскрешение» царевича Дмитрия, сбитые с толку всё новыми самозванцами и опьяненные видом разгульной жизни разбойной вольницы, нахлынувшей с южных окраин государства и из Речи Посполитой, многие из них теряли нравственные ориентиры и порывали с вековым укладом жизни предков. И всё же путь этого ухода из любого сословия был... одинаково традиционен – стать казаком! Благо, в начале века для этого не надо было бежать в степи, на Дон или Волгу: главное казачье гнездо находилось тогда в сердце страны – под Москвой. Люди, воспитанные в традиционном обществе, строго соблюдали принесенный с Дона внутренний уклад жизни и организации своих новых семей – казачьих «станец»: невыдачу любого, записавшегося в казаки, человека; отказ от обработки земли и жизнь за счет грабежа, «приставств» (архаичной формы эксплуатации крестьян, обязанных их

⁶² Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 549. Л. 285-288.

кормить), жалованья от того или иного государя или, в крайнем случае, ремесла и рыбной ловли; выборность атаманов и непререкаемость их власти в походе; четкое деление на «старшину», рядовых казаков и их «чуров» – бесправных учеников, часто взятых в станицы насильно; отказ от семейной жизни; самоуправление на казачьем круге и т.п.

Таким образом, зародилось новое сословие русского общества, все четче осознававшее свои интересы и идеалы. Стоило развеяться мифу об очередном самозванце, а полякам оказаться в Кремле, и не нашлось в стране более принципиальных противников любого иноземного владычества, чем казаки! Полтора года они теснили врага в Москве, а после победы почти сразу двинулись на Смоленск и Новгород. Ещё много раз казачьи отряды начинали бунтовать, шатались к новым претендентам на трон, превращались в огромные банды разбойников... Казак боролся за доброго царя, требовал от него справедливого «полного» жалованья, ненавидел коварных бояр и богатых помещиков..., каялся в проступках⁶⁴, делал вклады в монастыри⁶⁵ и готов был честно сложить голову за Царя и веру Православную. Именно последнее дало возможность, наконец, договориться с казачеством и превратить это стихийное бедствие в надёжные, опытные и верные гарнизоны десятков крепостей или отряды помещиков. Не отказывая самому сословию в праве на существование и сохранение основ уклада их жизни, правительство перевело его в один из разрядов «служилых людей по прибору», включило в структуру государственной военной службы⁶⁶.

Городовые казаки Новгородского разряда. Монография А.Л. Станиславского блестяще осветила многие перипетии казачьего движения Смутного времени и процесс их «верстания». В отношении Новгородской земли, подробности боевых действий на её территории ещё ждут своего

⁶³ Ф. 210. Оп. 20. № 119. Л. 160.

⁶⁴ Палицын А. Сказание Авраамия Палицына. М., 1955. С. 224-227.

⁶⁵ Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. М., 1990. С. 129.

исследователя, но и по имеющимся данным можно заключить, что поселенные здесь казачьи станицы много лет воевали именно в этих окрестностях. Так, в 1617 г. в Новгороде собрались станицы из гарнизона Тихвина и «плавных казаков», а также сотня, посылавшаяся «на Валдай на воровских казаков». Интересно, что за пять последующих лет их численность не изменилась совершенно – всё те же 362 чел.⁶⁷

В числе и новгородских, и иных казаков выделялись «вёрстанные» – формально наделенные поместными и денежными окладами. Однако, реально поместья получили лишь несколько десятков человек из атаманов и казаков, поселённых в Пскове и Великих Луках⁶⁸. Остальные, «вёрстанные» и «невёрстанные», оставались «кормовыми», как и казаки Новгорода, Ладоги и Опочки⁶⁹. Кстати, и здесь не обошлось без выселенных с бывших Московских земель отрядов: несколько себежских казаков – реликта Ливонской войны – проживали на Опочке⁷⁰, а среди луцких имелись «невельские» - 50 чел. с есаулом⁷¹. Последние – «посадцкие люди, и их дети и братья и захребетники» - составили «охочую» станицу во время последней, Смоленской войны после взятия Невля и вышли оттуда вместе с русскими войсками⁷². Большинство из этих бывших «вольных людей», сберегая свой уклад, видимо сами желали служить только за годовое жалованье и месячный «корм»: попытки правительства наделить их землёй не удавались⁷³, и даже у казаков помещиков почти не было крестьян: в 1655 г. из всех 60 поместных луцких казаков крепостные имелись только у 13 чел.⁷⁴

⁶⁶ Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 93-242.

⁶⁷ Описание Новгорода 1617 года. М., 1984. С.139,142,172,233,234.

⁶⁸ Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 206.

⁶⁹ Дополнения к Актам Историческим. СПб., 1848. Т 3. С. 119-133.

⁷⁰ Разрядная книга 1637-38 года. М., 1983. С. 113-115.

⁷¹ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 164. Л. 562.

⁷² Книги разрядные, по официальным оных спискам... СПб., 1853. Т. 1. Стб. 456, 816; Малов А. В. «Конность, людность и оружность» служилого «города» перед Смоленской войной: На материале Великих Лук // Цейхгауз. 2002. №2 (18). С. 12 – 15.

⁷³ Марголин С.Л. К вопросу об организации и социальном составе стрелецкого войска в XVII веке // Учёные записки МОПИ. М., 1953. Т. 27. С. 69-70; Станиславский А.Л. Указ. соч. С.201,202.

⁷⁴ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 146. Л. 244.

Если в организации дворянского ополчения мы встречаем лишь отголоски, реликты древних дружинных порядков, то в случае с казаками имеет место прямое воспроизведение норм архаических обществ периода «военной демократии». Трёхкастовая структура: выборный вожак – атаман, рядовой казак и его «чур» – бесправный слуга и раб, – характерна и для современного уголовного мира⁷⁵. «Верстание» надолго законсервировало эти стихийно сложившиеся структуры: и через 35 лет, в середине века, во всех пяти городских казачьих отрядах Новгородского разряда сохранилось изначальное количество атаманов – а, значит, и станиц. Среди луцких казаков, по крайней мере до 1658 г., существовала «станция Ерёмы Соломыкова», хотя сам он – атаман 1619 г. – в списках уже давно не значился...⁷⁶

И всё же со временем, по мере смены поколений, городские казаки всё больше приближались к иным служилым людям «по прибору», жившим в соседних с ними слободах. Строгое ограничение численности получавших жалованье превращало их в замкнутое сословие, так как для восполнения убыли достаточно было казачьих детей и племянников. Исчезает навсегда категория «чуров» (последний раз «малые» казаки сопровождали бывалых в луцких станицах в ходе Смоленской войны)⁷⁷. Должность атамана, при наличии обязательного казачьего «головы» из дворян, теряла прежнее значение и превращалась в обозначение казака с более высоким окладом. В итоге, место убывшего атамана зачастую занимал его сын или родственник: так, в 1655 г. луцкий поместный атаман Симон Бедрин был отставлен и заменен в списках сыном Филатом – из «кормовых» станицы Е. Соломыкова⁷⁸; в 1654 и 1658 гг. опочецкими атаманами были, соответственно, Ларион и Игнатей Костровы.⁷⁹ Наконец, летом 1658 г., когда

⁷⁵ Малов А. В. «Конность, людность и оружность» ... // Цейхгауз. 2002. №2 (18). С. 14.

⁷⁶ Там же. С. 214; Ф. 210. Смотренные списки. № 21. Л. 109-116 об.

⁷⁷ Станиславский А.Л. Указ. соч., с.

⁷⁸ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 164. Л. 557, 560.

⁷⁹ Новосельский А. А. Указ. соч. С. 128; Ф. 210. Смотренные списки, № 21. Л. 106 об.

ладожские казаки прибыли из-под Лавуи в Новгород, среди них уже не было ни атаманов, ни есаулов⁸⁰. Пожалуй, лишь в крупном луцком отряде эти должности ещё сохраняли значение. В марте 1657 г. во главе двух списков луцких казаков «сотни» Е.И. Байкова (в 72 и 167 чел. соответственно) шли «ясаулы»: атаманы, видимо, были в отъезде⁸¹. Иногда же есаулы, как у невельских казаков, возглавляли отдельный отряд внутри станицы.

Казачьи «головы», в отличие от «голов» дворянских сотен, назначались не при росписи в сотни, а по грамоте из приказа Новгородской четверти. Ими были дворяне или дети боярские Новгородского разряда, пожалованные «на приказ» сроком на несколько лет, по очереди, установленной в четверти: в ходе войны это являлось наградой за раны или полонное терпение⁸². Во главе всех назначенных в поход станиц города они и несли «полковую службу».

С началом войны большая часть казаков выступила в поход в составе Новгородского полка, и на первом её этапе их численность в главном полку оставалась стабильной⁸³:

1654 г. – 625 чел. конных и 250 пеших

1655 г. – 662 чел. конных

1656 г. – 670 чел.

1658 – 1659 г. – 424 чел.

К зиме 1658-59 гг. 200 чел. составляли конную охрану послов на переговорах со шведами и конницу гарнизонов Вильно и Юрьева Ливонского⁸⁴. Здесь кроется их крупное преимущество перед дворянами: состоя на жаловании и проживая компактными слободами в городах, они находились в расположении воевод и в зимнее время. Так, осенью 1658 г. кн.

⁸⁰ Ф. 159. Оп. 1. № 1135. Л. 66.

⁸¹ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 260. Л. 27-42.

⁸² АМГ. Т. 3. С. 460.

⁸³ Новосельский А. А. Указ. соч. С. 118; Барсуков А. П. Род Шереметевых. СПб., 1884. Кн. 4. С. 191, 192; Ф. 210, Столбцы Московского стола. № 276. Л. 173, 177, 181; подсчитано автором по: Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 488.

⁸⁴ Луцкие казаки в Вильно (50 чел.), псковские казаки в Юрьеве (50 чел.), луцкие казаки в охране послов (100 чел.): Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 164. Л. 243, 244, 310, 311; Там же. № 162. Л. 71; Ф. 210. Оп. 17. № 214 Л. 1, 2.

И.А. Хованский отправил все свои городовые казачьи отряды, а также новгородских новокрещенов, в защиту г. Друи; в январе все они присоединились вновь к полку Хованского, в котором из-за «нетства» оставалась едва треть списочного состава служилых людей «по отечеству»⁸⁵.

Особый менталитет в прошлом «вольных людей» позволил боярину кн.С.А.Урусову положиться на них в своём противостоянии с новгородскими дворянами в брестском походе 1655 г. Так, голова И. Володимеров с пешими новгородскими казаками был направлен на заставу «перенимать» побежавших домой с награбленными «животами» и полоном дворян⁸⁶. Огромную же «сотню» луцких казаков (323 чел.)⁸⁷ во главе с «держалником своим» К. Козловым боярин посылал «в ертоулы... для грабежу» – в то же время, под предлогом склонения к покорности окрестных земель, запрещая грабить служилым «по отечеству». Были казаки при нём и на неудачных переговорах с П. Сапегой, а на обратном пути, «пришод против Вилны», Урусов послал их «в Вилню, для оставленные своей рухляди»: по его объяснению, «в честь, а не неволею». Уважение, как и выгода, несомненно, были взаимными: как показал К.Козлов: «Поднесли боярину в почесть все сотенные головы и луцкие атаманы и казаки... ковёр, чепрак, пояс серебряной, кафтан соболей под сукном..., а ево сотни луцкие казаки поднесли золотых свой пай, что им досталось»⁸⁸.

Необходимыми оказались городовые отряды и в операциях местного значения. В 1654 – 55 гг. опочецкие казаки осаждали Резицу, Лужу и другие городки польской Лифляндии; с открытием боевых действий против шведов в Ижорской земле туда были направлены пешие новгородские и ладожские

⁸⁵ Ф. 210. Оп. 17. № 214. Л. 20, 21; Ф. 210. Столбцы Белгородского стола, № 488. Л. 102-121, 211-221.

⁸⁶ ЗОРСА. С. 660, 661.

⁸⁷ Подсчитано автором по: Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 113. Л. 112-130.

⁸⁸ ЗОРСА. С. 664, 668, 670, 674.

казаки (около 200 чел.). Там же с ними произошли важные изменения: при возвращении из похода в 1658 г. все ладожские казаки были уже конными⁸⁹.

Донские казаки в Новгородском разряде. В описываемое время вряд ли ещё какое войско в России было столь овеяно легендами и покрыто славой, как Донское. Котошихин, рассказывая о казачьих обычаях самоуправления, о том, что «с Дона выдачи нет», не скрывает своей симпатии: по его мнению, именно казакам принадлежит главная заслуга в присоединении к России Казанского, Астраханского и Сибирского ханств⁹⁰! У всех на памяти ещё было их героическое «осадное сидение» в Азове (1637-42 гг.), по поводу которого созывался Земский собор.

Отношения царского правительства с Войском строились на условиях уважения к их обычаям и той верности, с которой они служили православному государю «с травы и с воды Тихого Дона Ивановича». Через Посольский приказ принимали и кормили их посланцев, отправляли им жалованье, а при начале войны приглашали на службу в Москву. Здесь им платили «за проезд» и устанавливали подённый «корм» и годовое жалованье⁹¹. В торжественном Смоленском походе 1654 г. в Государевом полку, среди московских чинов и других отборных дворян, шла и донская сотня под знаменем с образом св. мученика Меркурия Смоленского⁹².

Если после периода острых разногласий с казачеством в конце 1620-х гг. на Государеву службу под Смоленск в 1632 г. вышло с Дона только 500 чел., то через 20 лет, к новому царю прибыло уже гораздо больше. Так, в апреле-начале мая 1655 г. в Воронеже собрались отряды донских казаков П.Федорова (120 чел.), а также, «в судах» (т. е., пешие) - Я. Бронина (400чел.)

⁸⁹ Ф. 159. Оп. 1. № 1135. Л. 66.

⁹⁰ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича // Московия и Европа. М., 2000. С. 119.

⁹¹ Сташевский Е. Д. Смоленская война: Организация и состояние Московской армии. Киев, 1919. С. 154.

⁹² Николаев Н. Г. Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии. СПб., 1898. Т. 1. Приложения. С. 10.

и Б. Васильева (200 чел.)⁹³. Видимо, они приняли участие во втором Государеве походе, когда донской отряд в 1000 чел. находился в Особом Большом полку кн. А. Н. Трубецкого под началом атамана Я. Дронова и головы В. М. Новосильцева (затем, с января 1656 г., Г. В. Волкова). Он «зимовал» в Могилеве, блокируя Старый Быхов⁹⁴, а летом вновь присоединился к армии Алексея Михайловича и участвовал в Рижском походе. За зиму отряд сократился втрое, поскольку большинство донцов с добычей-«зипуном» самовольно отправились на Дон, а в конце 1656 г. был вообще расформирован в Москве. Однако, другие отряды ежегодно приходили на смену ушедшим казакам.

Видимо, упомянутое появление пеших донцов «в судах», неспособных к дальней полковой службе без дополнительного крупного жалования, натолкнуло правительство на мысль использовать их в виде «судовой рати». Новый замысел – направить казачьи станицы в Ижорскую землю в 1656 г., возможно, принадлежал... патриарху Никону, фактическому главе правительства в Москве во время государева Рижского похода. В конце мая он сообщил царю «о посылке донских казаков в полк к Петру Потёмкину и о благословении им в Стекольной (Стокгольм – *Авт.*) и в иные места морем»⁹⁵. Как ни странно, но сама отправка станиц в Ижорскую землю была почти традицией: «При царе Иване... многие атаманы и казаки государеву службу служили – в осаде Орешка... Блаженные памяти при царе Фёдоре Ивановиче, ходил царь под Ругояк и под Иван-город, выходили атаманы и казаки с Дону... На другой год ходили под Выборг, и царь Фёдор Иванович призывал атаманов и казаков с Дону»⁹⁶. Оригинальной была только мысль использовать их мореплавательные навыки для набегов на шведское побережье.

⁹³ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 274. Л. 82.

⁹⁴ Куц О. Ю. Дело о «крестьянстве» братьев Фомы и Калины Севастьяновых конца 50 – начала 60-х гг. XVII столетия // Российское государство в XIV - XVII вв.: Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 437 – 463; АМГ. Т. 3. С. 450; Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 274. Л. 36, 42, 50-54.

⁹⁵ ЗОРСА. С. 592.

⁹⁶ Цит. по: Гордеев А. А. История казаков. М., 1992. Ч. 2. С. 178.

Во исполнение этого замысла, под Орешек к воеводе стольнику П.С.Потемкину отправилось два отряда казаков, ровно 600 чел. Первый, во главе с есаулами К. Игнатьевым и К. Ивановым (251 чел.), прибыл на стругах по Волхову и Ладого 6 июля. Через 10 дней в конном строю подошел и второй отряд (349 чел.), во главе с Иваном Семеновым – судя по всему, это Иван Семенов сын Черкес, запорожец, вышедший «на государеву службу» с Дона в сопровождении полусотни запорожских казаков и, надо полагать, в силу своего авторитета выбранный главным походным атаманом. В качестве обычного сотенного головы их сопровождал новгородец сын боярский С. Маврин, который, правда, не справился со своими обязанностями: вместо того, чтобы унимать казаков от бесчинств, он прошел с этой ватагой грабительский поход из Новгорода в Ижорскую землю, из-за чего, собственно, и опоздал с прибытием в полк⁹⁷. В дальнейшем росписи вообще не упоминают в данном полку сотенных голов донских казаков, хотя в отношении остальных, как видно на примере отряда Я. Дронова и казаков Псковского полка, это правило обычно соблюдалось.

Структура такого крупного войска складывалась в соответствии с казачьими традициями, а также с требованиями правительства. В августе 1657 г. упоминаются «обе станицы» донских казаков⁹⁸, а жалованье было выплачено одному атаману, трем есаулам и 489 рядовым, включая и черкас⁹⁹. В декабре того же года жалованье получают уже 3 станицы и отряд черкас, правда, одна из этих станиц, судя по ее атаману (Н. Ларионов), состоит из новоприборных копорских вольных казаков¹⁰⁰. Наиболее подробные сведения об организации этого войска сохранила отписка о смотре 23 мая 1658 г., после роспуска Лавуйского полка. Тогда в Великом Новгороде собрались станицы К. Иванова, И. Горбуна и К. Назимова в составе 3 атаманов, 7 ясаулов, 3 сотников, 2 знаменщиков и 612 казаков, а также

⁹⁷ Ф. 210. Оп. 17. № 83. Л. 197 – 199.

⁹⁸ Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 387. Л. 416.

⁹⁹ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 118. Л. 50.

отдельная уже черкасская «сотня» - сотник И. С. Черкес, есаул и 43 рядовых¹⁰¹. Из тактических соображений донцы, возможно, были разделены по 100 чел. между атаманами и сотниками. Приведенные данные говорят об изменчивости структуры указанного отряда и смене старшины. Так, вначале на все войско лишь один атаман, но со временем их становится два, а затем – три, причем И. С. Черкес, «отличившийся» еще до начала кампании грабежом Ижорской земли, смещается на должность сотника у запорожцев. В июне 1658 г. станицы К. Иванова, И. Горбуна и К. Назимова состоят под началом лишь двух атаманов (К. Иванова и В. Федорова)¹⁰²; в марте 1659 г. в шедшей на Дон от «свейского рубежа» станице атамана Д. Свищова (атаман, 2 есаула, 47 рядовых) одним из есаулов числится бывший атаман Кипреян Иванов¹⁰³!

Годовое жалование и положенный «корм» выплачивался всем им из Новгородской четверти¹⁰⁴, медными деньгами или ефимками «с признаком». Хотя реальная обстановка не позволила совершить планируемый набег на Стокгольм, целый ряд успешных предприятий донцы все же осуществили на стругах¹⁰⁵. Впоследствии все они были обеспечены лошадьми – вместе с копорскими вольными и ладожскими городовыми казаками – и составили основную часть конницы Лавуйского полка.

В период активных летне-осенних боевых действий казаки честно выполняли свои обязательства по государевой службе, но едва воевода отводил свой полк на зиму в Новгород, они снова проявили свой норов и качества «вольных людей». Так, в 1656 г. более 400 казаков ринулись грабить Ореховский уезд, другие разоряли и «приставничали» в новгородских деревнях, а унимавшего их Петра Потёмкина «лаяли матерны всякою

¹⁰⁰ Там же. Л. 48.

¹⁰¹ Ф. 159. Оп. 1. № 1135. Л. 66.

¹⁰² Ф. 159. Оп. 1. № 1135. Л. 66; Ф. 210. Оп. 17. № 214. Л. 53.

¹⁰³ Донские дела. Кн. 5 // РИБ. Пг., 1917. С. 451-456.

¹⁰⁴ Ф. 159. Оп. 3. № 164. Л.1, 1 об.

¹⁰⁵ Гадзяцкий С.С. Карелия и южное Приладожье в войне 1656-58 гг. // Исторические записки. М., 1941. Т. 11. С. 264-266.

позорною бранью» и грозились убить – так что даже пришлось послать пехотный отряд для их поимки¹⁰⁶. Однако, пойманных вскоре отдали в Лавуйский полк стольника А. С. Потёмкина, и зимой 1657-58 гг. всё повторилось в деталях: «Многие, государь, казаки, взяв твоё государево жалованье, разъехались с Лавуи по деревням, вёрст по сту от Лоуского острогу, и стоячи с полоном по деревням, всю зиму воровали, у крестьян свои конские кормы имали безденежно, а в Лоуской острог во всю зиму не бывали»¹⁰⁷. По окончании боевых действий летом 1658 г., не смотря на предостережения Потёмкина, новгородский воевода выплатил им сразу («вдруг») по 10 – 12 руб. годового жалованья: в итоге многие «вольные люди» пропились и проигрались на «кружечном дворе» «донага»¹⁰⁸. Не удивительно, что правительство не стало задерживать большую их часть на службе после этой войны.

Во Псков донские казаки прибыли весной (200 чел. станицы И.И.Есипова) и в августе (93 чел. Е. Савельева) 1657 г., составив «сотню» под началом Б. Бешенцева. Они отличились в первом же бою, под Валком 9 июня, когда лихой атакой выбили из деревни полк шведских драгун¹⁰⁹. В дальнейших походах кн. И. А. Хованского (1657-59 гг.) они покрыли себя новой славой: достаточно сказать, что с «сеунчем» о победе на «граф Магнусовом Гдовском бою» 16 сентября 1657 г. князь отправил от себя именно их голову, псковитина Богдана Бешенцева¹¹⁰.

При этом, донские казаки всегда находились в его воеводском полку в полном составе¹¹¹. Вообще, у псковских воевод не было с ними таких сложностей, как у лавуйских: видимо, им удалось поладить. Красноречиво свидетельствовали о взаимоотношениях между Хованским и казаками

¹⁰⁶ Там же. С. 268.

¹⁰⁷ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 165. Л. 307, 308.

¹⁰⁸ Там же. Л. 306, 307.

¹⁰⁹ Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 340. Л. 193, 194.

¹¹⁰ Сборник МАМЮ. Т. VI. С. 343.

новгородские дворяне в своей «воровской заводной челобитной» 1665 г.: «В нынешнем году донские казаки разграбили у Курляндского герцога двор, а боярин про то не сыскивал: «Дуваны были большие; и из тех дуванов казаки подвели боярину в подарках два возика каретные, и иные многие подарки к нему пошли»¹¹². Думный дворянин и воевода Лифляндии А. Л. Ордин-Нащокин пожаловался на них уже в августе 1657 г.: «И от Пскова донские казаки частыми посылками к тому Алысту (швед. Мариенбург-*Авт.*) приходят, твоих городов окольные уезды запустошили, а промыслу до сего времени над городом не чинят: вместо Азова держат для своей добычи»¹¹³.

Станица Есипова осталась во Пскове до конца войны с Польшей: в 1665г. она носила название станицы «старых донских казаков» атамана А.Филиппева¹¹⁴. Уже в 1658 г. её рядовые были разбиты на десятки и отданы под начало майора М. А. Лошакова – не исключено, что для обучения драгунскому или рейтарскому строю¹¹⁵.

«Вольные казаки» Ижорской земли. С русско-шведской войной связано возникновение ещё нескольких отрядов, изначально носивших название «вольных казаков». Вступление царских войск на отторгнутые у России в 1617 г. территории вызвало поголовное восстание и массовый исход православного населения – русских и карел, которых оперативно расселяли на запустевших новгородских и тверских землях¹¹⁶. Е. Д. Сташевскому удалось выяснить, что воеводы по крайней мере с 1614 г. пользовались в подобных ситуациях услугами местного населения, для разведки и

¹¹¹ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 165. Л. 248-257 (август 1657 г.); Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 118. Л. 244, 245 (весна 1658 г.); Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 486. Л. 122-136 (январь 1659 г.).

¹¹² Соловьев С. М. Сочинения. М., 1991. Кн. VI. С. 603.

¹¹³ АМГ. Т. 3. С.592, 593 (№ 1003).

¹¹⁴ Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 12. Л. 446 об.

¹¹⁵ Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 488. Л. 122-136.

¹¹⁶ Гадзяцкий С.С. Карелия и южное Приладожье... С. 248, 278, 279; Он же. Борьба русских людей... С. 53, 54.

пополнения своих полков¹¹⁷. Была выработана и процедура формирования новых отрядов: желающие били челом о поступлении «на вечную государеву службу», выбирали у себя атамана и «ходили своей станицей», следуя во внутреннем устройстве всё тем же казачьим обычаям¹¹⁸.

Уже в 1656 г. на службу поступили жители Копорского уезда: к январю 1657 г. в составе полка П. Потёмкина прибыли в Новгород 37 чел. «копорских вольных казаков» атамана Микиты Ларионова¹¹⁹. Они изначально были конными и действовали, видимо, в рядах донских и черкасских казаков. Через год их численность возросла до 70 чел. Второй отряд – «вольные люди ямляня Осипко Усолской со товарищи» – первые годы был пешим и имел на вооружении казённые мушкеты. Интересно колебание его численности: в феврале 1657 г. из Новгорода в Сомерскую волость выступило 35 чел., к марту к ним присоединилось ещё 100 чел., а через два года конная станица этих уже «сомерских казаков» атамана Дениса Левонтьева вновь сократилась до 31 чел.¹²⁰ По окончании войны со шведами, в 1658 г., оба отряда поселились в Новгороде и под прежними названиями составили новые станицы полностью на правах городских казаков.

К этому времени общая численность казачьих формирований в Новгородском разряде достигла 2 тысяч человек: для сравнения, 2 июля 1658г. во Пскове собралось только 1534 чел. дворян и детей боярских¹²¹. Постоянный характер службы служилых людей «по прибору», их особый менталитет и боевые навыки – вот что импонировало командованию и заставляло его мириться с обычной для казаков разнузданностью. Можно лишь поражаться той настойчивости и уважению, с каким правительство привлекало на службу, вооружало и всячески опекало ватаги этих смелых и

¹¹⁷ Сташевский Е. Д. Указ. соч.. С. 156, 157.

¹¹⁸ Там же; Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 136. Л. 193 (случай 1662 г.).

¹¹⁹ Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 387. Л. 272, 274, 275.

¹²⁰ Там же. Л. 269, 270, 285-287, 294; АМГ. Т. 3. С. 118 (№ 126).

¹²¹ Подсчитано автором по: Ф. 210. Смотренные списки. № 21. Л. 43 об-158.

опытных в боевом отношении людей, по разным причинам некогда порвавших с привычным сословным укладом жизни.

§ 3. Первые полки «рейтарского строя». Уже в первые годы войны под началом воевод Новгородского разряда появилась конница принципиально нового для России типа – рейтары. Образцом для её организации, вооружения и тактики послужила кавалерия Западной Европы, и целесообразно сначала в общих чертах дать краткую характеристику того, что же представлял из себя источник заимствований.

Линейная кавалерия Запада в середине XVII в. Здесь в ходе долгой и изнурительной Тридцатилетней войны 1618-48 гг. различия между родами кавалерии окончательно стёрлись. Исчезли разнообразные «кирасиры», «аркебузиры», «копейщики», «карабинеры» и т.п., и в большинстве стран полки стали называть просто конными или кавалерийскими: «Cavalerie» во Франции, «Horse» в Англии и Шотландии, «Reuter» в Северной Германии, «Rytter» в Дании, «Ryttare» в Швеции. Только в Испании, Австрии и иных германских, – большей частью, католических землях – сохранились «кирасиры», но это было просто иное название той же стандартной кавалерии, дань традиции; в Речи Посполитой вся вербованная конница «немецкого» типа была известна как «rajtaria». Вербованные полки редко существовали дольше нескольких кампаний, их личный состав после роспуска охотно поступал в любую другую армию, и благодаря такому «свободному рынку» основные нормы тактики, вооружения и организации (или «штатного состава») стали интернациональными.

В мирное время кавалерия ввиду своей дороговизны была малочисленной, и резкое увеличение её численности происходило только накануне войны. Парламенты и правительства определяли необходимые размеры полков и денежные суммы, после чего начиналась вербовочная кампания. Так, шведы, хотя и имели сильные национальные полки мирного

времени, перед вторжением в Польшу (1655 г.) на вербовали к 6 тысячам ещё 15 – 20 тысяч рейтар¹²². Датчане в начале 1657 г. планировали увеличить десяток наличных конных рот до 25 тысячных полков, но и через год смогли довести самые крупные из них только до 300 чел.¹²³

Формирование полка осуществлялось на основании патента – контракта между полковником и государством, в котором оговаривались структура и численность подразделения, сроки вербовки, вооружение и т.п. Полковник получал крупную сумму денег, договаривался с ротмистрами и другими вербовщиками, и набор рейтар окончательно превращался в коммерческое предприятие¹²⁴. П. Гордон в своем дневнике замечательно изобразил те выгоды, которые сулила ему вербовка кавалерийского пока для Австрии в 1661 г.: «Я обязался набрать две полные роты и должен был получить за каждого рейтара по 40 рейхсталеров... Сам я становился старшим ротмистром и получал бы по 35 рейсталеров за каждого рейтара, приведенного мною на место сбора сверх моих двух рот.

Одной из причин, побудивших меня согласиться, было предвкушение великой выгоды от вербовки, ибо я узнал о роспуске курфюрстом Бранденбургским в Пруссии 4 конных полков, так что многие будут рады снова поступить на службу. Я не сомневался, что приведу свои роты еще и с избытком к месту сбора, назначенному нам в Силезии, из расчета 15 или 20 рейхсталеров за рейтара, помимо того преимущества, что я мог бы получить от моих офицеров, кои должны были набрать известное число людей согласно своему чину»¹²⁵.

От успеха «предприятия» зависела боевая численность полка. Обычной нормой, закрепленной в Австрии, Дании и др. странах, был состав в 10 рот по

¹²² Tessin G. Die Deutschen Regimente der Krone Schweden. Köln-Graz, 1965. Teil I. S. 6-8, 28.

¹²³ Vaupell O. Den Danske Haers Historie til nutiden og den Norske Haers Historie indtil 1814. Kjobenhavn, 1872. S.18, 22, 23.

¹²⁴ Дельбрюк Г. История военного искусства. СПб, 1994. Т IV. С. 43.

¹²⁵ Гордон П. Дневник. 1660-1668. М., 2002. С. 94, 95.

100 рядовых¹²⁶, но, имея богатый опыт провала вербовочных кампаний, другие «заказчики» стали оговаривать более реальные, несколько заниженные штаты. Так, в 1655 г. шведский король Карл X Густав установил размер роты в 70, а с 1658 г. – в 60 рядовых, но и это число достигалось редко¹²⁷. Также и в ходе Гражданской войны в Англии роты «кавалеров» и «круглоголовых» уменьшились до 60 – 80 чел.¹²⁸ Количество рот в полку было минимальным: в среднем 8 у шведов, 6 – у англичан, хотя более знатные и богатые шефы могли позволить себе и увеличить их число¹²⁹. В Речи Посполитой и Лифляндии скудная вербовочная база заставила искать выход в создании более мелких отрядов – отдельных рот («корнетов» или «лейб-кампаний») и «шквadroнов» по 2-4 роты.¹³⁰ Гордон называет ещё одну причину их преимущественного создания: «Дворяне, имевшие под начальством независимые роты, не соглашались дать их для организации полка главным образом из-за выгод, которые они имели»¹³¹. Вполне обычным делом было пополнение частей военнопленными, из которых порой составлялись целые полки¹³². Указываемые в смотренных списках (Musterrolle) цифры всегда превышали наличность: полковники, в случае инспекции, пополняли ряды своими слугами или просто бродягами, а жалованье за «мёртвые души» клали себе в карман. В общем, и реальные, и установленные размеры рот и полков меньше всего зависели от каких-либо идеалов, определяемых линейной тактикой того времени¹³³. Это изначально

¹²⁶ Брикс Г. О. Р. История конницы: в 2 кн. Кн. 2. Примечания Брикса к «Истории конницы» Денисона М., 2001. С. 138; Vaupell O. Den Danske Haers... S. 23.

¹²⁷ Tessin G. Die Deutschen Regimenter... S. 5, 54, 108.

¹²⁸ Young. P. The English Civil War. Ldn., 1973. P. 13, 14.

¹²⁹ Ibid. P. 13, 14; Tessin G. Die Deutschen Regimenter... S. 7.

¹³⁰ Лайдре М. Шведская кавалерия и артиллерия в Лифляндии в 1655-1661 годах // Скандинавский сборник. Таллинн, 1988. Т. XXXI. С. 66, 67, 76; Wimmer J. Wojsko i finanse Rzeczypospolitej w czasie wojny ze Swecja 1655-1660 // Wojna polsko-szwedzka 1655-1660. Warszawa, 1973. S. 69, 134, 275, 276.

¹³¹ Гордон П. Дневник. 1635-1659. М., 2000. С. 189.

¹³² Tessin G. Die Deutschen Regimenter... S. 58, 310; Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 387. Л.414, 415 (датчане и поляки на шведской службе).

¹³³ Подробнее см.: Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. СПб., 1997. Т. 4. История зарождения линейной кавалерии блестяще изложена автором в главе «Преобразование рыцарства в кавалерию» (С. 87 – 103); вопрос же о соотношении численности

были чисто административные единицы, мало или вообще не связанные с тактическим построением. Именно поэтому утверждение П. П. Елифанова о том, что отсутствие единого штата для русских полков рейтарского строя в 1680-х гг. якобы затрудняло обучение их личного состава линейному строю¹³⁴, совершенно ошибочно.

Добавим, что в связи с прогрессом в этой тактике, в частности, уменьшением глубины строя до трёх шеренг, окончательно отпала необходимость строго оговаривать численность эскадрона. Шведы устанавливали его в 4 роты; англичане – то в 2, то, по одной из инструкций – в 1/3 роты; австрийцы – в 2 роты, и т.д.¹³⁵ Солдаты настолько привыкли к этим построениям, что можно было без труда сводить в один эскадрон даже части разных полков; шотландцы Гордона однажды составили «эскадрон» из 16 посаженных на коней польских крестьян, которых нарядили рейтарами по краям к которым добавили 5 своих товарищей (21 человек – 3 шеренги по 7 рядов): внушительный вид этого «корпуса» позволил им уйти от преследования¹³⁶!

Иноземные офицеры в России. Приехав в Московское государство, «немецкий» офицер попадал в совершенно иной мир. Главу Рейтарского приказа – боярина кн. И.Д. Милославского – интересовало прежде всего его умение обучать подчиненных «рейтарскому строю» и личные боевые навыки¹³⁷. По сословному статусу служилый иноземец никак не превосходил своих подчиненных – в основном дворян и детей боярских. Не имел он и привычных финансовых рычагов могущества: денежное жалованье,

роты и полка с численностью эскадрона ни разу не поднимался (см., напр., выдержку из записок Г. де Со-Таванна – Там же. С. 40, 41 (Прим. 40 к гл. 2)).

¹³⁴ Елифанов П. П. «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (из истории военного искусства XVII в.) // Ученые записки МГУ. Кафедра истории СССР. М., 1954. Вып. 167. С. 86, 89.

¹³⁵ Брикс Г. О. Р. История конницы... С. 77, 78, 136, 138; Tincey J. Soldiers of the English Civil war. Ldn., 1990. Т. 2. Cavalry. P. 7 - 10, 16, 18.

¹³⁶ Гордон П. Указ. соч. С. 177-179.

казённую «рейтарскую службу» и «корм» выдавали и ему, и рядовым напрямую дьяки, подьячие или «целовальники», от которых требовалось «за очи, и подставов, и на убитых, и на взятых, и на мёртвых, и одному человеку на двух или на трёх человек никому нашего жалованья не давать», составлять заручные раздаточные книги и отправлять их в приказ¹³⁸. Зато и жалованье это, невиданных в России размеров, выплачивалось с завидной регулярностью – при том, что, к примеру, П. Гордон за 1,5 года, проведенные в шотландской лейб-роте фельдмаршала Р. Дугласа, «ни разу не получил ни гроша жалованья за вербовку или службу от Шведской короны»¹³⁹ и был вынужден пробавляться грабежом и мошенничеством. Описанные выше условия и привлекали на царскую службу сотни военных специалистов, в то же время вызывая у этих «солдат удачи» постоянный дискомфорт и чувство ограничения свободы.

В большинстве случаев и в походе полковники-иноземцы были лишь исполнителями воли воевод, только рационально «уряжая» полки к бою или консультируя по инженерным, артиллерийским вопросам и другим «хитростям ратного строения»¹⁴⁰. Зато царская служба предоставляла им полный простор для применения своих творческих способностей в чисто профессиональной сфере. Перед Смоленской войной (1632-34 гг.) полковники сами составляли штаты своих полков и «смету» необходимого вооружения, запасов и «окопных снастей»¹⁴¹; и позже наиболее уважаемых из них нередко привлекали в приказы для консультаций.

Датчанин Н. Боуман, «полковник, инженер и гранатных дел мастер», приглашённый на службу русским послом в 1657 г., через два года был уже

¹³⁷ «Перевод с галансково письма, что подал боярину Илье Даниловичу Милославскому рейтарсково строю полковник Исак фан Буковен...» // Российский архив. М., 1996. Вып. VI. С. 9 (комментарии А. В. Малова).

¹³⁸ Воспроизведение этой стандартной формулы по: Ф. 141. 1654 г. № 100. Л. 110.

¹³⁹ Гордон П. Указ. соч. С. 194.

¹⁴⁰ Ченедя А. В. да. Известия о Московии... // Отечественные записки. СПб., 1829. Ч. 37. С. 92, 247, 248; АМГ. Т. 3. № 440.

¹⁴¹ Сташевский Е.Д. Указ. соч. С. 80, 91.

полковником 3-тысячного полка усиленно инженерного назначения¹⁴². Он с увлечением показывал землякам «изобретенные им полевые пушки», сверхлёгкие, скорострельные и казнозарядные, 12 из которых уже были готовы; ввиду подготовки похода на Украину он «составил проект укрепления из телег, в котором могли поместиться более 1600 всадников и пеших, и которое можно было использовать на коротких и на дальних переходах при нападениях казаков и татар»¹⁴³ - то есть, привычный для степной войны, но рационализированный «табор». За отличие при отходе от Конотопа в 1659 г. Боуман был произведен в генерал-поручики и служил ещё 10 лет до чина полного генерала. По окончании войны он всё-таки «вырвался из этой некультурной страны»...¹⁴⁴, но через год попросился обратно: в мирной Дании он оказался просто лишним! Но безуспешно: царь редко принимал обратно однажды отказавшихся от его службы офицеров¹⁴⁵.

«Рейтарский строй» в России. Столь же тщетно на 30 лет раньше слал письма из Вены с просьбой принять его обратно на царскую службу и Самуил Шарль де Эберт – первый русский полковник «рейтарского строя»¹⁴⁶. Созданный по его проекту кавалерийский полк отличился в боях под Смоленском¹⁴⁷ и был распущен по окончании войны в 1634 г. Тем не менее, значительное число прошедших в нём службу офицеров остались в России, среди поместных и «кормовых» иноземцев¹⁴⁸, и их опыт был востребован через 15-20 лет. В 1649 г., после образования Рейтарского приказа, доверенное лицо его главы боярина И. Д. Милославского, голландец Исаак Фанбуковен, возглавил новый полк «рейтарского строя»: по сути, этот

¹⁴² Цветаев Д.В. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 90, 91, 299; Ф. 137. Оп. 1. Новгород. № 60. Л. 1 об. - 2 об., 4, 8 об., 9 и т.д. (Жалованье полку М. Бовмана, по грамотам из приказа Тайных дел).

¹⁴³ Роде А. Описание 2-го посольства в Россию датского посланника Ганса Оделунда в 1659 г. // Проезжая по Московии. М., 1991. С. 299, 301.

¹⁴⁴ Там же. С. 312.

¹⁴⁵ Цветаев Д. В. Указ. соч. С. 299, 321, 322.

¹⁴⁶ Акты о выездах в Россию иноземцев // РИБ. СПб., 1884. Т. 8. С. 322.

¹⁴⁷ АМГ. Т. I. С. 570.

полк стал офицерской школой для подготовки командного состава пехоты и кавалерии «нового строя» из русских дворян и детей боярских¹⁴⁹. Одновременно возобновился массовый приём на царскую службу иноземных военных специалистов, уволенных из армий Европы после Вестфальского мира 1648 г., а также покинувших по политическим соображениям Англию.

Таким образом, у правительства имелись все возможности быть в курсе новейших веяний европейского военного дела 1630-40-х гг., а в наличии желания к этому вряд ли стоит сомневаться: существует ряд убедительных свидетельств того, что в XVII столетии «народ российский... паче о бранех, неже о книгах, паче об обучении воинском, неже об обучении школьном, тщание имеяше»¹⁵⁰. Служилый люд с живым интересом относился к нововведениям в ратном деле. Так, дворянин И. А. Бутурлин после Смоленской войны заявил о необходимости сократить гигантские расходы на иноземных офицеров и набрать рядовых из «тунеядцев» – приказных людей, но в самой целесообразности рейтарского полка не сомневался¹⁵¹. В 1649 г. рядовые рейтары полка И. Фанбуковена ворчали по поводу своих новых командиров – иноземцев, «что они сами большей частью не служили, а бывшие под Смоленском русские понимают больше них»¹⁵².

Алексею Михайловичу, любившему любому, хоть самому малому делу придавать свой чин и «уряд», не могли не понравиться стройные и красивые ряды «немецкой» конницы. В августе 1649 г. в Оружейном приказе были сделаны «червчатые» и белые знамена «в Рейтарской в новый полк»¹⁵³, под которыми на встрече польского посольства «стояли рейтарским строем» рейтары «с полковником с Исаком Фандуковым и с начальными людьми»¹⁵⁴.

¹⁴⁸ Ф. 210. Книги Московского стола. № 49. Л. 940 - 1450.

¹⁴⁹ Цветаев Д.В. Указ. соч. С. 707.

¹⁵⁰ Цит. по: Мышлаевский А.З. Офицерский вопрос в XVII веке. СПб., 1899. С. 5 (из предисловия к латинскому лексикону Максимовича издания 1724 г.).

¹⁵¹ Сташевский Е.Д. Указ. соч. С. 134.

¹⁵² Цит. по: Цветаев Д.В. Указ. соч. С. 707 (из донесения Де Родеса).

¹⁵³ Арсеньев Ю. К истории Оружейного приказа в XVII веке // Вестник археологии и истории... СПб., 1904. Вып. XVI. С.158 (№ 18).

¹⁵⁴ Записные книги Московского стола 1636-1663 гг. // РИБ. Т. 10. С. 471.

В апреле 1651 г. царь устроил своеобразные маневры в походе в с. Покровское, в котором центральное место заняли рейтары: «ехали... с полковники и с иными начальными людьми, рейтарским строем, 500 человек»¹⁵⁵. Одно из его писем к кн. Ю.А. Долгорукому содержит описание тактики рейтар¹⁵⁶. Среди бумаг приказа Тайных дел сохранились интересные наброски штатной структуры рот, сотен и полков Государева полка (похоже, почерком Алексея Михайловича). Рейтарский полк выглядел так¹⁵⁷:

«Шквadroна»	«Рейтар»			«Драгунов»		
	Число рот	Людей в роте	Всего в шквadroне	Число рот	Людей в роте	Всего в шквadroне
«полковникова»	4	2 по 80 2 по 70	300	4	80	320
«полуполковая»	3	1 из 80 2 по 70	220	2	80	160
«у маeора»	3	1 из 80 2 по 70	220	2	80	160
Всего	10		740	8		640

Добавим, что каждая графа исправлена: у полковника, например, предполагалось в 1-й роте 100 чел., в двух – по 80, и в последней – 70. При западной системе комплектования полковник просто мог позволить себе иметь более «полную» лейб-роту; в тактическом же отношении предварительное деление полка на неравные части было неудобно при создании временных эскадронов перед боем. Так что, подобное распределение рот по численности совершенно не имеет западных корней. Зато эти умозрительные «разряды» напоминают уже описанное выше распределение дворян Новгородских пятин по чинам и окладам между

¹⁵⁵ ДР. Т. III Стб. 241, 242.

¹⁵⁶ ЗОРСА. С. 763, 764.

¹⁵⁷ Ф. 27. Оп. 1. № 568. Л. 1 об.

разного ранга воеводами в 1654 г. (см. § 1). Да и рассматриваемый список содержит прямую аналогию – первые две сотни жильцов имели по 80, а вторые – по 70 чел.¹⁵⁸ Надо полагать, что перед нами – проект какого-либо небольшого придворного похода (вроде упомянутого похода в с. Покровское) – в боевой практике подобные вещи не встречаются. Таким образом, Алексей Михайлович, образованнейший человек своего времени, находил особую эстетику в ратном деле «иноземного строя».

Перед началом войны путём записи неверстанных и беспоместных «нови́ков» количество рейтар было доведено до 6 тысяч человек, разбитых на роты по 100 рядовых¹⁵⁹. В связи с тем, что архив Рейтарского приказа не сохранился, мы не располагаем текстами указов, определявших штатную структуру этих полков – так же, как и их обучение, снаряжение и т.п. Однако, сличение списков личного состава и смет десятков подразделений «рейтарского строя» за 1650-е – 60-е гг.¹⁶⁰ указывает на наличие единой номенклатуры офицерских чинов: отклонений от неё, не связанных с обычным некомплектом части, единицы. Эта строгость в соблюдении числа офицеров и иных чинов во многом вызывалась чисто финансовой причиной, ведь величина окладов их месячного жалованья (до 40-50 руб. в месяц!) и корма для лошадей накладывали на дьяков большую ответственность.

Рассмотрим набор этих чинов. В области строевых должностей (офицерских от полковника до прапорщика, а также унтер-офицерских, музыкантских вплоть до рядовых) отличий от европейских стандартов не наблюдается. Зато мы не найдём разного рода вербовщиков, совершенно лишних в служилом государстве; в штатах нет аудиторов (военных судей), палачей и профосов, так как судебной властью полковники не обладали; священники и мастеровые, если и придавались полкам, получали жалованье

¹⁵⁸ Там же. Л.1.

¹⁵⁹ Ф.27. Оп. 1. № 86. Ч.1. Л. 237; Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 286. Л. 111.

¹⁶⁰ Веселовский С. П. Сметы военных сил Московского государства 1661-1663. М., 1911. С. 16, 17; Ф. 210, Книги Московского стола. № 56; Ф.210. Смотренные списки. № 13. Л. 138-188, 342-460 об. (полк Д.Д. Фонвизина) и др.

и «корм» по другим статьям и не состояли в списках полков; денщики или «пажи» были личными слугами начальных людей и также не включались в штат. Всё это ясно свидетельствует, что произошло заимствование именно «рейтарского строя», тактических форм, а не слепое копирование устройства европейской конницы.

Рейтары – большей частью беспоместные дети боярские – получали годовое жалованье в 30 руб. и казённое вооружение, которое, как и конский состав, при утрате в боевых и походных условиях восполнялось за счёт казны¹⁶¹. В некоторых полках состояли представители более 40 «городов» самых разных концов страны¹⁶², что лишний раз подчёркивает оторванность рейтар от своих домов. Это позволяло при распределении их в действующую армию больше руководствоваться чисто военными соображениями.

Размеры частей и время их службы зависели не от случайностей вербовки или сроков контракта, как на Западе: в Рейтарском приказе, которому подчинялись все рейтары от рядового до полковника, вели централизованный учёт сроков службы, выплаты жалованья и т.д., и наряжали на службу по справедливости. Так, в набросках царя перед совещанием с боярами, осенью 1657 г., одним из пунктов значилось: «И зимовать ли боярина князя Алексея Трубецково полку Денису Фонвисину с полком рейтарским, а ныне он, Денис, и с полком, со столником и воеводою с князь Иваном Хованским, а прошлые зимы в Новгороде и во Пскове зимовал он же, или иному полку зимовать..., а очереди их ведают в Рейтарском приказе, и о том велеть выписать и, поговоря, указать зимовать в Новгороде и во Пскове по очереди»¹⁶³.

В зависимости от этой очереди и от потребностей момента полки направлялись к тому или иному воеводе в размере от 5 до 14-17 рот, хотя

¹⁶¹ Котошихин Г. Указ. соч. С. 115, 116; Ф.210, Столбцы Московского стола, № 387. Л. 281. (Запрос о нехватке оружия и лошадей у рейтар в Новгороде в феврале 1657 г.).

¹⁶² По списку рейтар полка Д. Д. Фонвизина (Ф. 210. Смотренные списки. № 13. Л. 138-188, 342-460 об).

¹⁶³ ЗОРСА. С. 734, 735.

большинство их всё же имело единообразный состав в 1000 рядовых (10 рот) при 33 начальных людях¹⁶⁴. Например, летом 1657 г. из Москвы в поход отправились полки следующего состава¹⁶⁵:

Место назначения	Командир полка	рейтар		Драгун	
		Начальники рот	число рот	Нач-ки рот	Чис рот
г.Царевиче-Дмитриев (Динабург)	Майор В. Волжинский	Майор 4 ротмистра	5	-	-
г.Полоцк *	Полковник В. Змеев	Полковник, 2 майора, 7 ротмистров	10	Майор, 2 капитана	3
г.Борисов	Полковник А.Троурнихт	Полковник, подполковник, майор, 4 ротмистра	7	2 капитана	2
	Полковник А-Г Фан Стробель	Полковник, подполковник, майор, 7 ротмистров	10	2 капитана	2

- - в августе 1657 г. переброшен во Псков.

Назначение в состав некоторых полков драгунских отрядов указывает на хорошее знакомство с практикой усиления посредством драгун огневой силы эскадронов. Этот приём имел давнюю историю. Впервые поддержка рассыпанных на пересеченной местности стрелков помогла кавалерии Германского императора, уступавшей в численности и находившейся «в дурном состоянии», одержать победу над отборными французскими жандармами в знаменитой битве при Павии (24 февраля 1525 г.)¹⁶⁶. Затем

¹⁶⁴ Чернов А.В. Указ. соч. С. 146; Веселовский С.П. Сметы... С. 16, 17.

¹⁶⁵ Белокуров С. А. Дневальные записки Приказа Тайных дел 7165-7183. М., 1908. С. 19.

¹⁶⁶ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. СПб., 1997. Т. 4. С. 73; Марков С. Л. История конницы. Тверь, 1887. Ч. 3. Отд. 1. С. 34, 35; Pavia // Wörterbuch zur Deutschen Militär-Geschichte. Berlin, 1985. S. 761, 762.

имперцы стали применять шахматное построение конных (рейтарских или кирасирских) и пеших полков против османской армии, обладавшей подавляющим превосходством в коннице. К 1616 г., судя по сочинению И.Якоби фон Вальгаузена «Военное искусство кавалерии», в протестантских армиях роль мобильной огневой поддержки копейщиков и кирасир отводилась ротам и командам (по 50 чел.) драгун, а также мушкетерам, размещавшимся среди эскадронов конницы¹⁶⁷. Шведский король Густав II Адольф в борьбе с польской «гусарией» так отработал методы взаимной поддержки рейтар, драгун и мушкетеров, что некоторые историки до сих пор приписывают ему само «изобретение» данного тактического приема. На заключительном этапе Тридцатилетней войны, а также в ходе Северной войны 1655 – 60 гг. и Английской Гражданской, драгунские или мушкетерские команды, иногда даже усиленные легкими пушками, располагались между эскадронами конницы практически во всех армиях. В Россию данный прием пришел уже во время Смоленской войны (со шведскими и протестантским немецкими офицерами), когда рейтарский полк по штату включил в себя роту драгун, а драгунский – отряд рейтар¹⁶⁸.

Кстати, в западных армиях расстановка в шахматном порядке рейтар и драгун происходила обычно только накануне сражения¹⁶⁹; организационное соединение двух родов войск в штатах одного полка было редкостью и вызывалось частной инициативой его знатного шефа (гетмана или короля) – в России же подобное становилось практикой.

Если посмотреть на динамику численности этого вида кавалерии в Новгородском разряде, можно легко обнаружить её связь с оперативной ситуацией на фронте. Первый полк (Д. Д. Фонвизина) был направлен туда при начале войны со Швецией для адекватного противостояния её рейтарам. При переходе к обороне его разделили пополам и оставили во Пскове и

¹⁶⁷ Дельбрюк Г. Указ. соч. Т. 4. С. 74; Марков С. Л. Указ. соч. С. 66, 156, 157; Рюстов Ф. В. фон. История пехоты. СПб., 1876. Т. 2. С. 108.

¹⁶⁸ Чернов А.В. Указ. соч. С. 136.

Новгороде ещё на год¹⁷⁰. После поражения новгородцев от шведской кавалерии под Валком (9 июня 1657) во Псков перебросили крупный полк стольника В. А. Змеева (будущего «думного генерала»), с помощью которого разгромили армию графа М. Делагарди под Гдовом¹⁷¹. После победных походов кн. И. А. Хованского в Эстляндию часть рейтар «отпустили к Москве»¹⁷², и во Псковском полку до февраля 1659 г. остались полки, а по сути, шкwadроны «полуполковников» Д. И. Зыбина и Ф. Зыкова¹⁷³.

Московские рейтары являлись очень дорогим для казны видом конницы: до 35 000 руб. в год тратилось только на жалованье среднему полку, а ещё оружие, знамёна, лошади... Однако, затраты оправдывали себя: боевая эффективность новых полков ни у кого из воевод не вызывала сомнений, и к концу 1650-х гг. командование окончательно пришло к выводу, что «рейтары на боях крепче сотенных людей»¹⁷⁴. Кстати, особенно ярко это проявилось во время походов войск Новгородского разряда в Прибалтику, что заставило правительство принять довольно кардинальное решение по реформированию кавалерии...

Выводы. В войны 1654 – 67 гг. конница Новгородского разряда вступила со своей традиционной военно-сословной структурой, созданной усилиями правительств московских великих государей от Ивана III до Михаила Федоровича.

Основную ее массу составляло привилегированное сословие служилых людей «по отечеству» – городских дворян и детей боярских, помещиков тех уездов, которые организационно относились к разряду. Служба и отношения внутри их корпораций регулировались неписаными законами чести, местничества в той же мере, что и государевыми указами. Прочность

¹⁶⁹ Brzezinski R. The Army of Gustavus Adolphus. Ldn., 1993. Vol. 2. P. 15, 16.

¹⁷⁰ Ф. 210. Смотренные списки. № 13. Л. 138, 138 об., 159, 159 об.

¹⁷¹ Сборник МАМЮ. Т. VI. С. 340-343.

¹⁷² Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 165. Л. 143.

¹⁷³ Там же. № 120. Л. 113, 247; Ф. 233. Оп. 1. № 90. Л. 106, 590.

позиции служилых людей по отечеству заставляла воевод считаться с интересами этого сословия – при назначениях на службу, выплате жалованья, верстании и, как правило, при принятии боевых решений. В боевом отношении существовало качественное неравенство внутри и между корпорациями, что требовало создания отборных сводных подразделений и более внимательного, личностного отношения к каждому дворянину.

Второй по численности и военному значению группой служилых людей разряда, несшей преимущественно конную службу, были городовые казаки, наследие бурного Смутного времени. Всего несколько десятилетий оседлой жизни в городских казачьих слободах превратили их в сословие, по своему положению близкое к стрельцам, пушкарям и прочим служилым людям «по прибору». Большинство станиц стали подразделениями столь же постоянной численности, что и стрелецкие сотни, а должности атаманов и есаулов теряли боевое значение, иногда становились наследственными званиями, возможно, только сохраняя некоторую роль во внутренней жизни станицы. Вместе с тем, мощное в плане самосознания отличие вольных казаков от остальных государевых служилых людей не могло исчезнуть столь же быстро, и традиционные боевые навыки, а также неприятие оседлой жизни часто использовалось воеводами в военных или иных целях. В боевом отношении (по стойкости и вооружению) лишь поместные казаки приближались к дворянам и детям боярским; некоторые станицы вообще несли пешую службу.

В организационно-тактическом плане в начале войны наблюдается внешняя однотипность полковой структуры конницы: вся она сведена в сотни во главе с сотенными головами. У дворян и детей боярских сотни обычно включают в себя представителей одного уезда, а внутри его – родственников и соседей; у казаков – все выступившие в поход станицы одного города. Сотни подчиняются главному воеводе территориального

¹⁷⁴ Чернов А. В. Указ. соч. С. 146.

(разрядного) полка или одному из его товарищей, образуя конницу соответствующих воеводских полков. Вместе с тем, они сильно различаются между собой как по численности, так и по качеству снаряжения; несомненно, их боевая ценность зависит и от сословной принадлежности «сотенных людей».

Первые же походы ознаменовались нововведениями и изменениями в этом, по-своему стройном, порядке полковой службы конных ратных людей. В 1654 г. помещики Новгородских пятин были распределены по полкам и сотням не по семейно-соседскому, а по более формальному принципу – по чинам и окладам. Впрочем, вскоре пришлось отказаться от этого больше парадного мероприятия – видимо, ввиду сложности учета и неудобства для дворян. Отметим еще и ставшее правилом формирование в каждом воеводском полку отборных подразделений – Выборной и Подъезжей сотен.

Казачье сословие, менее замкнутое, было пополнено несколькими новыми отрядами. Прежде всего, это станицы донских казаков, некоторые из которых – как и «черкасская сотня» (отряд запорожцев) – надолго остались в составе войск Новгородского разряда. Кроме того, из русского населения Ижорской земли в ходе русско – шведской войны образовались станицы конных копорских и пеших сомерских «вольных казаков». Наконец, один из отрядов (ладожская станица) был переведен в конную службу.

И все же, все указанные нововведения в целом не выходят за рамки традиций: и прибор вольных людей, и различные варианты создания отрядов из дворян встречаются и ранее и не противоречат принципам сословности военной службы как таковой. Предвестником более глубоких изменений стала присылка во Псков и Новгород подразделений принципиально нового для России типа – полков «рейтарского строя».

Личный состав их – это такие же служилые люди «по отечеству», формально сохранившие принадлежность своим городам или, в случае с иноземными офицерами, к сословной группе служилых иноземцев («старого» или «нового выезда»). Но и материально, и организационно они

вырваны из этих корпораций: большинство их бес- или пустопоместные, а назначение на службу получают не из Разрядного, а из Рейтарского приказа. Последний определяет их принадлежность к той или иной роте и полку, а также очередь выступления на службу.

Еще более разительно их отличие в организационной структуре и, естественно, способе боя. Все это подчинено требованиям «рейтарского строя» - т. е., выработанной на Западе линейной кавалерийской тактике. Рейтары сведены в роты и полки единообразной штатной численности во главе с опытными начальными людьми – иноземцами и русскими; в бою они действуют в шеренгах и рядах эскадронов, строго подчиняясь западного образца командам и сигналам труб и литавр. Важно отметить, что новый порядок их организации и регулярного обучения изначально предполагал возможность объединения в одном строю ратных людей разных сословий. В пехоте последнее уже произошло, и лишь не вполне боевые причины (удобство учета и комплектования), а также сословное сознание, особо сильное в таком консервативном роде войск, как конница, еще удерживали подобный процесс у рейтар.

В плане материального обеспечения конных ратных людей наблюдается неуклонное усиление роли денежного жалованья, а также самоснабжения на территории военных действий, в ущерб традиционному поместному обеспечению. Именно возможность, благодаря чеканке медных денег и «ефимков с признаком» и иным мероприятиям этого рода, платить более частое и крупное денежное жалованье позволила увеличивать казачью конницу, более интенсивно использовать поместную (в т. ч. и в зимних походах), а также содержать значительное количество рейтарских подразделений. Успех финансовой политики, пик которого пришелся на конец 1650-х гг., и стал еще одной важной предпосылкой нового этапа военных реформ в России.

Глава 2

“Полковая служба” конницы Новгородского разряда и преобразования в ее организации и комплектовании в 1659 – 1662 гг.

§ 1. Разбор 1659 г. и создание полков “рейтарского строя” в Новгородском разряде.

Окончание Рижского похода Алексея Михайловича (осень 1656 г.) знаменовало собой начало длительной паузы в широкомасштабных боевых действиях. Правительство использовало это время для осмысления уроков прошедших и текущих (в Прибалтике) кампаний и серьезных военных преобразований. В частности, уже по дороге из-под Риги особые комиссии произвели “выбор” из возвратившихся полков лучших солдат для новой царской гвардии – “Государева выборного полка солдатского строя”, с исключительно русским начальным составом¹. Что же касается конницы, то здесь выбор был окончательно сделан в пользу рейтарского строя. Массовое производство в офицерские чины опытных рейтар, крупные закупки за рубежом и налаживание собственного производства “рейтарской службы” – карабинов, пистолетов, лат и шишаков, - новая чеканка медной монеты и “ефимков с признаком” для жалованья ратным людям, - все это создало условия для перевода в “новый строй” уже большей части существующей конницы, что и было сделано. Так, в 1658 г. по разбору думного дьяка С. Заборовского 5 тысяч служилых людей Белгородского разряда были определены в драгуны, а 2,4 тысячи – в рейтары; на следующий год все оставшиеся еще в сотнях разрядного полка 2050 дворян и детей боярских также перешли в рейтарский строй, так как “рейтары на боях крепче сотенных людей”². Одновременно, в июле 1659 г., было запрещено “писать в

¹ Малов А.В. Начало выборных полков – предшественников Петровской гвардии // “За веру и верность”: 300 лет Российской императорской гвардии: Тезисы научной конференции. СПб., 2000. С 56-59; Он же. Русско-шведская война 1656-58 гг. и военное строительство в России // Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие. М, 2002. С. 126 – 149.

² Чернов А.В. Строительство... С. 373, 457, 468, 898-900.

рейтары на Москве” (т.е., в старые полки) детей боярских “украинных” и “польских” городов “по черте и за чертой”³, что указывает на несколько иной статус новых рейтарских полков: по области комплектования и подчинению они принадлежали исключительно своему разряду (военно-территориальному округу), жалование для рядовых получали не из Рейтарского, а из Разрядного или каких-либо финансовых приказов, и в значительной мере являлись лишь новой формой тактической организации служилого “города”...

После Белгородского очередь дошла до Смоленского и Новгородского разрядов, где с 1659 г. также стали формировать рейтарские части¹.

Разбор 1659 г. Как уже говорилось, в победоносном январском (1659г.) походе на Браславль и Мядзелы участвовала едва половина конницы “сотенной службы” Новгородского разряда: большинство дворян оказались не готовы к нему и разъехались по домам в период завершения “посольских съездов” со шведами в Валиесаари (перемирие там было заключено 20 декабря 1658 г.). По их словам, “немецкие и свитцкие люди, усташася столника и воевод князя Ивана Ондреевича Хованского с товарищи и убояся твоих государевых ратных людей – нас, холопей твоих, – [...] учинили мирной договор, и та немецкая служба в совершение [пришла]”². А в середине февраля с богатой добычей вернулись по домам и участники битвы под Мядзёлами³. Через месяц Хованского вызвали в Москву⁴, где на Вербное воскресенье (27 марта 1659 г.) он был пожалован в бояре с почетным титулом “наместника Вятского”.

³ Там же. С. 457.

¹ О смоленских рейтарах см. указ от 21 февраля 1659 г. (ПСЗРИ. Т. I, С. 483 (№ 246)).

² Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 120. Л. 290, 291 (Челобитная Новгородского разряда ратных людей всех городов), 292.

³ Рейтары Ф. Зыкова били челом об отпуске 10 февраля 1659 г. уже в г. Икажно, по пути обратно (Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 120. Л. 247). Послужные списки участников боя и книги раненых прибыли в Москву 3 и 7 марта 1659 г. (Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 120. Л. 114, 263).

⁴ Ф. 210. Оп. 17. № 214. Л. 4.

Тогда же царь сделал первую, довольно неуклюжую попытку централизовать управление Новгородским разрядом, послав Государево знамя новгородскому воеводе боярину кн. Ф. Ф. Куракину и указав псковскому воеводе Хованскому, подобно воеводам пригородов и застав, писать “о своих государевых делах” тому же новоиспеченному “наместнику Псковскому”, т. е. ссылаться с Москвой через Новгород. Конечно, гордый своими победами Тараруй возмутился и пригрозил, что ему “есть чем бить челом” на Куракина, который был, по сути, администратором и не ходил лично на литовцев и шведов; в итоге, указ был отменен⁵. Судя по фактическому положению дел в 1659-61 гг., Хованский сам получил Государево знамя и командование над всем “полком Новгородского разряда” (его полевыми войсками), номинально сохранив за собой и воеводство во Пскове⁶, а Куракину (как и сменившему его кн. И. Б. Репнину) было доверено координировать высылку ратных людей, сбор денег и запасов, подвоз их и другие важные тыловые задачи и вообще городовые дела разряда⁷. В период же между роспуском и новым сбором общего полка псковский, новгородский и остальные воеводы разряда ведали ратными людьми только своих уездов.

В выписке о государевом указе от 18 апреля 1659 г. впервые упоминается новый разбор ратных людей Новгородского разряда: “а велено для службы дать государева денежного жалованья дворяном и детем боярским и новокрещеном: которым по разбору быть в полковой службе в сотнях, тем по 15 рублей, **рейтарам по 30 рублей** (выделено *Авт.*)”⁸. Служилые люди в своей челобитной называют примерно это же время: “В

⁵ ДДР. Стб. 179, 180, 182.

⁶ Грамоты во Псков выдавались на имя Хованского и в период нахождения последнего в походах: См, например: Ф. 233. Оп. 1. № 94. Л. 55 об. (сентябрь 1659 г.); № 96. Л. 133 (февраль 1660 г.); № 101. Л. 81 об. (сентябрь 1660 г.) и др. Фактически воеводой там оставался его товарищ, кн. Т.И. Щербатов.

⁷ Так, кн. Г. С. Куракин должен был переслать во Псков кн. Т. И. Щербатову государев указ о молебне по случаю восстановления подданства Малой России (4 ноября 1659 г.) (Витебская старина. Т. 4. Ч. 2. С. 505 - 508).

⁸ Ф.210. Столбцы Белгородского стола. № 432. Л. 33.

прошлом, государь, во 167-м году по твоему государеву указу велено нам, холопом твоим, быть на твоей государевой службе в Великом Новгороде и во Пскове у разбору. И высланы мы, холопи твои, из домишков своих в Великий Новгород и во Псков вешним путем, в водопол, без запасов”⁹.

Еще 16 февраля во Псков шли грамоты о рейтарских начальных людях полков Д. Зыбина и Ф. Зыкова, остававшихся там с 1657 г. (см. Гл. 1), но 27 марта впервые упоминается производство в офицеры уже в новом “рейтарского строю в Денисове полку Фонвизина” в Новгороде¹⁰. Д.Д.Фонвизин еще в декабре 1658 г. возглавлял свой старый полк под Смоленском и Витебском¹¹, но теперь, после его роспуска по домам, должен был прибыть в Новгород с уже готовым штатом начальных людей. Итак, указ о создании конницы “рейтарского строя” Новгородского разряда был отдан около марта 1659 г. – вспомним, что смоленские рейтары формировались по грамоте от 21 февраля. Разбор продолжался и в мае¹², но должен был завершиться до августа, когда полк кн. Хованского прибыл в Полоцк¹³. Правда, догонявших его “новиков 168 году” (с сентября 1659 г.) продолжали “разбирать” и определять в сотни или рейтары¹⁴ – отныне такая практика стала обычной.

В Новгород для разбора прибыли дворяне и дети боярские из всех новгородских пятин, Твери, Торжка и Старицы. Там же собрались конные новгородские, копорские, сомерские, ладожские и оставленные на службе донские казаки. Помещиков из Пскова, Лук Великих, Торопца, а также псковских, опочецких и луцких казаков разбирали во Пскове. Оценивая боеспособность каждого служилого человека, воеводы, дьяки и “окладчики”,

⁹ Ф.210. Столбцы Новгородского стола. № 125. Л. 84.

¹⁰ Ф. 233. Оп. 1. № 90. Л.590; № 91. Л.229.

¹¹ Витебская старина. Т. 4. Ч. 2. С. 99-100 (№ 47); Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 429. Л. 183 (состав отряда О. Сукина).

¹² Ф. 233. Оп. 1. №. 92. Л. 29.

¹³ Ф. 27. Оп. 1. №. 176. Л. 69; Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 418. Л. 87-88 (грамота к Хованскому в Полоцк от 7.09.1659.)

¹⁴ Ф. 210. Книги Новгородского стола. Кн. 6. Л. 168, 590 об., 631 об., 841; Поручные записи и сказки авг. - сент. 1659 г. см.: Ф.141. 1626 г. № 7. Л. 187-191.

как обычно, зачислили постаревших и искалеченных соратников в отставные; многих отправили по домам из-за их молодости; несколько человек даже оказались “в избылых”, по каким-то причинам не принятых в полковую службу на этот год¹⁵.

В результате, сильно поредели “сотни” городских казаков: отныне в Новгороде, на Опочке, во Пскове и Луках Великих большая их часть получила название “казаков рейтарского строя”; ладожские стали рейтарами поголовно; в полк Фонвизина попали донские казаки из Новгорода. Зато черкасы, а также отряды бывших “вольных казаков” – копорских и сомерских – сильно сокращенные при разборе, остались полностью в сотенной службе.

Но наиболее серьезные изменения в связи с записью в рейтарский строй претерпела структура “служилых городов” Новгородского разряда. Принцип отбора в рейтары, на первый взгляд, был прост: ими становились наименее обеспеченные поместьями дворяне и дети боярские. Кроме того, необходимо было “уложиться” в, должно быть, заранее установленные нормы – 1000 человек во Пскове и 1800 – в Новгороде (возможно, с этим связано появление категории “избылых”). В целом все это соблюдалось. Так, из новгородцев 400 чел. оставили в сотнях, а 1500 чел. записали в рейтары (21 и 79% соответственно); при этом, по данным писцовых книг 1646 и 1678гг., около 85% этих помещиков имело менее 10 дворов крестьян. У состоятельных псковичей цифры получились другие: их среднее поместье равнялось 20 дворам в 1646 г. и 13 – в 1678 г., соответственно, 66 чел. остались в сотенной службе, а 90-100 чел. стали рейтарами¹⁶ Поскольку обеспеченность дворами даже внутри одной семьи сильно различалась, близкие родственники попали в разные разряды конницы: так, старичанин Иван Ильин сын Хомутов стал рейтаром, а его родной брат Василий остался

¹⁵ АМГ. Т. 3. С. 231; Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 349. Л. 595.

¹⁶ Аграрная история...С. 82, 95, 96, 103.

сотенным¹⁷. Но все же именно родовое самосознание служилых людей “по отечеству” и присущее им понятие “чести” ярко проявилось и при этом разборе.

При изучении “сказок” ратных людей о своих поместьях обращает на себя внимание наличие не только среди рядовых сотенной службы, но и среди завоеводчиков и есаулов беспоместных и пустопоместных дворян и детей боярских¹⁸. В чем же причина такого несоответствия?

Рассмотрим более пристально обстоятельства данного разбора. Государству необходимо было, с одной стороны, в целях повышения боеспособности своих ратных людей сформировать из беднейших рейтарские полки, где те будут получать крупное жалование и казенную “рейтарскую службу”, а также различные компенсации, и при этом регулярно обучаться новому способу боя и соблюдать более строгую дисциплину. С другой стороны, хорошо обеспеченных дворян, которых все же было немало в Новгородском разряде, и таких же казаков следовало оставить в “сотнях”, что экономило бы средства казны. В свою очередь, дворянин должен был понимать, что в обмен на статус рейтара и регулярное жалование он включается в новую, иную систему прохождения государственной службы. Чиновное деление на городских, дворовых и выборных, перевод из чина в чин и оклады сохранялись, но параллельно устанавливалась шкала европейского образца званий; отныне повышение по должности могло происходить под контролем полковника, воеводы и Рейтарского приказа только по линии “начальных людей рейтарского строя” (в прапорщики и далее), на вакантные (т.н. “убылые”) места. В награду за полное терпение или ранение рядовой рейтар не мог уже попасть на воеводство или “на приказы” (в стрелецкие или казачьи головы и т.д.); его не назначали и на престижные временные командные должности в “полковой службе” (сотенные или иные головы, есаулы и т.п.)

¹⁷ Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 305, 246.

¹⁸ Ф. 137. Оп. 1. Новгород. № 64. Л. 25 об., 29 и далее.

От лица государства разборы осуществлял боярин “со товарищи”, в т.ч. с дьяком, а также “окладчики” – собственно, верхушка “служилого города”¹⁹. Эти представители знатнейших родов вполне могли повлиять на результаты разбора в выгодную для себя сторону, в частности, игнорируя размер поместья дворянина на данный момент.

Так, в рейтарах мы не обнаружим никого из князей Мышецких и Елецких, хотя среди первых, по крайней мере, двое были беспоместными²⁰ (из 9 чел.). Из 7 чел. помещиков Водской пятины Елагиных только один стал рейтаром, тогда как из оставшихся ещё четверо назвались в “сказках” беспоместными²¹. Похожая ситуация с псковичами Нащокиными и Елагиными, да и с другими знатнейшими родами Новгородского разряда, представители которых ранее чаще всего бывали “головами” сотен и приказов, воеводами, окладчиками и т.п. Таким образом, служба в сотнях была в глазах дворян гораздо “честнее” рейтарской, что и отразилось на результатах “разбора”.

В конечном итоге, было создано три полка рейтарского строя. В Новгороде из дворян и детей боярских Водской, Шелонской и Деревской пятин, Твери, Торжка и Старицы, новгородских новокрещенов, а также новгородских и донских казаков, образовали “1-й новгородский полк” в 1000 чел, первоначально под командой Дениса Фонвизина. Помещиков Бежецкой и Обонежской пятин и ладожских казаков свели в другой полк – Мартина Ретца (Реца), что составило всего 800 рядовых. У Хованского во Пскове в полк Томаса Бойта вошли псковичи, пусторжевцы и невляне “по Пскову”, лучане и торопчане, дополненные рейтарами из псковских, луцких и опочецких казаков – всего также 1000 чел.²² Итак, в едином строю одной роты стали прежние антагонисты – дворяне и казаки, причем вперемешку из

¹⁹ Козляков В. Н. Указ. соч. С. 90 – 92.

²⁰ Ф. 137. Оп. 1. Новгород. № 64. Л. 22, 24 об., 30, 30 об., 31, 120.

²¹ Ф. 137. Оп. 1. Новгород. № 64. Л. 30, 31 об., 73 об., 81.

²² Подсчитано по: АМГ. Т. 3. С.117-119 (№ 126).

разных городских отрядов²³. Возможно, формирование проходило по мере прибытия их на службу, поэтому затем приходилось хлопотать о переводе в другую роту: 3 октября 1660 г. даже в Москве была дана грамота “по челобитью лучанина рейтарского строю Матвея Никитина сына Пестрикова: велено ему служить в одной роте с братьями”²⁴. С созданием новых полков многие рейтары продолжали рассматривать роты как прежние сотни: они в основном закупали хлебные запасы и конские нормы за счет жалованья, но при этом не теряли связь с поместьями, в целях самообеспечения²⁵, что сохраняло заинтересованность в службе с родственниками. Но замечательно, что воеводы при комплектовании рейтарских рот уже сочли возможным этот мотив проигнорировать, чего они не позволяли себе при росписи в сотни в 1656-58гг.

Как и в прежней “сотенной службе”, у полков сложилось своеобразное, но довольно устойчивое старшинство. Первым в списках (по смотрам, потерям и т.д.) шел “1-й новгородский полк” Д. Фонвизина, затем псковский (по месту формирования) Т. Бойта, и, наконец, меньший из новгородских полков М. Реца. Роты (по 10 в первых двух и, видимо, 8 в последнем) различались по номерам и насчитывали изначально по 100 рядовых. Высоким моральным духом, успехами в походе и немалым частым царским жалованьем можно объяснить, что даже через год после создания полков их комплект “по нетям” не превысил 5% (159 чел.)²⁶ – ранее невероятно малое число для новгородской дворянской конницы!

По мере этого разбора воеводы проводили и обычную “роспись в сотни” – в отношении дворян и казаков, оставленных ими в “сотенной службе”. На протяжении всех последующих походов этой войны сотенная структура больше принципиально не менялась. Возглавляли списки

²³ Ф. 137. Оп. 1. Новгород. № 64. Л. 275 – 360 – списки 1-й – 4-й рот полка А. П. Данилова (псковского, бывшего Т. Бойта) за 6 августа 1660 г.

²⁴ Ф. 233. Оп. 1. № 101. Л. 158.

²⁵ Судя по их челобитной от 28 июня 1660 г. (Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 126. Л. 84-87).

Выборная и Подъезжая (или Ертоульная) сотни – но отныне по одной на весь разрядный полк²⁷. Остальные дворяне и дети боярские составляли городовые сотни – 9 в 1659 г. и 5 – 6 после битвы при Полонке (18 июня 1660 г.).

Теперь в один отряд чаще всего сводили представителей двух и более “городов” или пятин, и принцип отбора “сотенных” сделал их своеобразной элитой войска, что принципиально отличает сотню до разбора 1659 г. от сотни после этого разбора. В списках они стояли выше рейтар, а ниже последних находились отряды казаков (городовых, донских и вольных). “Черкасы” заняли более высокое положение, близкое к новокрепценам (практически, на правах служилых людей «по отечеству») – их название теперь звучало как “новгородцы иноземцы черкасы”²⁸. На 1659 г. сотенных людей насчитывалось до 1300 чел.²⁹, что составило треть от числа всей конницы разряда. Надо сказать, что их удельный вес в “полковой службе” по мере продолжения войны увеличивался. И дело здесь не в какой-то сознательной политике, а напротив – в суровых реалиях войны: потери и уклонение от службы у рейтар были намного выше, а на подкрепление Новгородского разряда редко удавалось прислать конные полки “нового строя”. Обычно это были разнообразные казаки (донские, смоленские, полоцкие и др.), белорусская (чаще всего полоцкая) шляхта (1659-63 гг.), а в 1661 г. – еще и отряды астраханских татар.

§ 2. “Литовский поход 7168 г.” кн. И.А. Хованского и создание конницы “гусарского строя”. Итак, к августу 1659 г. вновь созданный единый полк Новгородского разряда собрался в Полоцке, в ноябре, по “первому зимнему пути”, двинулся на запад, освободил от перманентной блокады местной шляхты г. Вильно, а затем с яростью обрушился на

²⁶ АМГ. Т. 3. С. 117-119 (№ 126).

²⁷ В “чиновной росписи” полка кн. А. И. Хованского 1661 г. Подъезжая сотня не обозначена (Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 52 – 63), однако, в июле – сентябре существовала сводная сотня (ертоул) А. Т. Нашокина и И. С. Валуева (АМГ. Т. 3. С. 409 (№ 471), 424 (№ 492); Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 125. Л. 235, 247).

²⁸ Ф. 137. Оп. 1. Новгород. № 64. Л. 134.

²⁹ Подсчитано по: АМГ. Т. 3. С. 117-118 (№ 126).

изменившие царю юго-западные поветы Литвы в направлении Бреста. Русские документы по этому походу сохранились плохо, но он оставил необычайно глубокий след в польской мемуаристике и историографии. Б.Радзивилл, описывая в письме начало кампании, так изобразил конницу русских: “Под Хованским ... 90 корнетов [рот – *Авт.*] райтарии, снабженной пистолетами и бандолетами [карабинами – *Авт.*], каждый силой в 60 или 70 коней, 5 хорунг думных бояр, под каждой 100 коней... Под Щербой [кн.С.А.Щербатов, товарищ Хованского – *Авт.*] ... 30 корнетов райтарии такой же силы, 3 кампании цесарской лейб-гвардии по 100 коней...”³⁰ В описании замечательны два момента: источник Радзивилла, впечатленный рейтарами Хованского, совершенно не заметил отрядов шляхты и городских казаков (хотя, видимо, и посчитал их всех вместе), а сотни дворян снабдил пышными титулами “думных бояр” и “лейб-гвардии”. Полковник М.Обухович, попавший в плен к Хованскому 15 января 1660 г. при Малчичах, в своих воспоминаниях уже уверенно определил появление русских рейтар на поле боя³¹.

Взяв Лиду, Гродно, Брест, Новоградок, осадив Ляховичи и Несвиж и приведя вновь к присяге окрестную шляхту, Хованский должен был вести себя как полновластный наместник огромного края и оперативно реагировать на возникающие угрозы. Так, когда “державца Белицкий” Ф. Рор стал нападать на русских, “Хованский послал две хорунги рейтарские хватать его как шиша [разбойника – *Авт.*] и Белицы сжечь, а шляхту лидскую грабить и рубить”. Вскоре туда же он отправил “Василия Богдановича Данилова подполковника [заместитель раненого Т. Бойта³² - *Авт.*] [с отрядом] в тысячу человек хватать Рора”³³. Как можно увидеть из этих примеров и по “книге

³⁰ Цит. по: Kotlubaj E. Galereja Nieswiezka portretow Radziwillowskich/ Wilno, 1857. S.222 (№14) - письмо от 9.01.1660. (н. ст.).

³¹ Pamietniki historyczne do wyjasnienia spraw publicznych w Polsce XVII wieku / wyc. M. Balinskij. Wilno, 1857. S. 66.

³² АМГ. Т. 3. С. 118 (№ 126).

³³ Maskewiczy S. i B. K.. Pamietniki Samuela i Boguslawa Kaziemierza Maskiewiczow (wiek XVII). Wroclaw, 1961. S. 300, 301.

раненых” похода³⁴, основными участниками “посылок” оставались рядовые дети боярские (только теперь “рейтарского строя”): Подъезжую сотню боярин послал на разведку только 17 июня, за день до решающей битвы, и снова усилил ее рейтарами³⁵. Заметим, что на Западе рейтары и кирасиры были тяжелой кавалерией, наследницей традиций рыцарства, и для местных операций там предпочитали легкую конницу (казаков, кроатов, венгерских гусар и т.д.) или драгун. В нашем же случае мы видим прямо противоположную картину, связанную с прежними обычаями дворянской конницы. Добавим, что когда во втором штурме Ляхович (15 мая 1660 г.) приняли участие не только солдаты и стрельцы, но и все кавалеристы, включая сотенных людей³⁶, это произвело огромное впечатление на царя. Разная “честность” в XVII в. была присуща и различным видам чисто боевой деятельности, так что подобное усердие и самоуничужение до чисто пехотной задачи вызвало особую похвалу Алексея Михайловича...³⁷

Битва при Полонке 18 июня 1660 г. стала роковым рубежом в истории Новгородского разряда. Невиданный разгром – после целого ряда непрерывных побед (с 1657 г.), – гибель и пленение сотен дворян и детей боярских и более половины пехоты, потеря обоза и всех «животов» ратных людей – все это решительным образом сказалось прежде всего на моральном духе новгородской конницы. «Дробны, за грех наш, ратные люди стали, не видев неприятельских сабель, бегут неведомо от кого, не остоятся ни мало... огурились за грех, многие обезстыдели, поехали по домам»³⁸, - сокрушался

³⁴ Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 1-64.

³⁵ Путая, видимо, А. Л. Ордина – Нащокина с сотенным головой Ульяном Нащокиным, Пасек пишет: “[Хованский] послал ведь Нащокина, второго гетмана, на несколько миль вперед себя, с пятью тысячами отборных людей, чтобы нас поприветствовал [...] Даже когда перед этим того самого Нащокина посылал, поручил ему предприятие: “Чтобы старался живьем взять Чарнецкого и Полубенского, чтобы Гонсевскому было с кем повеселиться (гетман Гонсевский, взятый в плен в 1658 г., сидел в это время в Москве – *Авт.*)” – Pasek J. Ch. Pamietniki Jana Chryzostoma z Goslawic Paska / opr. J.Czubek. Lwow, [1929]. S. 92, 93 - о составе указанного отряда см.: АМГ. Т. 3. С.117-119 (№ 126); Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 39 об.

³⁶ Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 25 об. – 27.

³⁷ Ф. 27. Государственный архив. Разряд 27. №. 176. Л. 78 – 79.

³⁸ АМГ, Т.III. С. 208 (№ 220): отписки от 26.10.1660.

князь Хованский – сам, даже по отзыву своих противников, человек «отважного сердца»³⁹.

Отступив с боя под Ляховичи, а оттуда с частью обоза и пехоты – в Полоцк⁴⁰, боярин стал предпринимать усилия по восстановлению войска. Всем ратным людям было выплачено повышенное жалованье (до 70 руб.); количество рот в полках и сотен было уменьшено, и назначены новые командиры⁴¹. Но для повышения морального духа и боеспособности требовались необычные меры, и решение, судя по всему, подсказал сам ход последней битвы...

Шок, испытанный войсками Хованского при Полонке, не мог не связываться в их памяти со впечатляющими атаками польских “крылатых” гусар, определившими исход противоборства⁴². Теперь воеводы даже других русских полков особенно стали стараться выведать у “языков” количество именно гусарских хорунг в противостоящих отрядах⁴³.

Польские “крылатые” гусары, постепенно “утяжеляясь” на протяжении XVI века, превратились в тяжелую ударную конницу рыцарского типа, прекрасно приспособленную к условиям Восточной Европы (в отличие от “облегчавшихся” в то же самое время венгерских гусар). Организованы они были на польский манер в “хорунги”, отличаясь от “казачьих” или “волошских” более знатным составом и крупной численностью (до 200 - 250 чел.). “Товарищи” – шляхтичи поступали “под хоругвь” со своим “почтом” – боевой челядью, от одного до трех человек; таким образом, “почт” являлся прямым наследником и аналогом средневекового “копья”, включавшего боевых слуг и оруженосцев рыцаря.

³⁹ Maskiewicz, S. i B.K. Pamietniki Samuela i Boguslawa Kazimierza Maskiewiczow (wiek XVII). Wroclaw, 1961. S. 271.

⁴⁰ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 125. Л. 86 - 87; АМГ. Т. 3. С. 118-119 (№126).

⁴¹ См. списки конницы разряда на август 1660 г. (Ф. 137. Оп. 1. Новгород. № 64) и март 1661 г. (Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 85-193).

⁴² Kurbatow O. A. Polonka 1660 – spojrzzenie z Moskwy // Mowia Wieki. 2000. № 10. S. 33, 34.

⁴³ См., например: АМГ. Т. 3. С. 166 (№ 186).

Гусар был вооружен особым нарядным копьём, полым от наконечника до “яблока” (место ухвата), почему при всей своей длине (до 5 м) оно обладало относительной легкостью, а также целым арсеналом иного холодного и огнестрельного оружия (сабли, кончары, пистолеты, карабины и т. п.). Баснословно дорогими были их аргамаки восточных кровей и особые гусарские доспехи, снабженные леопардовыми или тигриными (у челядников – медвежьими или волчьими) шкурами и, иногда, знаменитыми “крыльями” – роскошно отделанными рамами с рядами перьев, крепившимися за спину на доспех или седло. Гусары были настоящей элитой не только войска, но и общества Речи Посполитой⁴⁴. На поле боя они наносили решающий копейный удар на полном скаку, особенно эффективный против линейных построений, но могли и менять тактику, благодаря своему многообразному вооружению. Так, при Полонке они вначале произвели удачную атаку из засады на русскую пехоту “с палашами”⁴⁵ – сберегая хрупкие копья для последнего натиска.

В России свои роты гусар впервые появились в Смоленскую войну 1632 – 34 гг. и комплектовались первоначально выходцами из Речи Посполитой. К 1654 г. они были развернуты в тысячный полк “гусарского строя” за счет беспоместных “новиков” из детей боярских⁴⁶ – наподобие первых рейтарских полков. Но этот-то набор “худых” и “непожалованных” служилых людей и предопределил их главное несоответствие гусарскому стандарту: русский и польский гусары стали занимать слишком несопоставимое положение в обществе и армии (по имущественному статусу и знатности). Достаточно сказать, что их численность в самой Речи Посполитой в это время снизилась до 2 тысяч человек и продолжала падать⁴⁷. Русские гусары торжественно выступают из Москвы весной 1654 г. и...

⁴⁴ Nagielski M. Chorągwie Husarskie Aleksandra Hilarego Polubinskiego i króla Jana Kazimierza w latach 1648-1666...// Acta Baltico - Slavica. Wrocław, 1983. T. XV. S. 109-138.

⁴⁵ Łos. Pamiętniki Łosia, towarzysza chorągwi pancernej ... Krakow, 1858. S. 53.

⁴⁶ Чернов А.В. Строительство... С. 988. Витебская старина. Витебск, 1888. Т. 4. Отд. 2. С. 348, 354.

пропадают из документов уже через год. Судя по всему, они не оправдали себя и были переведены в рейтарский строй⁴⁸. Тактические выгоды заставляют в 1658 г. создать подобные ударные части из рейтар Белгородского разряда, но этих украинских детей боярских правды ради прозвали уже просто “копейщиками”.

Дальнейший ход событий на просторах Восточной Европы буквально воскресил в Польше этот вид кавалерии. Говорит об этом прямо итальянец С. Цефали, секретарь гетмана Любомирского: “Гусарские хорунги были почти заброшены в войнах с казаками и татарами, т. к. мало были пригодны в столкновениях с неприятелем, незнакомым с регулярным военным искусством. Но когда началась война со шведами и “москвой”, они вновь приобрели прежнее значение”⁴⁹. В высшей степени мобильные гусарские хорунги, при грамотном командовании, представляли серьезную угрозу для неуклюжих линейных построений рейтар и пехоты – что в полной мере испытали на себе ратники Хованского при Полонке...

Вероятно, где-то в конце августа – в сентябре 1660 г., когда большинство сотенных и рейтар снова собралось в Полоцке и получило жалованье, боярин приказал “выбрать” из каждого рейтарского полка по 100 рядовых для рот “гусарского строя”⁵⁰. Никакого указа о принципе отбора, как и в случае с рейтарами, не сохранилось, но можно сделать некоторые предположения. Во-первых, среди гусар не оказалось ни одного казака, а

⁴⁷ Baranowski B. Organizacja regularnego wojska polskiego w latach 1655 – 1660 // Studia i materiały do historii sztuki wojennej. Warszawa, 1956. Т. II. S. 211 – 220.

⁴⁸ В росписях личного состава рейтарских рот на октябрь 1655 г. упоминаются рейтары «из гусар» (Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 864. Л. 345, 347, 353). Судя по их фамилиям, они – из старых иноземцев гусарского строя (Ивановской, Высоцкой, Островские, Гречанин, Сербенины и т. д.) – русские дети боярские гусарского строя, перейдя в рейтары, должны были обозначаться, как обычно, по принадлежности к своим “городам” (Тула, Калуга и т. д.), и выявить их только по этим росписям невозможно.

⁴⁹ Relacje nuncjuszow apostolskich i innych osob o Polsce. Berlin – Poznan, 1864. Т. II. S. 329 – 330.

⁵⁰ При выдаче 12 августа 1660 г. жалованья рейтарскому полку Данилова (псковскому, бывшему Бойта) в его составе еще числятся будущие первые гусарские офицеры (Ф. 137. Оп. 1. Новгород. Кн. 64. Л. 274 об. – 381). В походе, начавшемся 22 сентября 1660 г. (АМГ. Т. 3. С. 181), уже участвуют гусары (упоминаются с 19 октября), но Хованский счел нужным пояснить о них в отпуске царю: “гусар 3 роты, а в роте по 90 чел.” (АМГ. Т. 3. С. 204). О выборе по 100 чел. из каждого полка см.: Ф. 210. Смотровые списки. Кн. 27. Л. 433 об., 474, 503 об.

только служилые “по отечеству”⁵¹. Во-вторых, это были далеко не последние дети боярские: так, из тверичей сначала в гусары попало четверо из “дворового списка” (один к 19 января 1661 г. стал дворянином “по выбору”); из новоторжцев – двое “выборных” и не менее 4 “дворовых”: “городовые” так и остались рейтарами⁵². В документах более позднего разбора (1665 г.), когда решали, кому раздать крайне скудно отпускаемые из Москвы деньги, постоянно встречается фраза о дворянах - гусарах: “для ево тяжелой гусарской службы” служить без жалованья “не мочно” – чего окладчики ни о “сотенных”, ни о рейтарах не говорили⁵³.

Таким образом, гусары мыслились как новая элита конницы разряда, и если вспомнить, что и в Польше к ним относились с таким уважением, что “знатнейшая шляхта записывается в эти хорунги, и заслуженные офицеры, которые командовали казаками или в иных отборных полках, не считают зазорным для себя служить простыми жолнерами в гусарах”⁵⁴, - станет ясно, что главной целью их создания являлось укрепление морального духа войска. То, что уже в январе 1661 г. пятеро гусар были переведены “начальными людьми”⁵⁵ в рейтарские полки разряда, подтверждает наши выводы. Немаловажное значение для служилых людей «по отечеству», для их чести, должен был иметь тот факт, что среди начальных людей гусарского строя не было ни одного иноземца: если у рейтар за правильностью обучения и вооружения следили полковники-немцы, то у гусар «учитель гусарского строя» Варфоломей⁵⁶ (скорее всего, из поляков или литовцев) стоял вне чиновной системы.

Гусарская рота Новгородского разряда по своей структуре не имела ничего общего с “хорунгой” польского войска, а больше походила на

⁵¹ Только вначале было выбрано 5 гусар из зажиточных луцких казаков-помещиков, но к 1662 г. они исчезают из списков Ф. 210. Смотренные списки. Кн. 27. Л. 414; С.Б Веселовский. Сметы военных сил Московского государства в 1661-1663 гг. М., 1911. С.10).

⁵² Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 600. Л. 123 – 132, 156 – 162.

⁵³ Ф. 210. Книги Новгородского стола. Кн. 12. Л. 22 об. – 23, 24 об., 115 об. – 116 и др.

⁵⁴ *Relacje nuncjuszow apostolskich i innych osob o Polsce*. Berlin – Poznan, 1864. Т. II. S. 330.

⁵⁵ Ф. 210. Смотренные списки. № 27. Л. 417.

обычную рейтарскую роту: в ней не было “товарищей” и “почтовых”, командовали ею ротмистр, поручик и прапорщик (в некоторых случаях прапорщик именовался “хорунжим”) из прежних рейтарских начальников, тогда как у поляков не только ротмистра (короля, гетмана или магната), но и поручика часто не было при хорунге. Правда, в отличие от рейтар, у новгородских гусар не имелось обычных капралов и подпрапорщиков, так как они не придерживались линейного строя. До завершения данной “полковой службы” (до марта 1661 г.) все три роты возглавляли список 1-го новгородского полка рейтарского строя (ныне Т. Бойта).

Первое документальное упоминание о них встречается в отписке кн. Хованского о возвращении из нового похода его полка в октябре 1660 г. Тогда боярин, несмотря на отвратительное моральное состояние своих ратных людей, смелым броском вышел в тыл польско-литовской армии за Днепром. Этим он отвлек на себя лучшую часть ее конницы и нарушил равновесие сил, установившееся на р. Басе после боёв Чарнецкого, Сапеги и Паца с войском кн. Ю.А. Долгорукова (24 – 28 сентября 1660 г.): литовцы были вынуждены спешно отступить оттуда к Шклову. Правда, новгородцам, не поддержанным Долгоруковым, пришлось снова испытать горечь поражения: отборная “дивизия” Чарнецкого разгромила их авангард, и Хованский под давлением деморализованных дворян был вынужден бросить укрепленный лагерь и начать отход к Полоцку. За 25 вёрст от города, возле переправы, ему все же пришлось принять неравный бой (21 октября 1660 г.). Его “сотенные люди” и рейтары (“все разбежались, и всех твоих ратных конных людей было в то время человек с 500”) навели литовцев на поставленную в лесу пехоту, “и учал быть бой жестокий... неприятельские люди стали наступать на твоих ратных пеших людей... чтобы их разорвать и побить, и... пешие люди... стали твердо и не уступили неприятелю места, бились, не щадя голов своих; и мы, взяв гусар и что было с нами всяких чинов твоих ратных людей,

⁵⁶Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 270.

скочили на польских людей... и польских людей сорвали и пешим людям вспоможенье учинили”⁵⁷. Как видим, гусары оказались наименее подвержены дезертирству, боярин смог удачно использовать их в качестве последнего сильного резерва, и это снова подчеркивает именно моральное значение данного “выбора”. Добавим, что “гусарские древки” (копья) и доспехи из Оружейной палаты на весь полк они получают лишь в августе 1661 г.⁵⁸, после чего их и можно считать действительно новым видом конницы, а не просто отборным, более “честным” отрядом рейтар.

§3. Поход 1661 г.: проблема комплектования. Зимой 1660 – 61 гг. “полковая служба” полка Новгородского разряда, начавшаяся еще “разбором” весны 1659 г., подходила к концу. Последствия ее для личного состав разряда были катастрофическими: достаточно сказать, что от четырехтысячного отряда солдат и стрельцов не осталось никого⁵⁹. В боях и “загонах” в Литве и Белоруссии, на штурмах Ляхович, в битвах при Полонке и под Толочином (17.10.60.) сложил свои головы цвет дворянской конницы. Так, из 81 тверича на конец 1661 г. погибло, умерло и попало в плен (с 1659 г.) 32 человека, в т.ч. 8 “выборных” (4 при Полонке и 1 под Гродно) и 11 “дворовых”⁶⁰! Значительное число уцелевших было отпущено лечиться от ран в свои поместья или сбежало туда самовольно, часть осталась в гарнизоне Бреста. Все это отразили результаты смотра 25 января 1661 г. в Полоцке⁶¹.

⁵⁷ АМГ. Т. 3. С. 205 (№ 220). Общее описание похода: С. 203-208.

⁵⁸ АМГ. Т. 3. С. 357 (№390).

⁵⁹ Численность солдат на начало похода: Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 317. Л. 388, стрельцов – по косвенным данным, подтвержденным Б. Радзивиллом (*Relacje nuncjuszow apostolskich i innych osob o Polsce*. Berlin – Poznan, 1864. Т. II. S. 329 – 330); в марте 1661 г. Хованский ушел из Полоцка вообще без пехоты (АМГ. Т. 3. С. 340 (№ 373)).

⁶⁰ Подсчитано автором по: Ф.210. Столбцы Приказного стола. № 600. Л. 123-132.

Подразделение	Чины и звания	“ести”	Убиты, умерли и в плену	Отпущены за раны и др.	В “нетах” и сбежали	Оставлены в Бресте и выбраны в гусары	Переведены в начальные люди	Итого*
Сотенная служба	Дворяне и дети боярские	592	278	61	31	-	-	962
	Казаки**	118	Ок.200	-	Ок.180	-	-	Ок. 500
гусары	Нач.люди	9		1		-	-	10
	Рядовые	246	4	1	35***	-	5	291
1-й Новгородский полк	Н.л.	39	21				-	60
	Ряд.	231	380	41	113	200	?	1000⁺
Псковский полк	Н.л.	33	13	?			-	46(?)
	Ряд.	218	331	?	80	200	?	1015⁺
2-й Новгородский полк	Н.л.	41	16	4			-	61
	Ряд.	157	366	48	82	200	?	853
Итого		1684	1609			600	[5]	4797

Выделение рейтар в гусары и в Брестский гарнизон привели к тому, что их полки уменьшились до 200-300 человек каждый и не представляли больше былой грозной силы. Между тем, в окрестностях Полоцка после окончания осенних боев расположились многочисленные хорунги польско-литовского войска, а отряды “волонтеров” (типа знаменитых “лисовчиков” Смутного

⁶¹ Подсчитано автором по: Ф.210. Смотренные списки. № 27.

* Точный подсчет осложнен отсутствием данных о количестве рейтар, переведенных в начальные люди из рядовых, а также новиков, прибывших в разрядный полк в 1659 – 61 гг.

** Список обрывается на “естях” луцких казаков, поэтому числа по казакам даны приблизительно, с учетом данных иных смотров.

*** В т.ч. один “отъехал в Литву”.

⁺ Итог разбора 1659 г. (АМГ, т. III, с. 117-118 (№126))

времени) стали совершать набеги за Зап. Двину. Царь, не видя возможности Хованскому держаться далее, приказал выжечь весь Полоцкий уезд, чтобы не оставлять полякам запасы, и отвести ратных людей на Невель⁶² и Луки Великие, но боярин, не смотря на реальную опасность отзыва его в Москву⁶³, отказался отступить (поляки “помня’т то, что мы побежали из Полоцка, убоясь их, тотчас пойдут за нами не токмо до Лук - и дале... Уезды разорят, а ратные люди многие разъедутся по домам, потому что в ближних местах от домов своих будут”, и потеряны будут гг. Полоцк и Дисна⁶⁴) и просил о подкреплении пехотой и конницей, чтобы “над неприятелем промысл чинить в поле, а не из города... В Полоцке сесть в осаде – неприятелю дать простор... В 3 дня все будут без лошадей – кормить нечим”⁶⁵.

В связи с этим правительство предприняло ряд мер по пополнению войск Новгородского разряда. 30 ноября были отправлены грамоты в Новгород (Куракину) и во Псков о сборе даточных людей в пешую и осадную службу, конных людей со всех церковных земель, а также о высылке из поместий на службу всех временно от нее отставленных⁶⁶, о чем и было сообщено Хованскому. Известия эти пришли в Полоцк в кульминационный момент военных действий: разведка боярина донесла о возможности приступа к городу поляков перед их отходом на зимние квартиры. Боярин “декабря в 7 день сказал ратным конным и пешим людям, чтобы они в поход были готовы всегда, кой час им ведом учиню”, и 12-го числа выступил со всей конницей навстречу неприятелю. Однако оказалось, что Чарнецкий ушел без боя, и в следующие дни отряды Хованского (“у ково

⁶² АМГ. Т. 3. С. 217 (№ 228).

⁶³ Указы о назначении на его место окольного Д.С. Великого-Гагина отдавались дважды: 10 ноября (при известии об отходе Хованского к Полоцку) (АМГ. Т. №. С. 200 (№ 212)) и 30 ноября – при дерзкой просьбе воеводы “о прибавке” и присылке в помощь ему самого кн. Ю. А. Долгорукова (АМГ. Т. III. С. 220, 221 (№ 230), 231 (№ 236)). Оба они были отменены.

⁶⁴ АМГ. Т. III. С. 219 (№ 228).

⁶⁵ АМГ. Т. III. С. 221 (№ 230).

⁶⁶ АМГ. Т. III. С. 232-234 (№ 236), 237-239.

у нас еще клячи были”⁶⁷) нанесли несколько сокрушительных поражений задержавшимся за Двиной литовцам, очистив от них Полоцкий уезд “на государевой стороне”⁶⁸. А в тот день, когда новгородцы еще только готовились к последнему бою (7 декабря 1660 г.), боярин собрал дворян Новгородского разряда “и с ними мыслил, как бы полк наполнить и над неприятелем промысл учинить и не пропустить в свою землю”.

Предложения, посланные в приказ Тайных дел, заключались в следующем:

1) собрать в солдаты крестьян с поместий, а для скорости “тех мужиков поставит в Полоцк каждый своего” – чтобы зимним временем на лыжах напасть на конных поляков, “а гусару... нельзя в большой снег и по насту скочить на пехоту”;

2) “и людей своих хотят дать на конех и с ружьем против польского звичаю – потому что самих поляков немного, да почты и лезной челяди много, тем и побивают” - “не одна тысяча в полку прибудет”;

3) взять детей боярских “Софейского дома” (новгородского митрополита) и “Троицкого дома” (псковского архиепископа), да с них же монастырских слуг – «в рейтары выбрать мочно больши дву тысяч»;

4) “К ним же в прибавку поповы и дьяконские и дьяковы дети, которые у приходов даром гуляют: сберется полк рейтарский”;

5) в пехоту взять 5-го человека с церковных земель⁶⁹.

Итак, практичная мысль русских дворян вполне традиционна: они уже прекрасно знали, что с помощью западной системы подготовки “и солдата, и лошадь” можно “обучить в три месяца”⁷⁰. Через четыре месяца, когда Хованскому, наконец, пришлось отпустить своих ратников по домам “по самому последнему зимнему пути” (иначе “все бы ратные конные люди были

⁶⁷ Фраза из челобитной дворян и детей боярских Новгородского разряда от 11-12 февраля 1661 г. (Ф.210. Столбцы Московского стола. № 317. Л. 27).

⁶⁸ АМГ. Т.Ш. С. 263-265 (№ 259, 260), 277 (№ 270), 287 (№ 285).

⁶⁹ АМГ. Т.Ш. С. 234 (№ 236).

⁷⁰ Цит. по: Дельбрюк Г. История военного искусства. СПб, 1997. С. 101.

без лошадей, а к весне бы были не слуги”⁷¹), он повторил свои доводы о сборе конных даточных: “1000 конных людей мочно скоро собрать в Великом Новгороде Софейского дому и монастырских слуг и недорослей дворянских детей и братьи и племянников, и во Пскове Троицкого дому и монастырских слуг сберет с 2000 и болши. Те конные люди будут всегда готовы, покамест собираются ратные люди, которые по твоему указу распущены, а те будут всегда готовы”. Таким образом, от забот о простом пополнении полка мысль боярина пришла к необходимости наличия во Пскове постоянного отряда в 1000 конных (рейтар из даточных) и 1000 пеших (псковских стрельцов), с которыми смело можно будет оберечь государевы уезды в период роспуска помещиков и солдат по домам⁷².

Кампания 1660 г. ознаменовалась катастрофами русской армии на Полонке и под Чудновым, где в плен попал весь доселе непобедимый Киевский полк (войско) В. Б. Шереметева. Вся Правобережная Украина и Западная Белоруссия (до Днепра), не говоря уж о Литве, вновь перешли в руки поляков. После того, как Хованский увел остатки своей конницы из Полоцка, мещане и шляхта сдали литовцам Дисну (8.03.61.) и Себеж (20.04.61.)⁷³, что открыло врагу прямой путь за Двину в “государевы уезды”. Под постоянной угрозой находились Полоцк и Невель, а далеко за Двиной еще держались гарнизоны Вильны, Ковны и Гродно. Брест почетно капитулировал весной после более чем годовой осады, и воевода кн. Левонтий Шаховской вывел в Борисоглебов и далее во Псков 300 чел. его гарнизона (в т.ч. и новгородских рейтар)⁷⁴. Перед Новгородским разрядом ставились задачи оберечь свои земли по довоенной границе, снять угрозу с Полоцка⁷⁵ и Борисоглебова и вместе со Смоленской группировкой

⁷¹ АМГ. Т. III. С. 340 (№ 373).

⁷² АМГ. Т. III. С. 380-381 (№ 385).

⁷³ АМГ. Т. III. С. 358 (№ 393), 367 (№ 408).

⁷⁴ АМГ. Т. III. С. 349 (№ 382).

⁷⁵ Цель похода обозначена в “чиновной росписи” полка кн. И. А. Хованского на 1661 г. так: “и июня в 8 день с Опочки пошел на полских и литовских людей выручать Полотеск” (Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 52).

попытаться подать помощь Вильне. А для этого острейшим образом вставала необходимость воссоздания былой мощи полка и мобилизации всех ресурсов Новгородского разряда.

Но, если в отношении пехоты использовалась в основном традиционная уже мера – набор даточных с различных земель, а также мобилизация военнообязанного населения Заонежских погостов, то в коннице картина более пестрая. Для удобства, рассмотрим поначалу отдельно новые источники ее комплектования.

Даточные монастырские, Софийского и Троицкого домов: монастырские слуги и «домовые» дети боярские новгородского митрополита и псковского архиепископа. Значительное число монастырей, а также архиерейские кафедры Новгорода и Пскова являлись крупными вотчинниками: их владения были подчас разбросаны на огромном пространстве Новгородских земель, чье активное освоение продолжалось и в XVII столетии. Нужды обширного хозяйства требовали мощного аппарата управления и соответствующего штата чиновников и слуг.

У новгородского митрополита и псковского архиепископа такие служилые люди, часть из которых получали из их вотчинных земель поместья, назывались детьми боярскими, соответственно, Софийского и Троицкого домов (или «домовые дети боярские»). В Софийском доме⁷⁶ сын боярский «верстался» начальным жалованьем в 2 обжи (20 четей) и, как и на государственной службе, со временем мог дослужиться до 15 – 20 обжей (150 – 200 четей). Правда, в отличие от государевых, у домовых детей боярских реальная «дача» поместья обычно достигала оклада: число верстанных служилых людей соразмерялось с потребностями владыки и наличием необходимой земли⁷⁷, а остальные служили только с денежного и хлебного

⁷⁶ Зарождение, деятельность и условия службы домовых детей боярских Софийского дома подробно освещены в Главе IX. капитального труда Б. Д. Грекова «Новгородский дом святой Софии (Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины)» (Часть I. СПб., 1914).

⁷⁷ Греков Б. Д. Указ. соч. С. 483 – 492, 496.

жалования. Так, в 1661 г. в Софийском доме насчитывалось 46 поместий, в т.ч. 5 с двумя совладельцами⁷⁸ – при этом только записанных в «полковую службу» 1661 г. митрополичьих детей боярских оказалось 78 человек (см. ниже).

Слуги монастырей, находившиеся на положении, подобном домовым детям боярским у архиереев, носят в документах наименование «слуг» или «служек монастырских» (такого-то монастыря)⁷⁹. Точно так же одни из них также служили с поместья⁸⁰, а другие, как в Троице-Сергиевом монастыре – только «с денежного и хлебного жалованья» и с данных им «в приказ» монастырских сел⁸¹. Кроме того, монастыри и архиереи имели в своем распоряжении штат церковных «служебников» – в т. ч. и ремесленников, работавших на монастырь; необходимо упомянуть и проживавших на их землях крестьян⁸². Известно, что в Троице первые слуги набирались из собственных крестьян, да и позже далеко не все происходили из поступивших на службу в монастырь детей боярских⁸³. Так что, нет ничего удивительного в том, что при усиленных наборах конных даточных с монастырей в середине 1660-х гг. в разряд конных слуг снова стали попадать крестьяне – хотя поначалу, надо полагать, в поход выступали только обязанные служить государеву службу монастырские чиновники.

Указанные выше категории служилых людей издавна несли ратную службу в рядах московского войска. Эта обязанность существовала уже во времена митрополита Алексия (во второй половине XIV в.): «а про войну,

⁷⁸ Там же. С. 524.

⁷⁹ По отпискам от воевод кн. В. П. Черкасского и кн. Е. Ф. Мышецкого (1633-34 гг.) различия между монастырскими слугами и служками их сотен не прослеживается; скорее, это взаимозаменяемые синонимы. Так, сотенный голова Иван Фомин назван сначала «слугой», а позже (в той же отписке) – «служкой» Симонова монастыря (АМГ. Т. I. С. 634-635 (№ 646)). Та же картина в целом наблюдается и в Новгородском разряде.

⁸⁰ Пономарева И. Г. Слуги Троицкого-Макарьева Калязина монастыря // Архив русской истории. Вып. 7. М., 2002. С. 83 – 101.

⁸¹ Арсений, иеромонах. Доклады, грамоты и другие акты Троицкого Сергиева монастыря. Тверь, 1899. С. 4.

⁸² Каптерев Н. Светские архиерейские чиновники в древней Руси. М., 1874. С. 60 – 63 и далее, о детях боярских – С. 95 – 107; Очерки по истории СССР. Период феодализма / под ред. А. А. Новосельского, Н. В. Устюгова. М., 1955. С. 189.

коли аз сам князь великий сяду на конь, тогда и митрополичим бояром и слугам, а под митрополичим воеводою, а под стягом великого князя»⁸⁴. В Великом Новгороде во второй половине XV столетия в походы выступал особый «владычний полк» из военных слуг местного архиепископа. После присоединения Новгорода к Московскому государству и конфискации большей части «владычных» земель вновь «люди владычнии и монастырские, которых владыка с чернцы на службу выправили», появились в составе новгородских полков русской армии только в 1535 г., в разгар Стародубской войны. Пленный лучанин в том году сообщал об их наборе с оттенком удивления: «И то поведил, чого деи перед тым, за князя великого Василья не бывало, абы люди владычнии, монастырские сытничие и конюхи у войско ходили; теперь тым всим у войско пойти казано»⁸⁵. В XVI - нач. XVII вв. архиерейские и, в особенности, монастырские даточные составляли значительную часть русской конницы⁸⁶. Отдельными сотнями действовали они и в Смоленскую войну 1632 – 34 гг.⁸⁷

Все эти годы отряды архиерейских и монастырских слуг по своей организации и снаряжению ничем не отличались от детей боярских. Так, в 1633 г. от монастырей требовалось присылать служек «добрых конных с запасами, в латах и шишаках и панцырях ... со всяким ратным боем, а лошади б под ними были добрые». Братия Кирилло-Белозерской обители

⁸³ Арсений, иеромонах. Указ. соч. С. 3, 4.

⁸⁴ Цитируется по договорной грамоте Василия I с митрополитом Киприаном (Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV – начала XVII вв. Т. III. М., 1964. С. 18 – 19). Современные исследователи относят появление этой записи ко времени митрополита Алексия (лит. см.: Фетищев С. А. Московская Русь после Дмитрия Донского: 1389 – 1395 гг. М., 2003. С. 61, 90).

⁸⁵ Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI в. // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV – XVII вв. М. – Варшава, 2002. С. 135.

⁸⁶ Боярские списки последней четверти XVI-го – начала XVII-го вв. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 2. С. 27 – 93 (монастырские даточные в расписании полков кн. Ф. И. Мстиславского осенью 1604 г.)

⁸⁷ АМГ. Т. I. С. 634-635 (№ 646).

снарядила в поход отряд, в состав которого вошло «82 человека да в кошу 20 человек», снабдив их деньгами и оружием (в т. ч. 80 доспехов и 54 шлема)⁸⁸.

Сроки и условия военной службы этих даточных определялись государевой грамотой к архиерею⁸⁹. Хотя царь принимал во внимание нужды церковно-вотчинного хозяйства и прибегал к призыву домовых детей боярских нечасто, слуги владыки выполняли царскую службу не очень охотно и прилежно: они чувствовали покровительство своего патрона. Например, при постройке земляного вала в Новгороде в начале 1620-х гг. их участок отставал от других, но при этом они вели себя грубо и демонстративно независимо по отношению к стрелецким сотникам; уклонившийся от службы сын боярский лишался поместья, но беспрепятственно получал его обратно после запоздалого выступления в поход⁹⁰. Такое отношение к государевой службе сохранялось и в середине века: так, в июле 1656 г. новгородский воевода кн. А. В. Голицын жаловался на нехватку сил для защиты города и рубежа, в то время, как «Софейского, государь, дому и митрополичьи дети боярски[е] живут в Великом Новгороде многие, и в Чюдиницове улице живут всякие служебники, а городовых караулов они никаких не караулят», – а переписать и послать их в подъезд он без государева указа не смел⁹¹. Это позволяет представить решение полоцкого совещания 1660 г. и намерения кн. Хованского по отношению к монастырским и архиерейским слугам как своего рода ответную, болезненную реакцию новгородских дворян на столь льготное житье своих соседей-помещиков.

Первыми в период войны с Речью Посполитой 1654 – 1667 гг. на территории Новгородского разряда конных даточных в «полковую службу» выставили псковские власти: уже «в 7162 году» (1653 – 54 гг.) было взято 12

⁸⁸ Кирпичников А. Н. Хлопин И. Н. Великая Государева крепость. Л., 1972. с. 177.

⁸⁹ Греков Б. Д. Указ. соч. С. 473 – 475, 498.

⁹⁰ Там же. С. 478, 499, 500.

⁹¹ Ф. 210. Оп. 17. № 83. Л. 3.

чел. из архиепископских детей боярских («Троицкого дома»)⁹² и 58 монастырских служек⁹³, которые приняли участие в местных операциях псковского воеводы Салтыкова под Резицей и Лужей. Через год (перед походом 1655 г.) уже новгородский воевода должен был собрать с монастырских и митрополичьих вотчин “даточных на добром коне, с карабином и с парюю пистолей и саблею”, с запасом “на год и больше”⁹⁴. Комплекс вооружения отныне (в отличие от предыдущего сбора 1633 г.) полностью соответствует “рейтарской службе” – и действительно, в августе в полку все эти 92 человека обозначены как “даточные люди рейтарского строя”⁹⁵. В походе на Брест (1655 г.) они не участвовали, а в числе подобных им 5 рот были распределены по городам Белоруссии (парами с 5 ротами из детей боярских) и приняли участие в “посылках” против литовцев зимой 1655 – 56 гг.⁹⁶

Когда в следующем году возникла угроза Новгородскому уезду, по настоянию воеводы кн. А. В. Голицына и по царскому указу митрополит Макарий выставил на “свейские рубежи” уже 300 чел. монастырских слуг, конюхов и других служебников, а также своих митрополичьих 20 детей боярских (“Софийского дому”) и 80 пеших ратников⁹⁷. Военную службу местного характера несли и конные служки приграничного Псково - Печерского монастыря⁹⁸. В начале следующего года 100 новгородских

⁹² Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 30.

⁹³ Новосельский А. А. Очерк военных действий боярина Василия Петровича Шереметева в 1654 г. на Новгородском фронте // Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 129 (70 даточных без 12 «домовых»детей боярских).

⁹⁴ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии Наук. СПб., 1836. Т. IV. С. 123-124 (№ 84) - указ от 9 марта 1655 г. Буйносову-Ростовскому: послать их не в Смоленск, а в Новгородский полк В.П. Шереметева.

⁹⁵ Барсуков А.П. Род Шереметевых. Кн. 4. С. 191-192. За новгородскими монастырями было 4552 двора (на 1662 г.), и это соответствует указанной 9 марта 1655 г. норме 1 человека с 50 дворов (ЗОРСА.С.410).

⁹⁶ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 874. Л. 340-391, 392-397.

⁹⁷ Гадзяцкий С. С. Борьба... С. 26; Ф. 210. Оп. 17. № 83. Л. 2, 11 – 13.

⁹⁸ Еще до похода полка Трубецкого на Юрьев-Ливонский они взяли в монастырской деревне языка-немца (Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 276. Л. 185), а после сдачи Нейгаузена (крепости на ливонской стороне против монастыря) Печорский игумен Зосима должен был прислать по приказу воеводы кн. А. Н. Трубецкого на усиление тамошнего гарнизона по 30

монастырских слуг были влиты в состав двух рот полка рейтарского строя Д.Фонвизина, отправлявшихся на Олонец и на Лавую, “чтоб те роты сполна были”: ведь многие рейтары-дети боярские из их состава с началом зимы бежали домой; в тот же отряд вошло 37 митрополичьих детей боярских⁹⁹. Через полтора года, когда рейтар Фонвизина давно уже отозвали из Новгородской земли, в Новгород из Лавуйского острога вернулось “детей боярских новгородского митрополита и монастырских слуг 118 человек, расписаны оне на две роты и учинены рейтарского строя”¹⁰⁰. Таким образом, значительная часть церковных даточных, подлежавших призыву в конную полковую службу, к 1661 г. имела некоторый боевой опыт и навыки рейтарской службы – о чем, видно, и вспомнили новгородские дворяне на полоцком совещании.

В декабре 1660 г. среди прочих мер по пополнению полка Новгородского разряда воеводы Пскова и Новгорода получили распоряжение снова “с новгородского митрополита и псковского архиепископа и с новгородских и псковских монастырей с вотчин взять в полк даточных конных людей”, с уточнением (здесь: для Куракина (в Новгород)): “как имано с них на немецкий рубеж, с большою прибавкою, а в Софейском дому митрополиту детей боярских, и в монастырех властем служек для великие нужи оставить меньших”¹⁰¹. Правда, вскоре от повинности были освобождены Тихвин монастырь (как и в 1656-58 гг.) и тверские монастыри¹⁰².

До указа о службе даточным необходимо было собраться в Новгороде и во Пскове, имея при себе от церковных властей хлебные запасы, “чем им

монастырских служек и крестьян “с ружьем”, переменяя их там помесечно (Ф. 210. Оп. 17. № 83. Л. 84).

⁹⁹ Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 387. Л. 275, 276, 279, 281.

¹⁰⁰ Ф. 210. Оп. 17. Л. 52 (от 10 мая 1658 г.); по другому смотру (23 мая), это были 35 сына боярских и 82 слуги 13 крупных и нескольких мелких “окологородных” монастырей (Ф. 159. Оп. 1. № 1135. Л. 65, 66).

¹⁰¹ АМГ. Т. III. С. 234, 239 (№ 236) (Указы от 30 ноября и 14 декабря 1660 г.). Судя по контексту, в последнем случае “даточными” считаются и архиерейские дети боярские.

¹⁰² АМГ. Т. III. С. 240, 241 (№ 236): тверские даточные выступили в 1658 (59) г. в Киев.

быть сытым”, а при выступлении в поход получить от воевод по 20 руб. жалованья¹⁰³. Уже с 13 по 17 марта Хованский успел собрать во Пскове 50 монастырских слуг; тогда же он сообщил о записи их в рейтары¹⁰⁴. Еще через полтора месяца в его рейтарском полку числилось уже 200 чел., “что прислано из Великого Новгорода митрополичьих и монастырских слуг”¹⁰⁵, – и это не считая псковских. Однако, церковные власти промедлили с отправлением остальных даточных, в связи с чем 2 мая голова московских стрельцов Д. Остафьев повез из Москвы грозную грамоту к митрополиту Новгородскому Макарию, чтобы последний, “бояся Бога и памятуя великого государя к себе милость, дал ныне своих детей боярских и с монастырей слуг и с прежними две доли, а у себя в монастырех оставил треть, и быти им в государевой службе на время для нынешних неприятельских приходов [выд. *Авт.*]”. При задержке, новгородскому воеводе было велено самому (“по книгам”) собрать их и отправить в полк¹⁰⁶. Таким образом, норма набора вначале считалась от наличного числа слуг, а затем – возможно, как ужесточение нормы – уже по количеству дворов (“по книгам”). В результате, в числе даточных могли оказаться и простые монастырские крестьяне, что нередко обнаруживается впоследствии¹⁰⁷.

В общей сложности, к июню-июлю собралось 16 детей боярских митрополита в “сотнях”, 62 сына боярских из Софийского и 2 из Троицкого домов (норма 1654 г. в 12 чел. для Троицкого дома сохранялась, так что остальные 10 чел. указаны, очевидно, в графе «даточных»), а также 314 иных даточных¹⁰⁸ в полках рейтарского строя¹⁰⁹. Конечно, этому реальному числу

¹⁰³ АМГ. Т. III. С. 239 (№ 236).

¹⁰⁴ АМГ. Т. III. С. 340, 348, 349 (№ 373, 381).

¹⁰⁵ АМГ. Т. III. С. 375 (№ 417). В списках полка они названы “служками монастырей” (Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 347-395 (полк Д. Зыбина)).

¹⁰⁶ АМГ. Т. III. С. 352 (№ 385).

¹⁰⁷ Так, в июле 1665 г. власти Твери писали, что «они без указу великого государя ... даточных конных из монастырских крестьян собрать не смеют» (в 1661 – 65 гг. уезд был освобожден от их сбора) (Записные книги Московского стола. I (1664 – 1665 гг.) // РИБ. СПб., 1889. Т. 11. С. 289).

¹⁰⁸ По терминам: 46 слуг, 170 служек и др. даточных всех монастырей Новгородской и Псковской земли.

¹⁰⁹ Подсчитано автором по: Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 293, 294, 318 – 334 об., 348 – 391.

было далеко до проектов, что составляли дворяне в Полоцке; преемник Хованского, кн. Б. А. Репнин, был разочарован и в качестве этой конницы: “Монастырские даточные конные увечны и малые робята, и с рейтарскою службу их не будет, а государева жалованья им дают по 30 руб. ч. А в монастырях ставятца они лошадьми, и кормом, и ружьем самую дорогою ценою”¹¹⁰.

И все же, церковные даточные конной службы во многом отличаются от тех, что в этот период в массовом порядке набирались в солдатские полки. Уровень их снаряжения и обеспечения сильно зависит от состояния вотчинного хозяйства их властей, а по своему профессионализму значительная их часть больше приближается к военным сословиям дворян или казаков.

Даточные с дворянских поместий. Столь же традиционной являлась конная “полковая служба” дворянских даточных, выставлявшихся “с поместий и с вотчин отставных дворян и детей боярских, и вдов, и недорослей”¹¹¹ – в качестве компенсации за то, что в данный момент с поместья не служит полноценный дворянин или сын боярский. Иногда помещик выставял двоих-троих своих людей, а иногда даточный шел от нескольких человек¹¹². Состав их не был постоянным: могло случиться, что “те дворяне и дети боярские вы[шли] ис полону, а недоросли записались в службу, а [вдо]вы вышли замуж за служилых дворян [и де]тей боярских”¹¹³ - и эта повинность с них снималась. Впрочем, вначале число их в “сотенной службе” было ничтожно мало: в 1656 г. по списку новгородцев приходилось всего 6 даточных на 2300 чел.¹¹⁴; при Мядзёлах (1659 г.) сражалось 12

¹¹⁰ Веселовский С.Б. Сметы военных сил Московского государства в 1661-1663 гг. М., 1911. С. 13.

¹¹¹ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 595.

¹¹² Ф. 210. Смотренные списки. № 21. Л. 35 об. (один даточный двоих дворян), 226 об. (два даточных одного дворянина).

¹¹³ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 596.

¹¹⁴ Подсчитано автором по декабрьскому списку отпуски из Юрьева Ливонского (Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 117).

даточных, да минимум 7 числились в “нетях”¹¹⁵. В “сотнях” они бились наравне с рядовыми детьми боярскими, зачастую в качестве “знаменщиков” – выполняя “нечестную”, с точки зрения дворян, службу¹¹⁶.

При разборе 1659 г. даточные оказались только в сотнях, ведь даже некоторые из детей боярских “были в избылых” и не пошли на службу в полк¹¹⁷. Однако, после первых крупных поражений 1659-60 гг. условия ужесточились. В указе об их новом общегосударственном сборе от 1 сентября 1660 г. была установлена норма в 1 даточного конного «с полною службой» с 20 дворов¹¹⁸. В общем перечне групп городов, на которые распространялось действие данного положения, исключение составил лишь Белгородский разряд, а «Новгородские города» упомянуты. Однако, в Новгородском разряде сведений о сборе этих даточных или об их наличии где-либо на службе до марта 1661 г. нет. С другой стороны, дворяне, «мыслившие» вместе с кн. Хованским на Полоцком совещании, должны были знать о данном указе, почему и не упомянули об этих даточных в своем проекте. Зато сборщики, посланные в марте в уезды прямо из полка Хованского, среди прочих стали собирать и с отставных, со вдов и недорослей «конных даточных с 20 дворов человека»¹¹⁹ – особого разрешения для этого боярину уже не требовалось. Учтём, что число поместий, на которые распространялась данная повинность, после губельного 1660 г. резко увеличилось. В итоге, этих воинов собрали 67 чел. в рейтарскую (в т.ч. даже с отставного луцкого поместного казака Семена Бедрина) и более 50 – в сотенную службу¹²⁰.

¹¹⁵ Подсчитано автором по: Столбцы Белгородского стола. № 488.

¹¹⁶ При Мяздѣлах из 12 даточных двое были знаменщиками (Столбцы Белгородского стола. № 488).

¹¹⁷ АМГ. Т. III. С. 232 (№236).

¹¹⁸ ПСЗРИ. Т.I. С. 514. (№ 280).

¹¹⁹ АМГ. Т. III. С. 236 (№ 236).

¹²⁰ Подсчитано автором по: Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 194 – 260, 294, 318 – 343, 341 – 395; сотенные – “митрополичьих детей боярских и дворянских даточных людей, которые в сотнях, 73 ч.” (АМГ. Т. III. С. 385 – отписка от 11 июня 1661 г.). В сотнях отмечено всего 16 архиерейских детей боярских.

«Боярские люди». Сходные с предыдущими по происхождению – из боевых холопов – выставлялись дворянами по собственной инициативе, высказанной 7 декабря 1660 в Полоцке. Замечательно, что эту идею им подсказал пример польских “почтов”: “людей” своих для “полковой службы” русские никогда не приводили в таком количестве, какое было у шляхты в “хорунгах” (по 1-3 “пахолка” на каждого “товарища”)¹²¹. Теперь же и о своих ратных людях Хованский радостно сообщал: “И дворяне и дети боярские Новгородского разряда и рейтарского и гусарского строю начальные люди и рейтары и гусары писали за собою конных даточных людей, многие человека по 2 и по 3 и по 4, а которые небогатые – то по одному человеку, а ныне пишут же” (8 февраля 1661 г. из Полоцка)¹²². Правда, боярин не посчитал нужным сообщить об их числе, почему в июне ему было велено отписать в Москву, сколько у него в полку “боярских людей” и какое им дано жалованье¹²³. Число пленных Новгородского разряда, обмененных через год после похода, поможет пролить свет на их долю в коннице: тогда вышли из полона 1 “сотской”, 5 казаков, 4 начальных человека, 25 рейтар и 8 “людей боярских”¹²⁴. В рейтарском полку К. Фанбуковена (1-м новгородском) о новгородце Деревской пятины Т. П. Дедевкине было специально записано, что “у него человек з боем” – т.е., здесь, среди рейтар, это было довольно необычно¹²⁵.

И все же наличие своего рода “почтов” у многих дворян Новгородского разряда стало с 1661 г. новой своеобразной чертой этого военного округа. Кроме усиления полка, это облегчало заботы о самоснабжении: через 4 года дошло до того, что Хованский, “собрав ... людей дворянских всех у ково

¹²¹ На смотр 1653 г. новгородцы привели 121 «человека» в конном строю (Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 156. Л. 6, 9). Однако в походах их должно быть меньше, ведь содержать их приходилось за счет дворянина. Так, в 1655 г. по сотенным спискам только у сотенного головы торопчанина П. Я. Непейцына были с собою “людишки... с ружьем на боем” 3 чел., из которых один получил ранение (Ф.210. Столбцы Новгородского стола. № 113. Л. 164).

¹²² АМГ. Т. III. С. 236 (№ 216).

¹²³ АМГ. Т. III. С. 362 (№ 399) – “опроче дворянских людей, которых они писали за собой”; АМГ. Т.3. С. 385.

¹²⁴ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 135. Л. 311-313.

сколко есть, болши трех тысяч, и учиня им значки, и построя ротами”, отправил их с казаками “в войну”, собирать “кормы” и печь хлеб за Двину, а сам остался “в справе” в обозе (август 1665 г.)¹²⁶.

Набор вольных людей. Принятие на службу нетяглых или “гулящих” людей особенно распространилось в Московском государстве в период преодоления Смуты, когда численность этого слоя в обществе сильно увеличилась. Но тогда их “кликали биричем по торгам” для пополнения стрелецких отрядов¹²⁷, и, вливаясь в ряды особого военного сословия, они приобретали новый социальный статус. В 1661 г., когда пехоту пополняли в основном за счет даточных, прибегли к набору добровольцев уже в рейтарские части.

Первый способ был традиционный: ими, а не только казачьими родственниками, стали увеличивать городовые казачьи отряды, большая часть которых уже была “рейтарского строя”. Так, через месяц после возвращения во Псков Хованский прибрал “в рейтары и в казаки 500 чел. псковских и луцких казаков и их детей и братьи и племянников и всяких чинов вольных людей, и вперед велел прибрать с великим поспешеньем, чтобы полки рейтарские построить полные”¹²⁸. По отписке от 2 мая, “на Луках Великих прибрано вновь в казаки 212 чел., а со старыми казаками 350 чел.”¹²⁹; через две недели боярин выступил из Пскова с конницей, где состояли 54 казака “луцких, которые во Пскове вновь прибраны”¹³⁰, – т.е., луцкий городской отряд был увеличен “заочно” за счет псковичей! По спискам, общая численность луцких казаков – рейтар достигла 508 чел¹³¹, и похожая картина (но в меньших масштабах) наблюдается по остальным отрядам. Вместе с тем, 44 человека “вольных людей лучан” было записано

¹²⁵ Ф. 210. Смотренные списки. № 85. Л. 290 об.

¹²⁶ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 148. Л. 23-25.

¹²⁷ ААЭ. Т. III. С. 214-216 (№ 148).

¹²⁸ АМГ. Т. III. С. 356-357 (№ 390).

¹²⁹ АМГ. Т. III. С. 375 (№ 417).

¹³⁰ АМГ. Т. III. С. 362 (№ 399).

сразу в “новоприборные рейтары”¹³², и это – отражение второго, нового способа набора добровольцев.

Предприимчивый “Тараруй” развернул настоящую вербовочную кампанию по всему разряду: в начале июня воевода кн. Б. И. Репнин (преемник кн. Куракина) даже завернул обратно к Хованскому двоих дворян, присланных напрямую от него в Новгород “для прибору вольных людей”, но вскоре сам получил указ из Москвы “прибирать посадских людей, детей и братью и племянников, и иных вольных людей, которые наперед сего в службе ни в какой и в тягле нигде не написаны”, и отправлять их в полк. Хованскому же было велено на месте разбирать их “в конную и пешую службу... смотря по людям, кто в какую службу пригодится”, ставить их в строй “в полку с прежними служилыми людьми в ряд”, и выдать конным денежное жалованье¹³³.

Всего в списки попало порядка 400 вольных людей, и по ним прослеживается география тех мест, откуда они произошли. Большая часть, естественно, из Новгорода, Пскова и их пригородов, Печерского и Тихвинского посадов, а также Лук, Торопца и Ржева. Жителей Себежа и Полоцка могли записать в походе. Но совершенно неожиданно встретить нескольких москвичей, одоевцев, казанцев и тарушанина. Видно, обещание щедрого рейтарского жалованья заставило потянуться в войска Хованского бродячий элемент из самых разных уголков России!¹³⁴ Известно, что четверо городских стрельцов из Витебска, “взяв Великого Государя жалование”, сбежали туда “и записались в рейтарскую службу”¹³⁵.

Сам факт того, что вольных рейтар не зачисляли сразу в казачье сословие “на вечную службу”, во многом говорит об их качестве; на это же жаловался кн. Б. А. Репнин: “в рейтары же збираны при боярине...

¹³¹ Подсчитано автором по: Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 325 об. – 327, 347 – 392, 396 – 430.

¹³² Подсчитано автором по: Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 293, 347 – 392.

¹³³ АМГ. Т. III. С. 396 (№ 451).

¹³⁴ Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 347 – 392.

Хованском посадские люди и чюхна, и те худы и в пешей строй по нуже пригодятца, потому что многие стары и дряхлы; а денег им давано по 100 руб. ч. при нем же”¹³⁶. Добавим, что только в полку Д. Зыбина (псковском) из 300 человек 30 “по наряду не бывали” – то есть, только записавшись и, возможно, получив жалованье, исчезли. Вместе с тем, набор подобных людей вполне соответствовал духу и практике западного “рейтарского строя” - ведь для сомкнутых эскадронов были значимы не личная подготовка, а слаженность движений и пальбы, а также глубина и ширина построения, что нивелировало качественную разницу стоящих плечом к плечу кавалеристов.

«Погостские рейтары» Торопецкого уезда. Начало их сбора очевидно связано с предложением новгородских дворян, высказанном в декабре в Полоцке, о сборе «прибавку» к монастырским даточным «поповых и дьяконских и дьяковых детей, которые у приходов даром гуляют: сберется полк рейтарский”¹³⁷. Аналогичным образом с этого же времени (с декабря 1660 г.) проводился сбор «поповых и дьячковых детей и племянников и внучат» в Рязанских городах для укомплектования стрелецких (1500 чел.) и солдатских (1500 чел.) частей. В службу брали «у которых сына по 2, и по 3, и по 4, и взять с дву третьего, а от четырех двух», оставляя только тех, «которые грамоте умеют, чтобы церквам оскудения не было»¹³⁸. Одновременно похожий набор производил во Владимире боярин кн.Ф.Ф.Куракин с уездов Владимира, Суздаля, Юрьева-Польского, Луха, Мурома, Нижнего Новгорода и Арзамаса¹³⁹.

Правда, в Новгородском разряде подобный набор был проведен только в одном – Торопецком уезде, причем и речи не шло о полку или даже роте рейтар. Объяснить это можно как общим оскудением жителей разряда, так и

¹³⁵ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 132. Л. 128, 129.

¹³⁶ Веселовский С.П. Сметы военных сил Московского государства 1661-1663. М., 1911. С. 12. Заметим, что в полку Д. Зыбина псковский вольный человек Л. Дементьев “умре дома” еще 6 апреля 1661 г. (Смотренные списки. № 87. Л. 392).

¹³⁷ АМГ. Т. III. С. 234 (№ 236).

¹³⁸ ПСЗРИ, Т. I. С. 524 (№ 288).

¹³⁹ Там же. С. 524, 525 (№ 289).

иным родом службы: ведь рейтару, в отличие от пехотинца, требовалось крепкое хозяйство. «Для описи в рейтары ис поповых, из дьяконских, ис дьячковых детей и братьи и племянников и захребетников» в Торопецком уезде в город в 1661 («169-м») г. прибыл прямо из полка Хованского местный дворянин, торопчанин М. Кушелев. Примечательно, что, прибрав порядка 10 – 15 чел., он «тем людям имянного списка в Торопце в Съезжей избе не подал», а сразу увел их в поход¹⁴⁰. В 1662 г. новый воевода кн.Б.А.Репнин, похоже, даже и не узнал о таких рейтарах, и вновь «сыскивать» их был послан дворянин полка кн. И. А. Хованского только в июле 1664 г.¹⁴¹

Этот дворянин И. Ф. Аничков выслал, в августе 1664 г., пятерых рейтар из Даньковского погоста, двоих – из Выхонского, одного (или троих) – из Гродецкого¹⁴². По более поздним данным, известны еще рейтары Ровенского, Сухонского (по 1 чел.) и Верегунского (2 чел.) погостов. В 1666 г. двое из них получили «полное» для них рейтарское жалование (по 10 руб.), подав «сказки», что «церковных и никаких бобылей за ними нет»¹⁴³.

На основании всех этих данных можно предположить, что сбор осуществлялся по образцу рязанского и владимирского (1660-61 гг.), а в связи с учетом этих рейтар по погостам Торопецкого уезда они получили в документации сокращенное наименование «погостских»¹⁴⁴.

“Поляки” и “иноземцы”. Под первыми подразумевались, в основном, литовцы и, в первую очередь, жители Белоруссии. Они попадали в рейтары несколькими путями. Во-первых, это были “присяжные” шляхтичи Полоцкого воеводства, служившие под началом Хованского в 1659-63 гг., которые по челобитью записались в его рейтары (возможно, из-за

¹⁴⁰ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 132. Л. 266.

¹⁴¹ Там же. Л. 176.

¹⁴² Там же. Л. 235.

¹⁴³ Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 7. Л. 520

¹⁴⁴ Там же.

бедности)¹⁴⁵. Овладев юго-западом Литвы, боярин в марте 1660 г. сообщал царю о князе Ф. Горском, который пообещал “затягать” на его службу 500 драгун и хорунги шляхетские¹⁴⁶. Этот отряд был без труда разгромлен и взят в плен 30 апреля 1660 г. “коронным” “подъездом” поручика М. Скшетуского (прототипа героя романа Г. Сенкевича “Огнем и мечом”)¹⁴⁷, но кто-то из него мог уцелеть и остаться при войске Хованского. Наконец, известно о записи в рейтары Новгородского разряда пленных поляков, принявших православие (“новокрещенов”) и пожелавших поступить на государеву службу¹⁴⁸. Так, в январе 1663 г. на Луках Великих числилось «рейтарского строю ... из литовских полоняников пеших же и безоружных и худы 67 ч.»¹⁴⁹ - со временем их всех зачислили в пешие или конные казачьи станицы..

В составе полка Т. Бойта (псковского) минимум 10 “поляков” участвовало в битве при Полонке и еще 3 были в “посылке”¹⁵⁰. В марте следующего года часть из них оказалась уже в гусарах, и они же, беспоместные, стойко держались в строю и весь последующий поход. Как видим, это были надежные и опытные бойцы – один даже стал “учителем гусарского строя”¹⁵¹. Кроме них, в полках состояли несколько “иноземцев” – судя по именам, «немцев» (или шведов и датчан), каким-то образом зачисленных в рядовые “рейтарского строя”.

Рейтары из солдат. В 1653 – 54 гг. многие неверстанные дети боярские были зачислены на Москве по бедности в солдатский строй и по ходу боевых действий нередко обращались с челобитными о переводе их, по выслуге лет, в более «честную» и высоко оплачиваемую рейтарскую службу. Так, к 1661г.

¹⁴⁵ В 1663 г. упоминается “полотцкая шляхта рейтарского строю” полка А. Нащокина (псковского) (Столбцы Московского стола. № 341. Л. 97).

¹⁴⁶ АМГ. Т. III. С. 58 (№ 52).

¹⁴⁷ Chrapowicki J.A. Diariusz. W-wa, 1978. Cz. 1: lata 1656-1664. S. 242; Ф. 210. Смотровые списки. № 87. Л. 5. Подробнее о бое см.: Pasek J. Ch. Pamietniki Jana Chryzostoma z Goslawic Paska / opr. J.Czubek. Lwow, [1929]. S. 88.

¹⁴⁸ Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 490. Л. 55-57.

¹⁴⁹ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 351. Л. 143 (датируется по Л. 145).

¹⁵⁰ По спискам на получение жалованья в августе 1660 г.: Ф. 137. Оп. 1. Новгород. № 64. Л. 8 об - 10 об; 275-390.

¹⁵¹ Там же. Л. 270 (А.Ф. Дураков убит 25 октября 1661 г. под Кушликовыми горами).

было удовлетворено подобное прошение 56 «старых московских солдат» из Браславля (Лифляндский полк А. Л. Ордина-Нащокина)¹⁵², после чего 5 рейтар, видимо, женившихся на местных, оставались в составе пешего гарнизона Борисоглебова до конца войны¹⁵³.

Согласно челобитной луцких крестьян, многие уцелевшие после Литовского похода кн. И. А. Хованского 1659 - 60 гг. солдаты «збору 167 г.» (даточные 1658 - 59 гг., полк солдатского строя И. Гулица)¹⁵⁴ «стали во Пскове в рейтары, и в стрельцы на Луках Великих и в Витебске и на Невле»¹⁵⁵. Разряд ратных людей «рейтары из солдат» отсутствует в списках полков, проходя, вероятно, в вольных или казаках, наподобие упомянутых выше беглых стрельцов. Подобный перевод временно служивших крестьян того или иного помещика или монастыря в служилое сословие был мерой вынужденной, продиктованной чрезвычайной обстановкой и ставшей возможной благодаря почти диктаторским полномочиям кн. И. А. Хованского – правда, к концу войны подобное случалось сплошь и рядом¹⁵⁶. Внешне же перевод старого солдата в рейтары выглядел вполне обычно.

Наконец, упомянем о «заволоченах ямщиках» (т. е., из Заволочья), которые на неизвестных условиях были записаны в Новгородский полк (23 чел)¹⁵⁷, а также о рейтарах отряда С. А. Змеева, разбитого при Полонке вместе с Хованским и включенных им в свой псковский полк (26 чел., в т.ч. жилец)¹⁵⁸: правда, последние после отпуска по домам в марте 1661 г. числились в «нетах». Возможно, вышеприведенный перечень источников и способов комплектования в 1661 г. не является полным.

¹⁵² Витебская старина. Т. 4. Ч. 2. С. 167 (№ 63).

¹⁵³ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 187. Л. 174 и др.

¹⁵⁴ АМГ. Т. III. С. 493, 494 (№ 582).

¹⁵⁵ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 129. Л. 36 (челобитная 1662 г.).

¹⁵⁶ Так, в 1664 г. в стрелецкую службу во Пскове были зачислены все солдаты из крестьян Троицкого дома и псковских монастырей (Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 132. Л. 48, 49).

¹⁵⁷ Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 292-292 об.

¹⁵⁸ Там же. Л. 359 (4 сбежало 1.06), Л. 395 (22 чел. по наряду не бывали).

Ход комплектования полков. Как видим, весной-летом 1661 г. в Новгородском разряде по всем возможным направлениям развернулась напряженная деятельность по пополнению войска. Боевые же подразделения формировались в основном под командованием Хованского – сначала во Пскове, а затем на походе к Полоцку. Пополнялась “сотенная служба” – за счет “новиков” и казаков, увеличивался и “гусарский строй”. Так, 25 мая упоминаются “гусары, которые прибраны вновь, 50 ч.”¹⁵⁹ - судя по спискам, это были в основном псковичи, которых после 1661 г. почти не встретишь в “рейтарском строе”. После 9 июля, когда их числилось 258 чел. (в т.ч. 173 еще “не бывали”), количество гусар достигло 400 (с начальными людьми), и это позволило Хованскому сформировать целый 5-ротный полк “гусарского строя” под началом полуполковников Г.Н.Хлопова, а затем Н.П.Караулова¹⁶⁰. Поскольку увеличение произошло снова за счет рейтар, возникли дополнительные сложности с комплектованием последних.

Хованский поначалу решил собрать хотя бы один полный полк на основе псковского (Д. Зыбина) и поэтому включил в него и рейтар - “брестенских сидельцев”, и даточных из Новгорода, и большую часть вольных людей. В итоге, при выступлении в поход (19 мая) рейтар насчитывалось 820 чел., а через месяц полк достиг 12-ротного состава (1200 чел.)! В июле боярин выделил новгородцев в их прежние полки, когда стали съезжаться “старые рейтары”¹⁶¹. Уже в конце июля он отправлял под Дисну “в подъезд” подполковника Р. Дугласа (из полка Т. Бойта) и полковника Д.Зыбина с их полками¹⁶². Прибытие новых и новых пополнений подало Хованскому идею в августе сформировать четвертый, “новый полк” Роберта Дугласа¹⁶³. В отличие от переполненных самыми разными даточными,

¹⁵⁹ АМГ. Т. III. С. 362 (№ 399).

¹⁶⁰ Там же. С. 381-385 (№ 436); Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 264-283.

¹⁶¹ АМГ. Т. III. С. 395.

¹⁶² АМГ. Т. III. С. 424.

¹⁶³ Еще 31 июля Р. Дуглас был подполковником у Т. Бойта, но, по позднейшим сказкам 10 начальных людей, они были переведены с повышением в полк Р. Дугласа в «169 г.», то есть еще до 1 сентября 1661 г. (Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 510. Л. 22-28).

вольными и иными людьми старых полков, этот состоял поголовно из городских казаков Новгорода, Лук Великих, Пскова и Опочки, насчитывал 600 чел и делился на 8 рот. По всей видимости, большинство этих казаков являлись новоприборными из вольных людей, почему в полку, впервые в практике новгородских рейтар, была введена должность профоса – полицейского чина, отвечающего на наказание личного состава¹⁶⁴.

Если говорить об общих цифрах, то при выступлении в поход в коннице Хованского состояло всего 1354 чел. (“опроче дворянских людей”)¹⁶⁵; через месяц (11 июня) это число достигло 3132 чел.¹⁶⁶, а всего в списки были занесены имена более 4,5 тысяч человек¹⁶⁷. В августе, когда “в сход” с Хованским прибыл Лифляндский полк А. Л. Ордина-Нащокина, а также присоединилась полоцкая шляхта, силы объединенной конницы должны были намного превысить 6 тысяч человек¹⁶⁸ - а под Полоцк ожидалось еще несколько тысяч астраханских татар¹⁶⁹!

§ 4 Кушликовы горы: развал полка Новгородского разряда (осень 1661 г.)

Дальнейшее развитие боевых действий в 1661 г. послужило предпосылкой для нового серьезного преобразования войск Новгородского разряда, что заставляет детальнее остановиться на их ходе – тем более, что ввиду своей важности они уже попадали в поле зрения таких исследователей, как К. В. Базилевич и А. А. Новосельский¹⁷⁰.

Новая кампания 1661 г. первой перешла в фазу масштабных боевых действий именно в Новгородском разряде, после известий о заключении

¹⁶⁴ Ф 210. Смотренные списки. № 87. Л. 397-426: профос Васька Петров (Л. 400 об).

¹⁶⁵ АМГ. Т. III. С. 362 (№ 399).

¹⁶⁶ АМГ. Т. III. С. 385.

¹⁶⁷ Подсчитано автором по: Ф. 210. Смотренные списки № 87. Л. 195 – 430.

¹⁶⁸ Минимум 700 рейтар полковника И. Полуехтова в Лифляндском полку (АМГ. Т. III. С. 459) и 1100 чел. шляхты, казаков и челяди из Полоцка (АМГ. Т. III. С. 408 (№ 470)).

¹⁶⁹ АМГ. Т. III. С. 413 (№ 477).

¹⁷⁰ Базилевич К.В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.-Л., 1936. С. 35, 36, 40, 41; Новосельский А. А. Город как военно-служилая и как сословная организация провинциального дворянства в XVII в. // Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 185, 196.

Кардисского “вечного мира” со Швецией (21 июня 1661 г.) на условиях возвращения к границам 1617 г. и нейтралитета королевства в русско-польской войне. После военных угроз шведов 1660 – 61 гг.¹⁷¹ у России, наконец, были полностью развязаны руки на польском направлении. В конце июля Хованский решительно бросил свою конную лаву с Опочки к Западной Двине, сметая собиравшие продовольствие передовые литовские части, а Жмудское войско при известии об этом поспешило к Дисне на помощь “сапежинцам” (дивизии правого крыла)¹⁷². Так началось противостояние всего полевого литовского войска (15 – 20 тысяч чел.)¹⁷³ с полками кн.И.А.Хованского, которые только на бумаге достигали такой же численности. Надо учесть, что ресурсы враждующих армий были несопоставимы: если в Новгородском разряде его максимальные 10 – 15 тысяч ратных людей выставлялись с населения в 350 – 400 тысяч чел.¹⁷⁴, то двадцатитысячное войско Литвы содержалось двухмиллионным населением¹⁷⁵.

По указанной причине грозные в очах противника полки Хованского в действительности испытывали серьезнейшие трудности. Еще на Опочке князь в отписке царю ясно обозначил главную из них – сложность снабжения ратных людей. На существенную помощь из собственных поместий могли надеяться только единицы дворян и детей боярских – остальным же приходилось рассчитывать на сбор хлеба и фуража на месте или на организованный подвоз его из дворцовых государевых житниц. Ни то, ни

¹⁷¹ Ф. 27. Оп. 1. № 176. Л. 72 (весна 1660 г.); Витебская старина. Т. 4. Ч. 2. С. 166 (весна 1661 г.).

¹⁷² Poczobut J. W. Pamietnik Jana Wladislawa Poczobuta-Odlanickiego (1640 – 1684). / L. Potocki, I. J. Kroszewski. Warszawa, 1877. S. 46; АМГ. Т. III. С. 423, 424 (№ 492).

¹⁷³ «Компут войска Литовского» 1661 г. см.: Medeksza, S.F. Stefana Franciszka z Proszcza Medekszy księga pamietnicza // Krakow, 1875. S. 250 – 255. В состав его включены части, осаждавшие Вильну, но не учтены “волонтеры”, не получавшие жалованья (полк С. Чернавского и др.) По русским данным, в августе 1661 г. литовцы выставили на Двине 12 – 14 тыс. чел. (Витебская старина. Т. 4. Ч. 2. С. 140).

¹⁷⁴ Около 200 тысяч чел. в Новгородских пятинах (Аграрная история Северо-Запада России / под ред. А.А. Шапиро. Л., 1989. С. 60 – 68); 90 тысяч – во Псковской земле (История крестьянства Северо-Запада России. Период феодализма / РАН. Ин-т истории. СПб. филиал. СПб., 1994. С. 108); еще необходимо учесть уезды Лук Великих, Торопца, Торжка, Твери, Старицы.

другое, по мнению боярина, не могло удовлетворительно решить вопрос со снабжением, и он видел выход только в скорейшем “промысле” над неприятелем и уходе в “жилые места”¹⁷⁶. Подходом к Двине (у д. Кушликовы горы) выполнив первую задачу, – снятие угрозы Полоцку, – он приступил к переправе за реку, чтобы там собирать продовольствие и разорять уже вражескую территорию¹⁷⁷.

В это время в Москве было решено придать новый импульс начавшимся боевым действиям, и 3 августа последовал целый ряд соответствующих распоряжений: Лифляндскому полку А. Л. Ордина-Нащокина и крупному отряду астраханских татар предписывалось идти “в сход” к Хованскому, а окольному кн. П. А. Долгорукому со Смоленским полком – двигаться прямо “под Вильну”!

Более того, Афанасию Лаврентьевичу, только что завершившему Кардисские переговоры, предписывалось “призвать” там на царскую службу в качестве отдельного корпуса шведских солдат, “которые готовлены были к войне”, а “ныне без дела... и заплата им давать убыточно”, – и король “для дружбы и любви в службу к нам, великому государю, отпускать их поволил”¹⁷⁸. Должно быть, перспектива найма опытного шведского корпуса и заставила начать поход для деблокады Вильны. Ордину-Нащокину в качестве подчиненного кн. И. А. Хованского поручалось и возглавить наемную рать, и ведать отношениями с остзейскими властями, “для того, что то дело ему заобычей”. Однако, то ли из-за кризиса с медными деньгами, то ли по причине нежелания Швеции снова осложнять отношения с Польшей, данная сделка, способная серьезно изменить ситуацию на фронте, не

¹⁷⁵ Сагановіч Г. Невядомая вайна 1654-1667. Мінск, 1995. С. 130 и указанная в приложении литература.

¹⁷⁶ Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 185.

¹⁷⁷ Попытка переправиться через Двину у Кушликовых гор была пресечена войсками М. Паца (“Жмудским войском”) 3 – 4 августа, и тогда Хованский перешел на левый берег в Полоцке (Poczobut J. W. Pamietnik Jana Wladislawa Poczobuta-Odlanickiego (1640 – 1684). / L. Potocki, I. J. Kroszewski. Warszawa, 1877. S. 46, 47).

¹⁷⁸ Малов А.В. Русско-шведская война 1656-58 гг. и военное строительство в России // Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие. М, 2002. С. 138, 139.

состоялась. Видимо, о неудаче ее стало известно довольно скоро, почему уже 21 августа Долгорукову разрешили вернуться под Смоленск под предлогом крайнего разорения местности, а в сентябре в Москве легко согласились с доводами иноземных генерала и полковников войск самого Хованского о нецелесообразности дальнего похода из-под Полоцка. Боярину было велено остановиться под городом на белорусской стороне и не стремиться вступать в “полевую бой” с неприятелем. Что же касается татар, то их, судя по всему, оказалось гораздо меньше заявленных 10000 человек¹⁷⁹, так что эта “посылка”, о которой было объявлено всем действующим воеводам, приобрела скорее пропагандистский характер: о каком-то серьезном участии астраханцев в боях под Полоцком неизвестно и полякам¹⁸⁰, хотя к ноябрю они там все же появились¹⁸¹.

Между тем, эти новые угрозы привели к совершенно нежелательным для Москвы решениям во вражеском стане. Литовцы, подобно их сослуживцам в Короне, выразили недоверие своим предводителям–магнатам и составили конфедерацию. Правда, в противоположность полякам, которые отказались бесплатно выступить на фронт, они поклялись поддерживать строжайшую дисциплину и, пусть без жалованья, защищать свою землю от “московитов”. Ян Казимир решил воспользоваться этим, в надежде новой победой укрепить свое пошатнувшееся положение внутри страны, и двинул к Дисне оставшиеся верными ему наемные части во главе со С. Чернецким. Надо признать, что это был удачно рассчитанный ход: ведь грозный для

¹⁷⁹ В 1654 г. из 500 едисанских мурз и татар в Новгородский полк прибыло лишь 372 чел. (Новосельский А.А. Указ. соч. С. 119). Столько же – 500 чел – затребовано было в 1678-79 гг. По данным А.В. Чернова, 2 – 3 тысячи едисанских и юртовских мурз и татар – это максимально известное число их на государственной службе вообще (по примерам 1629 и 1654 гг.) (Чернов А.В. Строительство... С. 207, 208). Можно полагать, что Разрядный приказ в целом ориентировался на цифры из отписок астраханских воевод, согласно которым, в 1631 г. «едисанских юртовских мурз, которые кочуют под Астраханью, в юртах ... 17ч., табунных голов 6 ч., а с мурзами едисанов по смете с 900 ч., а с табунными головами с 2000 ч.». То же число (2 тысячи) было и в 1635, и в 1636 гг. (Книги разрядные, по официальным оных спискам... СПб., 1853. Т. 1. Стб. 352, 353, 818, 921).

¹⁸⁰ Единственное, Почобут сообщает о пяти бунчуках татарских, захваченных при Кушликовых горах сверх 115 знамен (Poczobut J. W. Pamietnik ...S. 54).

общественного мнения Речи Посполитой “московит Хованский” проиграл кампанию задолго до решающего сражения.

9 – 13 сентября маршалок Жеромский, предводитель конфедерации, перевел войско через Двину и расположил его обозом на русской стороне¹⁸². Литовцы сразу же стали обустроиваться на зиму и распустили “загоны” по окрестностям. Узнав о переправе противника, Хованский отошел за Двину и развернул поначалу успешную борьбу с неприятельскими “подъездами” под Полоцком, а после подхода войск Ордина-Нащокина сам нанес удар по литовцам, попытавшись выбить их из лагеря. Те контратаковали боярина на его прежних позициях при Кушликовых горах и были разбиты в бою 8 октября. Победители укрепились на удержанном месте, однако здесь их положение резко ухудшилось¹⁸³.

Выбирая в июле позицию при Кушликовых горах – деревне на Западной Двине между Полоцком и Дисной, – Хованский имел в виду прежде всего нужды своей конницы: удобство выпаса лошадей и сбора фуража¹⁸⁴. В остальном окрестности Полоцка представляли собой настоящую пустыню, неспособную обеспечить войска продовольствием, так что надежда оставалась на обозы из Пскова, Новгорода и Полоцка (куда хлеб доставлялся по Западной Двине¹⁸⁵). Однако, качественное (в смысле конского состава и обеспеченности) и численное превосходство литовцев в коннице вскоре позволило им сильно затруднить снабжение русских войск¹⁸⁶. Полковник С.К. Огинский даже отбил 7 сентября обоз с казной на жалование русским ратникам¹⁸⁷.

¹⁸¹ Ф. 210. Оп. 19. № 66. Л. 8 (“в Полоцке на смотре объявилось четыре тысячи четыреста три человека, опроче астраханских мурз и татар и людей двор[ян]ских, которые за ними писаны, и полоцкой шляхты з боем...”).

¹⁸² Poczobut J. W. Pamietnik Jana Wladislawa Poczobuta-Odlanickiego (1640 – 1684). / L. Potocki, I. J. Kroszewski. Warszawa, 1877. S. 49.

¹⁸³ Poczobut J. W. Pamietnik ... S. 50.

¹⁸⁴ АМГ. Т. III. С. 424 (№ 492).

¹⁸⁵ Витебская старина. Т. 4. Ч. 2. С. 150 – 156.

¹⁸⁶ Гордон П. Дневник. 1660-1668. М., 2002. С. 114.

¹⁸⁷ Polski slownik biograficzny. Wroclaw, 1978. Т. 23/4. S. 639.

Дело усугубило неожиданно раннее похолодание: в Москве уже 22 – 25 сентября выпал первый снег, после чего зарядили дожди¹⁸⁸. Резкое ухудшение погоды отметил и гусар Почобут-Одляницкий – как раз наутро после возвращения Хованского в свой старый лагерь (6 октября): “Постыдно нам, стоящим под крышей, докучило: раз мы уже к зиме в обозе были готовы, построили избы, так рассудили мы, что москве, стоящей в поле без шалашей, надоест тот плеск, и что отступят по-позавчерашнему. Но они немало о том не думали и не заботились ни о чем под палатками”, но решительно атаковали литовцев¹⁸⁹. Эта решительность, делавшая честь Хованскому и его войску, не была соотнесена с пределом стойкости его большей частью новонабранных ратников. Солдаты, страдавшие от голода и холода, и, главное, давно привыкшие к относительной безнаказанности за дезертирство, стали стремительно разбегаться: всего за две недели (с 8 по 25 октября) их полки сократились более, чем вдвое. От пехоты не отставали и новонабранные рейтары Новгородского разряда; первыми по домам подались монастырские слуги и вольница. Самыми стойкими, как обычно, оказались знатные и более обеспеченные дворяне сотенной службы, зато в полку Р.Дукляса, целиком составленном из городских казаков, к 25 октября рядовых осталось меньше, чем начальных людей¹⁹⁰! Боярин, возможно, надеялся еще на подкрепления и не видел срочной необходимости оставлять обживаемый лагерь перед лицом недавно побежденного неприятеля, на почве чего рассорился с возглавлявшим пехоту генерал-поручиком Т. Далиелем¹⁹¹.

Равновесие сил нарушил приход С. Чернецкого с верными Яну Казимиру коронными частями – преимущественно, необходимой для штурма полевых укреплений “немецкой” пехотой¹⁹². Атакованное 25 октября

¹⁸⁸ Дневальные записки приказа Тайных дел. 7165 – 7183. М., 1908. С. 105.

¹⁸⁹ Poczubut J. W. Pamietnik Jana... S. 50, 51.

¹⁹⁰ Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 397 – 416.

¹⁹¹ Гордон П. Дневник. 1660-1668. М., 2002. С. 114.

¹⁹² Kersten A. Stefan Czarniecki 1599-1655. Warszawa, 1963. S. 453, 454; Nagielski M. Liczebność i organizacja gwardii przybocznej i computowej za ostatniego Wazy (1648 - 1668). Warszawa, 1989. S. 116, 119 (список участвовавших полков – 5 пехотных и 1 драгунского).

многократно превосходящим в силах противником, войско Хованского все же дало ему жестокий бой, “с уроном на обе стороны”¹⁹³, а пехота после обычного бегства конницы даже отступила с честью¹⁹⁴. Урон на этом “отводе” составил менее 1000 чел. у Новгородского и несколько сот чел. у Лифляндского и “генеральского” (солдатского Т. Далиеля) полков¹⁹⁵, но был чудовищно раздут королевской пропагандой: утверждалось, что из 20 тысяч “московитов” в Полоцк смогла уйти едва тысяча¹⁹⁶. В действительности, убитыми и ранеными поляки потеряли едва ли меньше¹⁹⁷, и большая часть русских потерь пришлась на пленных, что объясняется низким моральным духом и новобранцев, и уставших от войны ветеранов. Это прекрасно иллюстрируется уроном в старшем начальном составе конницы: в плен попали командиры гусарского и трех рейтарских полков Новгородского разряда, а погиб только один – полковник Р. Дукляс¹⁹⁸.

Хованский, снабдив Полоцк достаточным гарнизоном и «сметаясь с хлебными запасами»¹⁹⁹, отступил оттуда по указу царя на Невль (до 14 ноября). Здесь его нашел срочно высланный кн. П. А. Долгоруковым из-под Смоленска отряд кн. Д. Барятинского (2 рейтарских и 1 драгунский полк, 2662 чел.)²⁰⁰. Однако, еще 8 ноября последнему было указано вернуться к Смоленску (отправился 24 ноября), а к 6 декабря и полки Хованского перешли в Луки Великие²⁰¹. Главной причиной отхода стала, скорее всего, все та же бескормица. Сокольник А. Журавлев, побывавший на Луках в конце декабря, нашел войско в плачевном состоянии: “А ныне де у него,

¹⁹³ Витебская старина. Т. 4. Ч. 2. С. 171 (№ 64).

¹⁹⁴ Малов А. В. Государевы выборные московские полки солдатского строя: Командиры выборных полков // Цейхгауз. 2001. №2 (14). С. 6.

¹⁹⁵ Подсчитано автором по: Ф. 210. Смотренные списки. № 87.

¹⁹⁶ Соловьев С. М. Сочинения. М., 1991. Кн. VI. С. 114, 326 (указание на польские источники).

¹⁹⁷ Попав в засаду, погибли многие шляхтичи - “сапезинцы” во главе с конфедератским командиром этой дивизии (Витебская старина. Т. 4. Ч. 2. С. 376); ср.: АМГ. Т. III. С. 458 (№ 535) и Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 125. Л. 252, 253 (показания “выходца из полона”).

¹⁹⁸ Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 274 об., 306 об., 338, 381, 424 об.; через год в вышедших из полона в Новгородском разряде числилось 168 чел. дворян, детей боярских и казаков (Веселовский С.П. Сметы военных сил Московского государства 1661-1663. М., 1911. С. 10)

¹⁹⁹ АМГ. Т. III. С. 465 (№ 544).

²⁰⁰ Там же. С. 454 (№ 529, 530).

боярина и воевод [со то]варыщи, и у сходных воевод в полк[ах]... конных и пеших людей с 5000, и конные все пеши ж, по[то]му что у них лошади на боях побит[ы], а иные поиманы на последн[ем бою(?)], а досталные в Полотцку и идучи [из По]лотцка на дороге от бескормицы п[опа]дали”. Ратные люди просятя домой и угрожают самовольным отъездом, “для того, что они беззапасн[ы и бес]платны и бесконны и всем скудны”²⁰².

В Москве стало очевидно, что Хованский не смог справиться со снабжением своих войск и проиграл стратегически. По поводу дальнейших действий в Боярской Думе разыгрались страстные споры: царский тесть кн. И. Д. Милославский, глава Стрелецкого, Иноземского и Рейтарского приказов, заявил было, что если назначить во главе войска его, то он приведет в пленных самого польского короля. Алексей Михайлович резко оборвал его: “Как смеешь ты, страдник, хвастаться своим искусством в деле ратном? Когда ты ходил с полками? Какие победы показал над неприятелем?” – после чего схватил боярина за бороду и вытолкнул из комнаты²⁰³. Возможно, на этом же совещании было принято решение о назначении главой Новгородского разряда боярина кн. Б. А. Репнина (объявлено 13 ноября 1661 г.²⁰⁴). Для Хованского это вряд ли можно назвать опалой: отпуская сокольника Журавлева, он сам велел передать царю просьбу об отзыве его или Ордина-Нащокина “для... государевых многих надобных дел, которые к нынешнему времени пристойны быть к Москве”²⁰⁵. В данный момент на его посту был необходим более сильный администратор, способный разобраться в сложившейся ситуации и найти выход из кризиса. Эту миссию Алексей Михайлович доверил опытному и, главное, честному боярину кн. Борису Александровичу Репнину.

²⁰¹ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 342. Ст. II. Л. 2, 3.

²⁰² Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 342. Ст. II. Л. 28.

²⁰³ Мейерберг А. Путешествие в Московию. М., 1874. С. 35.

²⁰⁴ ДДР. Стб. 296 – 297.

²⁰⁵ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 342. Ст. II. Л. 27.

Многие годы бывший царедворцем стольник, а с 1640 г. боярин Репнин (родился около 1600 г.) выдвинулся во время т.н. “счетного дела”, когда по указу царя Михаила Федоровича был назначен расследовать огромные денежные хищения в приказе Сбора ратных людей. В качестве главы Счетного приказа (9 октября 1640 – ноябрь 1642 гг.) он кропотливо разобрался в сложной цифири приказного делопроизводства и определил вину дьяков. Задев при этом интересы могущественного клана Шереметевых, он вначале был пожалован крупными денежными придачами к окладу, но после смерти своего покровителя кн. И. Б. Черкасского отослан под Тверь “сыскивать руды золотые” (!), а затем на 4 года – в Астрахань воеводой, да к тому же обвинен в излишней жестокости. Получив на юге богатейший дипломатический и административный опыт, Репнин был возвращен новым царем Алексеем Михайловичем в Москву на должность судьи во Владимирском Судном приказе (в период народных возмущений 1648-49 гг.). Сами за себя говорят и дальнейшие назначения: ведение переговоров с литовскими послами в Москве в 1652 г. и руководство посольством в Польшу в 1653 г., в самый канун войны²⁰⁶. Не менее важными были и военные поручения: с 1650 по 1653 г. он руководит формированием обширного Белгородского разряда – военного округа, который навсегда преградил путь татарам в центр России и стал резервом людских ресурсов для войны на Украине; весной 1656 г. воеводой в Смоленске готовит Государев поход на Ригу; в 1659 – 1661 гг. – возглавляет Смоленский разряд – т.е., по сути, все гарнизонные и значительную часть полевых войск в Восточной Белоруссии, по Западной Двине до Полоцка и на Смоленщине²⁰⁷. Таким образом, к моменту нового назначения престарелый Репнин обладал богатейшим военно-административным опытом, подолгу руководя жизнью таких разных и важных регионов, как Астрахань, Белгородская черта и

²⁰⁶ Репнин Борис Александрович // Русский биографический словарь. СПб., 1913. Т.[16]: Рейтерн – Рольцберг. С. 83 – 85; Яковлев А. И. Приказ Сбора ратных людей 146 – 161 (1637 – 1653) гг. М., 1917. С. 463 – 466, 526.

Смоленский разряд, и более 10 лет заведя самыми боевыми соединениями русской армии – большей частью уже “нового строя”. Вхождение в курс дела на новом месте назначения должен был облегчить его сын, боярин кн. Иван Репнин, с начала 1661 г. являвшийся воеводой Великого Новгорода²⁰⁸.

Назначение это состоялось 13 ноября 1661 г., и уже в это время городским воеводам Новгородского разряда были направлены грамоты с указанием собирать бежавших из войска ратных людей у себя, не отсылая обратно в полки²⁰⁹. Протесты Хованского, что “неприятелю... то к радости, что... ратные люди к нам... в полк не высланы, а збирают их в осаде”, а те, которые, “помня твое великого государя крестное целование, были до сякова времени на твоей Великого Государя службе” в полку, готовы разбежаться, пропали втуне. 7 января неудачливому воеводе было велено отступить во Псков, отправив своих товарищей в Москву; видимо, по получении указа оставшиеся у него войска рассредоточились по принадлежности: часть в Новгороде, часть – во Пскове, а часть осталась на Луках. Наконец, 17 января Хованский был отозван в Москву²¹⁰, - правда, дожидаясь смены, он продолжал боевые действия псковскими частями еще спустя месяц²¹¹.

Вернувшийся в столицу князь Хованский пользовался популярностью в народе и обладал весом при дворе, что особенно проявилось во время Медного бунта 25 июля 1662 г. Именно он был послан тогда царем из Коломенского в Москву “уговаривать, чтоб... смуты не чинили и домовничьих не грабили...”. Ответ простых “людей многих” на его обращение к ним замечательно демонстрирует отношение к Тарарую, сложившееся за время эпических походов Новгородского полка в 1657-1661 гг.: “Что де ты,

²⁰⁷ Чернов А. В. Строительство... С. 916, 956, 957.

²⁰⁸ Барсуков А. П. Списки городских воевод и иных лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 154–155.

²⁰⁹ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 125. Л. 225, 226 (отписка от 29 декабря 1661 г.); Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 342. Ст. II. Л. 4 (отписка Хованского о таком указе (к 8 декабря 1661 г.) кн. Щербатову во Псков), 8 – 11 (отписка кн. Щербатова от 20 декабря 1661 г.).

²¹⁰ ДДР. Стб. 303, 305.

²¹¹ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 127. Л. 23: 12 февраля 1662 г. он отправил “посылку немалую” на Красный и Улех, отказываясь сдавать дела кн. Щербатову.

Хованской, человек доброй, и службы его к царю против полского короля есть много, и им до него дела нет, но чтоб им царь выдал изменников бояр, которых они просят»²¹².

§ 5. Воеводство кн. Б. А. Репнина и реорганизация конницы Новгородского разряда (1662 г.)

По прибытии в Великий Новгород новый воевода застал в сборе неожиданно многочисленное войско – около 3000 чел. Вскоре он получил повеление распустить его по домам до нового срока, однако задержал ратников еще на целых полтора месяца (до 21 марта) “по вестям” о воинственных намерениях литовцев и боях под Луками и Невлем²¹³. Наличие в городах сильных отрядов, действительно, удерживало тогда противника от развития наступления: “А про то де ведают, что великого государя ратные многие люди разбежались по домом, и по тех де великого государя ратных людей посланы в города, а велено их збирать. И оне де того опасаютца: ведают, что те великого государя ратные люди в целости и, собрався, станут над ними промышлять”, - сообщал “выходец из полона” рейтар К. Скворцов еще 11 ноября 1661 г.²¹⁴ В городах полки быстрее пополнялись за счет постоянно сыскиваемых беглых, ратные люди меньше страдали от голода и холода, а их лошади от бескормицы. В январе 1661 г. на Луках Великих числилось 637 чел. конницы, во Пскове – также несколько сот чел.²¹⁵; в марте в самом Новгороде явились на смотр 1579 всадников (461 чел. в сотнях, 143 гусара и 975 рейтар)²¹⁶ – и это не считая старичан, новоторжцев и тверичей²¹⁷. Таким образом, и без новых пополнений численность конницы

²¹² Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича // Московия и Европа. М., 2000. С. 92.

²¹³ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 127. Л. 93 – 95, 129, 257.

²¹⁴ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 125. Л. 252, 253.

²¹⁵ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 127. Л. 60; по данным кн. Б. А. Репнина, псковских и опочецких конных ратных людей насчитывалось более 700 чел. (Веселовский С.П. Сметы военных сил Московского государства 1661-1663. М., 1911. С. 9 – 12).

²¹⁶ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 127. Л. 129.

²¹⁷ Там же. Л. 60.

разряда была восстановлена до уровня кануна битвы при Кушликовых горах 25 октября.

Репнин в первую очередь озаботился вопросом обеспечения ратных людей. Урожай 1661 г. был хорошим²¹⁸, дворцовые житницы в Новгородской земле наполнились, но крестьяне взвинтили цены и не спешили продавать хлеб за медь. Выход был найден: по предложению боярина, 19 марта последовал указ собрать со всех земель Новгородского уезда на 7170 год (1661-62) общегосударственный налог, «стрелецкий хлеб», не деньгами, а зерном, «против замосковных и украинских городов»; покуда же его не соберут, давать годовое жалованье стрельцам, казакам и иным служилым людям «по прибору» не деньгами, а из «псковского привозного хлеба», из дворцовых житниц. В строках указа читается забота о простых «жилетцких... бедных и скудных людях, которым... за скудостью и за дорогою ценою хлеба купить немочно»: им, по совету с митрополитом Макарием, властями монастырей, дворянами и посадскими людьми Новгорода, было велено продавать тот же хлеб по твердой «указной цене», а иным – и давать в долг, чтоб им «голодом не помереть»²¹⁹. Через два месяца боярин удовлетворил челобитную о хлебном жаловании иноземцев-начальных людей «нового строя», которые «от хлебные дороговизны оскудали без остатку», чтобы позже они не учинили «дурна какого» в бою²²⁰. Наконец, есть данные о том, что казенный хлеб выдавался и дворянам и детям боярским²²¹. На будущие нужды полка оставшийся в дворцовых амбарах хлеб было велено доставить из Пскова на Опочку, куда ожидался поход ратных людей²²².

Не менее важной заботой, как и следовало ожидать, оказался новый сбор ратных людей. А между тем, набеги литовских волонтеров на русские

²¹⁸ Базилевич К.В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.-Л., 1936. С. 40, 41.

²¹⁹ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 344. Л. 15 – 17.

²²⁰ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 342. Ст. II. Л. 63 – 65; ср.: Гордон П. Дневник. 1660-1668. М., 2002. С. 106, 115, 116.

²²¹ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 126. Л. 28 об. (челобитная И. Лупандина о выдаче хлеба из казны «против моей братьи»).

уезды, в том числе на переданные в ведение кн. Б. А. Репнина “Лифлянского полку города Борисоглебов, Лютин” (указом от 20 марта 1662 г.), вынуждали спешить с выступлением на их защиту²²³. Дворяне и дети боярские, несмотря на угрозу отписать на Государя поместья “нетчиков” “безповоротно”, опоздали к указанному сроку (29 июня) и собрались только в течение июля или даже позже²²⁴.

Логично в данной ситуации, что “наперед” в срочном порядке были посланы наличные силы. В коннице ими оказались новгородские и ладожские казаки рейтарского строя (в сотенной службе таких не осталось уже с 1659-61 гг.), “новоприборные рейтары” и даточные рейтарского строя, которых во главе с полковником Г. Фаншеином направили 29 июня из Новгорода на Опочку²²⁵. Туда же напрямик двинулись ратные люди, собранные на Луках Великих. Исключений для высылки на службу не делалось и для “раненых, и отставных, и недорослей” – боярин обладал полномочиями верстать новиков и разбирать ратных людей по-новому²²⁶. Все эти мероприятия и создали предпосылки для новой, последней за войну принципиально важной реорганизации “полковой службы” конницы Новгородского разряда.

Приводя в порядок обеспечение жалованьем ратных людей, Репнин перевел полностью в рейтарский строй псковских и луцких казаков – вслед за новгородскими и ладожскими. Перед выступлением из Новгорода он свел всех дворян и детей боярских рейтарского строя из Великого Новгорода (всех пятин, а также детей боярских Софийского дома и новокрещенов), а также из Твери, Торжка и Старицы в один рейтарский полк, а сотенных и гусар тех же городов – в соответствующие сотни дворянские и роты гусарского полка. По такому же принципу по полку рейтар были созданы в

²²² Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 344. Л. 86, 99, 100.

²²³ Там же. Л. 14, 64 – 68, 85, 86, 109, 110.

²²⁴ Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 85 – 169; Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. №136. Л. 182.

²²⁵ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. №127. Л. 305; №126. Л. 218.

других центрах сбора ратных людей - из псковских и великолукских всадников этого строя. Упомянутые выше незнатные ратные люди рейтарского строя, высланные раньше всех из Новгорода на Опочку, составили отныне второй новгородский полк Г. Фаншеина. Наконец, проведя во Пскове своеобразную “аттестацию” начальных людей своих полков, которых из-за возвращения многих в строй из полона или после ранения оказался большой излишек²²⁷, боярин оставил в полках только необходимое количество, а остальных свел “в особую сотню заповковых начальных людей”²²⁸.

Общая численность конницы по росписи достигла 4600 чел. (в т.ч. 1833 – в сотнях, 62 – заповковых начальных людей, 405 – в гусарах, 2301 – в рейтарах)²²⁹. Правда, на этот раз боевой поход всего войска к Полоцку так и не состоялся по причине временного перемирия на период “посольских съездов”.

Уже весной 1662 г. характер боевых действий здесь сильно изменился: многочисленные и хорошо снаряженные “волонтерные” или “партизанские” отряды литовских полковников (типа знаменитых “лисовчиков”), базируясь на Дисне или в Себеже, стали совершать методичные набеги на порубежные Псковский и его пригородов, Пусторжевский и Великолукский уезды, жечь деревни, сечь и уводить в полон крестьян, захватывать хлеб и фураж. Для эффективного противодействия им необходимо было содержать мобильные полки постоянной боевой готовности по всей границе. Осознав это, Репнин вначале выслал передовые отряды на Опочку, а затем выдвинул “посылку” воеводы пусторжевца И. Н. Суморокова ближе к Лукам, сообщив в Москву, что “бес полкового, государь, воеводы на Луках Великих быть немочно”²³⁰. С наступлением зимы он разделил войско на три части: одну - во Пскове,

²²⁶ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. №126. Л. 229; №129. Л. 19.

²²⁷ Данные “сказки” см.: Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 510. Л. 13 – 59.

²²⁸ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. №136. Л. 146, 147, 243, 245, 246.

²²⁹ Веселовский С.П. Сметы военных сил Московского государства 1661-1663. М., 1911. С. 10, 11.

²³⁰ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 136. Л. 123.

вторую, со своим товарищем кн. С.И. Львовым – на Луках Великих; с остальными же отступил в Новгород²³¹. Как раз в это время партизаны Чернавского и Дятловича, нарушив перемирие, “изгоном” взяли Усвят (16 декабря 1662 г.), и стольник Львов сумел оперативно перехватить их на Уще, отбив обоз, освободив всех пленных и отняв трофеи²³². Таким образом, предложенная Репниным схема обороны очень скоро оправдала себя на деле.

Между тем, престарелый боярин был, мягко говоря, в ужасе от состояния войск Новгородского разряда. По его “скаске”, многие рейтары и даже гусары “малоконны, а иные и бесконны”; вскрылись страшные злоупотребления в высылке солдат, которых, несмотря на прибытие более тысячи московских стрельцов, невозможно было надолго удержать в полках; низкое качество монастырских даточных вызвало предложение собирать вместо них с монастырей серебряные деньги²³³, и т. п. Даже в полковом делопроизводстве царила анархия: во Пскове не было списков ратных людей - их увез с собой Хованский; дьяки не являлись к боярину на Съезжий двор - считать расход денежной казны и разбирать челобитные ратных людей. “А я, холоп твой, человеченко старой, твоих великого государя полковых... дел честь и смотреть не вижу”²³⁴, – жаловался боярин, и, наконец, отпросился в Москву, поначалу на время: “И многое, государь, в салдатском зборе и с монастырей в конных даточных и в посошных с подводы в Новгороде во всяком полковом деле нестроенье, и не доложу тебя, великого государя, не видя твоих, великий государь, пресветлых очей, мне, холопу твоему, построить немочно”²³⁵. В конце января боярин покинул пост главы Новгородского разряда и, видимо, сделал все, чтобы больше на него не возвращаться: вскоре он принял начало над более привычными ему делами

²³¹ Там же. Л. 269; Записная книга Московского стола 7171 г. // РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 508 - 511.

²³² Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 170–181 об., 185 - 188; Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 136. Л. 161, 165.

²³³ Там же. С. 12 – 14.

²³⁴ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 136. Л. 19.

²³⁵ Там же. Л. 265.

Белгородского разряда, разбираясь в деятельности уже другого “стратига” Алексея Михайловича – боярина кн. Г. Г. Ромодановского.

Выводы. Нужды перехода к новым, линейным формам боя, а также более полного и эффективного обеспечения беднейших служилых людей вызвали формирование полков рейтарского строя, осуществленное в Новгородском разряде во время разбора 1659 г. Разбор этот знаменовал собой важное разделение ратных людей на сотенных и рейтар, после чего внутри разряда стали постоянно сосуществовать два типа боевой организации: прежняя сотенная и новая – рейтарского образца.

Нововведения в сотенной службе заключались в окончательном оформлении в виде военно-сословной группы станиц копорских и сомерских казаков, обязанных отныне нести дальнюю конную службу, а также в переводе в разряд «служилых иноземцев», близкий к новгородским новокрещенам, отряда запорожцев – «черкас». Далее структура войск старого строя менялась лишь в количественном и персональном отношении: за счет присоединения новых (ржевичи, зубчане, чины московские Новгородского разряда) или убытия наличных (городовые казаки, полоцкая шляхта) отрядов служилых людей. Все это вновь не выходит за рамки традиционной сословной службы. Эволюция же войск нового образца представляет собой более сложный процесс.

При создании частей рейтарского строя в Новгородском разряде сословные группы рейтар – дворян («города») и рейтар – казаков («станции») не дробились, а приписывались полностью к тому или иному полку, что внешне напоминает прежнее деление их между воеводами – «товарищами». При этом, в каждый из полков были включены и казаки, и дворяне в схожих соотношениях. Распределение это было, видимо, закреплено соответствующими документами в Рейтарском приказе и повторилось при новом сборе войск в 1661 г. Однако, внутри полков при росписи в роты сословный принцип уже не соблюдался вовсе. Начальные

люди не заботились о соблюдении их чести в этом плане: дворяне и дети боярские разных «городов» и чинов, поместные или кормовые казаки разных станиц являлись для них просто рядовыми рейтарами той или иной роты или полка. Главными условиями успеха и самой возможности проведения подобной реформы стали как служилая психология государевых ратных людей в целом, так и удаление в разряд «сотенной службы» наиболее знатной и, по местническим причинам, строптивой в вопросах чести группы дворян.

Бедственные потери 1660 г. привели к необходимости пополнения рядов рейтар новыми кадрами, за счет максимального напряжения мобилизационных ресурсов Новгородского разряда. Для этого пришлось обратиться к новым источникам комплектования: набору конных даточных из монастырей и архиерейских владений, а также с прожиточных поместий дворян и детей боярских; к прибору вольных людей в казачьи станицы рейтарского строя или напрямую в рейтары.

Надо сказать, что, за некоторым исключением, все эти пути были вполне традиционными для Московской Руси. Однако, в столь массовом порядке новых людей к конной службе смогли привлечь только благодаря тем возможностям, которые давала практика рейтарского строя: т. е., благодаря централизованному снабжению оружием, крупному жалованью, хорошо разработанной методике регулярного обучения и своеобразным требованиям западного линейного строя, не нуждавшегося в хорошей одиночной подготовке рядовых.

Закономерное стремление смешать в одном строю опытных воинов и новобранцев привело к окончательному расплывлению военно-сословной структуры прежних полков: в каждой отдельно взятой роте мы находим бойцов самого разного происхождения. Новый «казачий» полк Р. Дукляса, на самом деле, не сильно отличается от старых – ведь в списках составивших его станиц соседствуют и старые, и новоприборные казаки рейтарского строя.

Привлечение новых источников комплектования позволило возместить потери 1660 г, однако новая, внесословная структура конницы рейтарского строя Новгородского разряда не выдержала испытания на прочность осенью 1661 г. Самые крупные контингенты новобранцев – из даточных и казаков и вольных людей – не обладавшие ни хозяйством, ни честью воинского сословия, первыми покинули ряды конницы Хованского в трудное время. Верность своему долгу сохранили, в первую очередь, служилые люди «по отечеству»: как в сотнях, так и в полках нового строя.

Создание частей гусарского строя стало первой реакцией на указанный процесс разложения сословности конной ратной службы, ведь ухудшение морального состояния бойцов здесь самым тяжелым образом сказывалось на боеспособности войска в целом. Роты гусар, выбранные из дворян и детей боярских всех рейтарских полков после поражения при Полонке, в августе-сентябре 1660 г, стали отборным подразделением строго в рамках дворянского сословия и были поставлены выше рядовых рейтар. Престижность гусарского строя поднимали и высочайший авторитет его прообраза – гусарии Речи Посполитой, – и соответствующее богатое снаряжение, и более высокое жалованье, и отсутствие среди начальных людей иноземцев.

Таким образом, всего два с половиной года активных преобразований в коннице Новгородского разряда, происходивших в тесной связи с военными действиями, серьезно изменили все стороны ее организации, вооружения, комплектования, тактики и т. д. Наметился своеобразный дуализм в плане сословности службы: сохраняясь в сотенной коннице, у гусар она даже подчеркивается, а в рейтарских полках – напротив, почти полностью игнорируется. Особенно необходимо подчеркнуть, что все это обусловлено боевой и военно-административной практикой, уроки которой постоянно осмысливались командованием и правительством.

В этой связи особняком стоит последняя по времени крупная реорганизация, осуществленная в 1662 г кн. Б. А. Репниным. Замысел ее

родился у боярина, имевшего богатейший военно-административный опыт, в том числе (и в первую очередь) в отношении войск нового строя в Смоленском и Белгородском разрядах. Решение о реформировании рейтарских полков, принимающее за основу близость к месту сбора ратных людей во Пскове, Новгороде и Великих Луках, сразу оправдало себя на практике. Разделение новгородских рейтар на два полка – из дворян и из незнатных ратников – стало новым шагом к восстановлению сословности службы, естественным в том положении. Вообще, можно констатировать, что временная замена страстного вояки Хованского на честного и опытного администратора Репнина, трезвым взглядом разобравшегося и упорядочившего полковую службу Новгородского разряда после нескольких поражений и реорганизаций, полностью оправдала себя.

Глава 3

Организация конницы Новгородского разряда на исходе войны (1662 – 1667 гг.)

§ 1. Ход и характер боевых действий. Чтобы глубже осознать суть организации конницы Новгородского разряда, сложившейся в результате реформ, необходимо остановиться на ходе боевых действий в 1662 – 66 гг. – тем более, что они почти не изучены в отечественной историографии.

Относительное затишье в Великом княжестве Литовском продолжалось с конца 1661 до осени 1663 гг. Этот период был отмечен только началом систематической борьбы за города Польской Лифляндии (т.н. “Инфлянты”) Борисоглебов (Динабург) и Лютин. Дело в том, что после битвы при Кушликовых горах, в связи со сдачей, по условиям Кардисского мира 1661 г., шведам Юрьева-Ливонского, Царевиче-Дмитриева (Кокенгаузена), Мариенбурга и др. ливонских и эстляндских городов, последовало упразднение Лифляндского полка А. Л. Ордина-Нащокина. Теперь задача обороны оставшихся крепостей была возложена на ратных людей Новгородского разряда – небольшой воеводский полк пусторжевца И.Н.Суморокова¹. Ему, а также полковому воеводе Лук Великих окольничему кн. И. П. Барятинскому (с 24 июня 1663 г.)², пришлось иметь дело большей частью с литовскими волонтерами.

Когда ввиду угрозы Смоленску было указано собирать Новгородский разряд далеко на западе (во Ржеве), беззащитность со стороны литовцев заставила псковского воеводу настоять на оставлении своих ратных людей для обороны собственного уезда; таким образом, они тоже составили отдельный полк (обычно стоявший на Опочке), сперва под началом И.А.Бутурлина (осень 1663 г.)³, затем кн. М. Г. Гагарина (зима 1663 – 64

¹ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 352. Ст. I. Л. 1, 6, 7.

² Записная книга Московского стола 7171 г. // РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 546.

³ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 113 – 116, 270.

гг.)⁴, а после длительного перерыва, в феврале 1665 г. – кн. В. Гагарина⁵. В остальное время незнатные псковичи иногда усиливали отряд Суморокова⁶.

Такое, на первый взгляд, ошибочное распыление сил оправдывало себя больше, чем сведение их в одном месте за счет оголения рубежа. Узнав о выступлении из ближайшего города русского войска, особенно с обозом и нарядом, волонтеры обычно прекращали набег и спешили уйти без боя; зато, когда кн. И. П. Бярятинский опрометчиво поспешил привести своих лучан и торопчан “полковой службы” во Ржев, полки Чернавского и Либика Кривого Сержанта выжгли и высекли посад Лук Великих и «повоевали» уезд, трижды приступали к острогу города и месяц держали его в осаде⁷. Стольнику кн. Д. А. Бярятинскому, новому “товарищу” кн. И. А. Хованского, с теми же самыми людьми, лучанами и торопчанами полковой службы, пришлось возвращаться обратно⁸. Выступая “скорым делом” против литовцев, русские не оставались в долгу: лучане при Заболотье отбили обоз Чернавского и разгромили полк Либика⁹, а Сумороков дерзким набегом “выжег и высек” Друю¹⁰. Однако, в дальнейшем действия волонтеров оказались успешными и на псковском направлении – из-за разногласий воевод и знатных дворян, а в большей степени качественной и численной слабости русских отрядов, разорения хозяйства и падения дисциплины ратных людей. Провал обороны псковских и новгородских рубежей привел даже к решению о строительстве “засечной черты” от Пскова к Витебску и Смоленску для затруднения литовских – по сути, татарского типа - набегов (20 декабря 1664 г.)¹¹. В этом случае правительство обратилось к опыту Ливонской войны, когда после

⁴ Там же. Л. 222 – 226; Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 352. Ст. I. Л. 11, 23 – 27 (наказы воеводе из Разряда и из приказа Тайных дел от 12 ноября 1663 г.)

⁵ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 188. Л. 354 – 356.

⁶ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 566.

⁷ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 178. Л. 51 – 53; Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 362. Л. 202.

⁸ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 178. Л. 86, 87.

⁹ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 362. Л. 36 – 41, 77 – 80.

¹⁰ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 352. Ст. I. Л. 96 – 100.

¹¹ Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 11. Л. 79 – 84.

взятия Полоцка, в 1564 г., были перекрыты засеками «все дороги между Невлем и Озерищем»¹².

Скудость собственных запасов и, в связи с этим, стремление во время походов снабжаться за счет территории противника были обоюдными у воюющих сторон: стратегические замыслы и ходы командования обычно, при удаче, сводились именно к этому, в чем можно убедиться и из дальнейшего хода событий.

В сентябре 1663 г. кн. И. А. Хованскому было вновь поручено возглавить полк Новгородского разряда¹³. Теперь его войско собиралось во Ржеве Володимеровой как одна из нескольких ратей, предназначенных воспрепятствовать выступившим в поход польско-литовским войскам атаковать Смоленск или пойти на Москву. Кстати, по показаниям некоторых «языков», причина королевского похода была довольно прозаична: «А пошел де король с етманом ... на государеву землю ... для того, что де в Литве стал голод и ему бы де с полскими и с литовскими людьми было чем прокормитца»¹⁴. Точно такая же мотивировка в большей или меньшей степени присутствовала и в замыслах русских воевод (точнее, высказывалась ими с большей или меньшей откровенностью).

Формально Хованский считался «товарищем» воеводы Большого полка кн. Я. К. Черкасского (Можайск)¹⁵, а при нужде «в сход» к Тарарую должен был идти второй, менее знатный «товарищ» Черкасского кн. Ю. П. Барятинский со Смоленским полком¹⁶; такая сложная система подчиненности была призвана устранить проблему местнических счетов, не затрудняя самостоятельных действий воевод. Что же касается причин такого необычного и, казалось бы, неудачного решения о сборе войск Хованского во Ржеве (а не на Луках или во Пскове), то оно, скорее всего, должно было

¹² Яковлев А. Засечная черта Московского государства в XVII веке. М., 1916. С. 17.

¹³ Записная книга Московского стола 7171 г. // РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 549.

¹⁴ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 178. Л. 48.

¹⁵ Еще летом 1664 г. переписку по оперативным вопросам Хованский вел с кн. Я. К. Черкасским (Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 132. Л. 115, 177), тогда как о беглых сообщал в Москву.

¹⁶ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 362. Л. 3.

оказать моральное воздействие на литовцев: не случайно в ноябре 1663 г. их лазутчиков на Смоленщине заинтересовал только полк именно этого, самого известного им русского воеводы¹⁷.

Между тем, еще долгое время полк не представлял собой серьезной силы: лучане на время ушли в “посылку”, псковичи так и не прибыли, а новгородцы опоздали со сбором на 3 – 4 месяца. Боярин, сообщив 26 октября 1663 г. о наличной численности войска в 533 чел., со свойственной ему прямотой писал царю, что «ратные люди из Твери к нему не бывали, а новгородцы ближайших пятин без московские высылки и долго не будут»¹⁸. Так что долгое время костяк полка составляли дворянские сотни из Ржевы Володимеровой и Зубцова, отныне вошедшие в состав Новгородского разряда; в конце концов, войско пришлось усилить и смоленскими конными сотнями¹⁹.

В декабре литовское войско, убедившись в неприступности Смоленска, двинулось в Северскую землю на соединение с польско-татарско-казачьими силами Яна-Казимира. Узнав об этом, Хованский немедленно (27 декабря 1663 г.) предложил царю совершить силами своего полка рейд по Великому княжеству Литовскому от Белой через Поречье, Толочин, Черему, Долгинов или Докшицы до Мядзел или Глубокого и далее до Жмуди, “и те места воевать, и итить без мешкоты, нигде не стоять”. Узнав о войне в своих землях, литовцы вынуждены будут поспешить с Украины обратно, и действующим там русским ратям “от них будет свобода: бес крови те люди будут выручаны”; бросят “развоевывать” уезды Новгородского разряда и литовские партизаны. Наконец, “осадные люди” из Полоцка и Витебска смогут произвести успешные вылазки в уезды и заpastись продовольствием²⁰. Подобный поход состоялся с большой задержкой, когда

¹⁷ Там же. Л. 42 – 44.

¹⁸ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 351. Л. 28.

¹⁹ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 400 (список беглых ратных людей на 17 апреля 1664 г.)

²⁰ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 180. Л. 159-168. Автор доклада не указан, но, судя по начальной фразе о получении известия об уходе литовцев на Украину во Ржеве Володимеровой

литовское войско уже начало свое бедственное отступление из-под Новгород-Северского, но все же имел громкий успех: ратники Хованского “выжгли и высекли” Дубровну, Оршу, Черю, Толочин, “жгли до самого Борисова” и разгромили в трех боях несколько неприятельских полков (16 февраля – 27 марта 1664 г.)²¹.

После этого они стянулись под Витебск, где кормились за счет подвоза продовольствия и “сбора кормов” на месте до лета. К тому времени гетман М. Пац вновь собрал войско и сумел в упорном бою на р. Лучасе разбить сильно поредевшие от дезертирства полки Хованского, так что тот с трудом прорвался “обозом” в Витебск (5 и 6 июня 1664 г.)²². Нерешительность боярина кн. Я. К. Черкасского и, видимо, упомянутая неудача привели к смене командования: главным воеводой назначался кн. Ю. А. Долгоруков²³, а на перемену Хованскому, которому было бы “невместно” оказаться у князя Юрия в “товарищах”, направлялся окольный кн. П. А. Долгоруков²⁴. В подчиненной последнему рати доля и роль частей Новгородского разряда сильно упали: более надежными и боеспособными оказались рейтары и “выборные солдаты” из Москвы.

В сентябре переформированное войско двинулось к Полоцку, разбив при Чашниках полковника Лукомского (25 сентября 1664 г.)²⁵. Соединившись с Лифляндским полком Суморокова, Долгоруков осадил Дисну, но вскоре его товарищ кн. Д. А. Барятинский потерпел поражение “за Лушками на бою в четырех верстах” (11 октября), что вынудило князя Петра

(автором проекта), и нахождению сразу после него в столбце росписи ратных людей Новгородского разряда во Ржеве, это Хованский.

²¹ Ф. 210. Смотреные списки. № 20. Л. 640, 641.

²² Там же; Витебская старина. Витебск, 1888. Т. 4. Отд. 2. С. 235 (обстоятельства боя); Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 515 – 517 (вести о разгроме).

²³ С данной сменой командования связан эпизод бегства подъячего Г. Котошихина в Литву: по его словам, кн. Ю. А. Долгоруков потребовал у него ложного поклепа на прежнего воеводу, кн. Я. К. Черкасского (Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 3-е. СПб., 1884. С. XIX - XXI).

²⁴ Витебская старина. Витебск, 1888. Т. 4. Отд. 2. С. 196; Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 132. Л. 242; Книги Новгородского стола. № 11. Л. 9.

²⁵ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 188. Л. 274 – 278.

поспешно отойти к Полоцку²⁶. Здесь он получил подкрепление из войск брата, но новгородцы отказались выступить к Витебску из опасения окончательно поморить лошадей без корма (ноябрь)²⁷. Тогда кн. Петр отошел на Невль и на Луки Великие, где и распустил ратных людей Новгородского разряда по домам²⁸.

Для обороны Полоцка, Невля и Лютина были оставлены немногие регулярные части из Москвы и Смоленска, но очередной глубокий набег литовцев вновь выявил совершенную незащищенность уездов Новгородского разряда. Полки Чернавского и Соломоновича (1,5 – 2 тыс. чел.), выступив 20 декабря из-за Двины, вдоль шведского рубежа дошли до Псково-Печерского монастыря, в 20-х числах января штурмовали Порхов, затем отошли к Острову и при выступлении на них полка кн. В. М. Гагарина из Пскова спокойно удалились к Двине, где и поделили добычу. Несмотря на то, что воеводы своевременно узнавали и о подготовке этого набега, и о передвижениях волонтеров, они ничем не смогли помешать им, отговариваясь нехваткой и “безконством” ратных людей²⁹. Более того, из-за опасения литовцев в Борисоглебов не прошли очередные подкрепления и обозы с хлебом³⁰. Необходимо было срочно спасти положение, и вслед за указами о немедленном сборе полка Новгородского разряда во Пскове туда были направлены боярин кн. И. А. Хованский в полковые, а окольный А.Л.Ордин-Нащокин – в осадные воеводы. Прежний же воевода, кн. Ф.Г.Ромодановский, получив выговор за нерадение, был отозван в Москву³¹.

Нехватка боеспособных людей в разряде снова привела к ужесточению норм набора: с поместий отставных дворян, вдов и недорослей, а также с

²⁶ Записные книги Московского стола. I (1664 – 1665 гг.) // РИБ. СПб., 1889. Т. 11. С. 86, 87, 90, 95 (о бое); Ф. 210. Смотровые списки. № 20. Л. 386 – 404 (до 11 октября в «приездах» записывались под Дисной, а с 12-го – в Полоцке); Ф. 210. Дела десятиен. № 276. Л. 172 – 176 (раненные “за Лушками на бою в четырех верстах”); Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 187. Л. 141.

²⁷ Записные книги Московского стола. I (1664 – 1665 гг.) // РИБ. СПб., 1889. Т. 11. С. 86.

²⁸ Там же. С. 96, 103; Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 11. Л. 74 – 76.

²⁹ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 187. Л. 119, 153, 154, 158; Там же. № 188. Л. 94, 95, 219 – 222, 279, 354 – 357, 366.

³⁰ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 188. Л. 102, 103, 399.

³¹ Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 11. Л. 85 – 88; Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 188. Л. 363 – 366, 406, 407 (выговор), 460.

церковных земель стали брать конного даточного с 15 дворов³²; подобная повинность впервые была распространена и на монастыри Тверского уезда³³; в полк вновь назначались испомещенные в Новгородском разряде московские чины³⁴; направленным из Москвы “высылщикам” было предписано отправлять в полки и недорослей, и отставных, что “хоть мало” годятся к службе, и даже “жилецких людей” разного чина конных с ружьем³⁵! На этот раз, налаженная уже система сборов не дала серьезных сбоев: уже к концу марта во Пскове собралось не менее 3500 чел.³⁶, да еще более тысячи прибыло из Торопца на Луки Великие с кн. Петром Ивановичем Хованским³⁷, назначенным в “товарищи” к отцу воеводой Луцкого полка.

Оперативная обстановка, казалось бы, уже не требовала широкомасштабных операций, но в дело вновь вмешалась большая политика. В это время в Речи Посполитой вспыхнула гражданская война между поборниками наследственной власти короля Яна Казимира и сторонниками шляхетских вольностей, объединившихся вокруг могущественного магната Е. Любомирского. Литовский гетман М. Пац принял сторону короля, шляхта же на Литве, как и в Короне, разделилась³⁸. Контакты с представителями Любомирского и военное давление на Литву облегчали русской дипломатии переговоры о мире³⁹. На уровне же Новгородского разряда это вылилось в два последних для него за эту войну, т.н. “борисоглебских” (“летний” и “зимний”) похода 1665-66 гг.

³² Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 32, 427; Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 188. Л. 434, 435.

³³ Записные книги Московского стола. I (1664 – 1665 гг.) // РИБ. СПб., 1889. Т. 11. С. 289, 299.

³⁴ Там же. С. 319.

³⁵ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 188. Л. 238 – 242, 375, 376.

³⁶ 1317 чел. из Новгорода, 565 чел. московских стрельцов, более 1100 чел., собранных во Пскове, и не менее 365 чел. сомерских драгун (Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 188. Л. 409 – 413, 496 - 498).

³⁷ Там же. Л. 432, 433.

³⁸ Polski Słownik Biograficzny. Wrocław, 1979. Tom XXIV. Z. 4. S. 723.

³⁹ Соловьев С. М. Сочинения. М., 1991. Кн. VI. С. 166 – 181.

Первый из них кн. Хованский начал только после сбора последних конных ратников 9 июля⁴⁰. Соединившись на Опочке с Луцким полком своего сына, он повел 6000 воинов к Друе, которую занял 5 августа после боя его казаков с литовскими волонтерами «об реку» и наведения понтонной переправы через Двину. Затем, “собрав ... людей дворянских всех у ково сколко есть, болши трех тысяч, и учиня им значки, и построя ротами”, боярин отправил их с казаками “в войну”, собирать “кормы” и печь хлеб за реку, оставив дворян у города, а регулярные полки – “в справе” в обозе. 12 августа, собрав загонные отряды, воевода отправился к Борисоглебову, гарнизон которого был снабжен собранным ратными людьми хлебом.

Вечером 24 августа, узнав о подходе литовских полков Чернавского и Соломоновича, Хованский “со товарищи” выступил на них “построясь и ополчением”. Бой, однако, велся исключительно передовыми сотнями: при появлении основных сил Хованского литовцы отходили, а утром 26 августа вообще бросили обоз и бежали. Через неделю же и боярин, прослышав о спешном сборе всего войска гетмана Паца, счел за благо увести свои полки обратно на Опочку: задачу они выполнили, а надежд на победу в открытом бою оставалось уже слишком мало⁴¹. На Опочке, где местность была “нежилой”, он также задержался недолго и в начале октября, отпустив полк своего сына на Луки Великие, отступил во Псков, где провел тщательный “разбор” служилых людей⁴².

Выплата жалованья участникам похода состоялась после 29 ноября⁴³, а в дальнейшем, поскольку угроза новых набегов противника сохранялась, ратные люди не были распущены по домам вовсе. Для лучшего прокормления в зимнее время их разместили в окрестностях Пскова по архиепископским и монастырским вотчинам: «по человеку да по лошади на крестьянской двор, а салдат и стрелцов новгородских по два человека на

⁴⁰ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 188. Л. 491 – 498.

⁴¹ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 148. Л. 23-25, 43 - 45.

⁴² Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 1 – 12, 27, 126; Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 12 (данные разбора).

⁴³ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 294, 295.

двор»⁴⁴. Данная мера привела к тому, что при выступлении в зимний поход (1 марта 1666 г.), ратных людей оказалось в строю больше, чем предыдущим летом (5085 против 4605 чел.⁴⁵).

Указ об этом походе государь отдал после ряда настоятельных просьб о выручке борисоглебского воеводы Б. Неклюдова, тесно обложенного литовскими полками⁴⁶. Несмотря на тяжелейшие условия: бескормицу, “небитый путь” глубокими снегами, опасность внезапного нападения противника, – поход был совершен образцово. В коротком бою 18 марта Хованский одержал победу и вынудил противника полностью очистить северный берег Двины, на котором и стоял город. Литовские шанцы здесь были разрушены, а борисоглебский гарнизон в избытке снабжен боеприпасами, продовольствием и “служилым платьем” из Москвы. После этого полк немедленно покинул безлюдную местность и без боя вернулся обратно во Псков⁴⁷.

В двух последних походах участие в боях дворян и детей боярских было сведено к минимуму, причиной чему послужил все тот же низкий моральный уровень этих ратных людей. Недовольные крутыми мерами Хованского по экономному и рациональному распределению скудного жалованья, некоторые из них, начиная с 1664 г., составляли “коллективные” челобитные (термин XX в.) на боярина, требуя его смещения⁴⁸.

⁴⁴ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 148. Л. 111, 112.

⁴⁵ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 547, 548; Столбцы Новгородского стола. № 188. Л. 496 – 498.

⁴⁶ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 195.

⁴⁷ Там же. Л. 478 – 492.

⁴⁸ Часть дела о «заводной воровской челобитной» на кн. И. А. Хованского (Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 469) была опубликована С. М. Соловьевым (Соловьев С. М. Сочинения. М., 1991. Кн. VI. С. 601 - 603); позже оно попало в поле зрения таких исследователей, как А. А. Новосельский (Город как военно-служилая и как сословная организация провинциального дворянства в XVII в. // Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 196), О. Е. Кошелева (Коллективные челобитья дворян на бояр (XVII в.) // Отечественная история. 1982. № 12. С. 171 - 177), И. Л. Андреев. (Дворянство и служба в XVII веке // Отечественная история. 1998. № 2. С. 164 – 175) и др. Большинство из них рассматривает конфликт в тоне, заданном еще Соловьевым: осуждение излишней жестокости и бездарности Хованского, - не имея понятия об истоках дела, обычаях дворян разряда и конкретной военной обстановке. Лишь Новосельский, чьи работы вообще не страдают указанными недостатками, указал на лживость обвинений челобитной и недобросовестность дворян.

Воевода знал об участии одного из своих предшественников, боярина кн. С. А. Урусова, на которого была также подана «челобитная Новгородского разряду ратных людей» (т. е., дворян и детей боярских) и которому за его грубости грозила, хотя бы формально, смертная казнь или ссылка в Сибирь⁴⁹. Это не могло не беспокоить Хованского и вынуждало его с волнением жаловаться царю на верхушку новгородцев, от которых стал «ненавидим..., будто от меня разбор учинился и что не отпустил к тебе, Великому Государю, челобитчиков их бить челом об отпуске – а говорил им, что неприятель стоит за Двиною в собрание: как вам бить челом об отпуске?». Сам он объяснял появление в Москве их «заводной челобитной» недовольством состоятельных дворян, обойденных при распределении жалованья: боярин, выплачивая беспоместным по 15 рублей, производил вычет по рублю за двор во владении, так что имевшим более 15 дворов крестьян денег не досталось.. Челобитная, по его словам, «полковая, только полк про нее не ведает, а завели те челобитные ведомые составщики и гилевщики новгородцы Петр Арцыбашев [...], князь Иван Мышецкой, Василей Ушаков, Афанасей Уваров...». Для подтверждения ее массовости Арцыбашев «призвал к себе и к советникам своим невинных, которые подобострастны им, велят руки прикладывать, напоя пьяных, а иным неволею»⁵⁰ - т. е., «сильные люди» города подкрепляли свои действия голосами «подобострастной» им служилой мелкоты.

В подкрепление своих слов боярин сумел собрать заверения со стороны других дворян и детей боярских об их непричастности к такому «воровству», но все же, многие данные говорят об общей усталости от войны служилых людей «по отечеству». На личном уровне это недовольство

⁴⁹ Ф. 233. Опись 1. № 102. Л.110; судя по тому, что престарелый боярин умер под Ригой на службе в составе Государева полка, приговор был отменен (см.: Бычкова М. Е. Состав класса феодалов в XVI в.: Историко-генеалогическое исследование / ред. С. М. Каштанов. М., 1986. С. 188.)

⁵⁰ Соловьев С. М. Сочинения. М., 1991. Кн. VI. С. 601, 602.

проявлялось в более частой сдаче в плен в бою и на “подъездах”⁵¹ или даже к измене и переходе на службу к литовцам⁵². Видимо, именно конец этой войны стал отправной точкой того отношения к службе многих дворян, которую с негодованием обличал Посошков: “Дай де Бог великому государю служить, а сабли из ножен не вынимать”⁵³.

Между тем, необходимость борьбы с грабительскими набегами литовцев сохранялась, и вся тяжесть ее поначалу легла на пехоту и казаков порубежных крепостей Новгородского разряда. В 1665-66 гг. командование нашло оригинальное решение данного вопроса: на Опочке и на Луках Великих, в Лютине и Борисоглеbove оно разместило станицы донских казаков. Несмотря на то, что многие донцы были пешими, они не только искусно боролись с неприятельскими “загонами”⁵⁴ и бились в ертоуле, в “стравщиках” перед главными силами, но и сами успешно ходили в набеги в литовскую землю. Особенно широкий размах эти их походы “за зипуном” приняли в мае-июне 1666 г., когда одновременно три станицы (из Лютина, Опочки и Лук Великих) “воевали” – кто на суше, а кто – и на стругах по Двине – в Инфлянтах и Белоруссии. Грабежи и насилие над их жителями вызвали вал челобитных в связи с остановкой боевых действий с конца мая-начала июня 1666 г., когда начались переговоры в с. Андрусово. Воеводам было настрого предписано пресечь подобное в дальнейшем⁵⁵.

Нельзя не отметить связь этих событий с выступлением атамана Василия Уса, которое также произошло летом 1666 г. и рассматривается в историографии как пролог к восстанию Стеньки Разина. Казаки шли на

⁵¹ Только «на погосте в Горках на подъезде» (30 июня 1665 г.) в полон попали сразу 14 чел. сотенных дворян и детей боярских Луцкого полка (Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 7. Л. 352 - 366).

⁵² Сразу 10 изменников указано кн. И. А. Хованским у новгородских рейтар к марту 1666 г. (Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 540).

⁵³ Посошков И. Т. О ратном поведении (1701 г.) // Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / ред. Б. Б. Кафенгауз. М., 1951. С. 268.

⁵⁴ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 187. Л. 163, 164; № 188. Л. 495; Столбцы Московского стола. № 374. Л. 104, 165, 166, 202 – 204.

⁵⁵ Столбцы Московского стола. № 374. Л. 34, 37, 72, 173 – 191, 255 – 257.

государеву службу в расчете на богатую добычу, о которой им, наверняка, стало известно от их товарищей, воевавших у Хованского и под Смоленском.

Неспокойство на юге России, поражение Яна Казимира в гражданской войне и турецко-татарская угроза обоим государствам заставила стороны, наконец, пойти на мирные переговоры и обоюдные уступки. С лета 1666 г. служба конных ратников Новгородского разряда свелась к усилению гарнизонов Борисоглебова, Полоцка и Витебска для пресечения измены мещан и содержания застав от обоюдных грабительских набегов⁵⁶. По условиям Андрусовского перемирия 1667 г. все эти города были возвращены Речи Посполитой и остались там почти до конца существования этого государства; по договору 1679 г. в обмен на Киев полякам вернули и порубежные Себеж, Невель и Велиж... На первый взгляд, борьба на этом направлении привела только к обоюдному разорению Литвы и Новгородской земли и гибели лучших их воинов. Однако, в более широком контексте, героическая, хотя местами и неприглядная эпопея ратных людей Новгородского разряда, несомненно, внесла существенный вклад в общий победный исход войны и сокрушение военной мощи Речи Посполитой, которая с этого момента стремительно теряет статус самостоятельного субъекта европейской политики и становится объектом политических игр и влияния ее соседей.

§ 2. Боевые подразделения конницы Новгородского разряда в 1662 – 67 гг.

В **сотенной службе** (к концу войны состоящие в ней все чаще назывались просто людьми «полковой службы») необходимо выделить тенденцию нового роста ее значения, связанную с реорганизацией разряда и временным ослаблением полков нового строя. Общая слабость новгородской конницы привела к тому, что с 1662 г. жильцы и иные «московские чины», имевшие поместья и вотчины в уездах Новгородского разряда, стали систематически направляться на службу не в Москву, а в этот полк,

⁵⁶ Там же. Л. 224, 225, 503 – 506.

составляя там особую, первую по списку сотню. В 1665 г. это привело к упразднению Выборной сотни (вслед за Подъезжей, которой не стало уже с 1661 г.)⁵⁷, функции которой перешли к московскому отряду. С 1663 г. ржевичи и зубчане также поголовно пополнили “сотенную службу”, поскольку не имели еще в своей среде гусар и рейтар для полков разряда.

Одной из основных проблем новгородской конницы на последнем этапе боевых действий являлось обеспечение лошадьми. Не смотря на то, что в сотенную службу попали наиболее знатные и состоятельные дворяне, их положение после тяжелых служб 1660 – 61 гг. в этой области оставляло желать лучшего. Кн. Б. А. Репнин писал о том, что «добрых и оружных» среди элиты конницы половина, а у новгородцев – вообще треть, а остальные бедны – «и добрые малоконны, а бедные все бесконны». Правда, на фоне плачевного состояния рейтар это было еще не плохо⁵⁸. Вообще, в период кризиса 1661 - 64 гг. боевое значение сотенной службы увеличилось: из элиты конницы она превратилась просто в основной ее вид, поскольку у большинства рейтар просто не было лошадей. Кроме того, уровень «нетства» и бегства из полков был среди них сравнительно небольшим. Так, после поражения под Витебском (6 июня 1664 г.) на смотре под Велижем (2 июля) конница Новгородского разряда состояла из 1055 чел. в сотнях, при 360 чел. в рейтарской и 261 чел. – в гусарской службе⁵⁹. И это при том, что по «по наряду» 1662 г., как и в предыдущие три года, ратные люди «нового строя» составляли гораздо более половины конницы.

В отличие от хорошо обеспеченных дворян, станицы вольных казаков сотенной службы превратились в пехоту. В 1662 г. Репнин писал: «Донских, и морских, и копорских казаков 443 ч. Из них 90 ч. морских добры гораздо, а малоконны и бесконны, доведетца им дать жалованье и на лошади; а

⁵⁷ В “чиновной книге” полка кн. И. А. Хованского 1664 г. упомянут только голова Выборной сотни (Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 640, 641 – см. также прим. 31 Главы 2 данной диссертации); по росписям 1665 и 1666 г., отсутствует и Выборная сотня (Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 1, 2, 536, 537).

⁵⁸ Веселовский С.П. Сметы ...С. 12.

⁵⁹ Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 11. Л. 17.

копорские добры-ж, а бесконны; а донские худы, и воры, и бедны, и бесконны»⁶⁰. Станица копорских казаков, слитая с сомерской, иногда выступает в качестве конной (в 1662 г. и летом 1666 г.), однако, морские (прибывшие с Дона в Москву пешими, «на судах») и прочие донские казаки, за некоторыми исключениями, так и остались пешими до окончания боевых действий⁶¹.

И все же в последние походы войны (до 1666 г.) организационно конница Новгородского разряда выступала практически в том же виде, что и при воеводе кн. Б. А. Репнине (1662 г.), и чтобы лучше понять причины жизнеспособности его реформы, целесообразно остановиться на истории и организации созданных им полков.

Первый Новгородский полк рейтарского строя (“Великого Новгорода Дворянской полк”).

Его начальные люди считали полк прямым наследником прежнего полка Д. Д. Фонвизина – К. Фанбуковена, исходя из преемственности офицерского корпуса. Что же касается рядового состава, то он включил в себя дворян и детей боярских рейтарского строя всех пятин Великого Новгорода, Твери, Торжка, Старицы, а также митрополичьих детей боярских и новгородских новокрещенов. Таким образом, в нем были объединены служилые “по отечеству” обоих полков, сформированных в 1659 г. в Новгороде (Д. Фонвизина и М. Реца), почему в 1665 г. Хованский справедливо назвал его “Великого Новгорода Дворянским полком”⁶². Все эти годы возглавлял подразделение иноземец полковник Яков Одоврин (или Одобрин - O' Dobbern), а в его отсутствие – майор С. С. Веревкин или подполковник Б. Шулепников.

Численность полка напрямую зависела от мобилизационных возможностей служилых “городов”, поставлявших в него рейтар. Это

⁶⁰ Веселовский С.П. Сметы ...С. 13.

⁶¹ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 11 (донские и копорские казаки пешие в 1665 г.), 220 (они же конные 1666 г.).

⁶² Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 4.

отличает его от остальных полков рейтарского строя Новгородского разряда, которые комплектовались фиксированным числом даточных с монастырей или станицами казаков относительно стабильной численности. Два самых неудачных и бедственных года всей войны (1659 – 61 гг.) опустошили ряды дворян: от полутора тысяч их в полках Д. Фонвизина и М. Реца к августу-сентябрю 1662 г. в строю осталось 530 новгородцев всех пятин, тверичей, новоторжцев и старичан, 14 новокрещенов да 43 митрополичьих сына боярских. Да и у тех состояние было плачевным: “добры..., а все малоконны, а иные и бесконны” – писал о них кн. Б. А. Репнин⁶³. При отъезде в Москву боярин сдал полк в числе остальных войск своему сыну, кн. Ивану, а последний распустил всех дворян и детей боярских по домам по указу от 13 февраля 1663 г.⁶⁴

Летом из рейтар новгородских пятин с огромным трудом удалось набрать небольшой отряд для “посольской службы” – почетной охраны русской делегации на переговорах со Швецией. Как известно из сообщения Г. Котошихина, такие “посольские съезды” было принято сопровождать 200 чел. конницы (в данном случае, двумя ротами рейтар) и двумя сотнями стрельцов⁶⁵. Рейтары для этой службы высылались в Великий Новгород прямо из поместий – по указу от 1 июня 1663 г. 200 чел. “выборных добрых, и полных, и одежных, и конных, и оружных, и людных людей со всею с полною службою”⁶⁶. С большим опозданием собрали только 160 чел. (по 80 в роте), которых с ротмистрами А. Свербеевым и С. Ушаковым отправили во Псков. Разъехавшись по домам в январе 1664 г., эти рейтары избегали высылки на службу еще более полугода⁶⁷, что серьезно ослабило полк Я. Одоврина.

⁶³ Веселовский С.П. Сметы ..., С. 11, 12.

⁶⁴ Записная книга Московского стола 7171 г. // РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 508.

⁶⁵ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 3-е. СПб., 1884. С. 60.

⁶⁶ Записная книга Московского стола 7171 г. // РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 538.

⁶⁷ Еще в нач. июля 1664 г. новгородский воевода кн. И. Б. Репнин писал, что «рейтары посольские» к Хованскому в полк не высланы (Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 535).

Осенью был объявлен новый сбор войск на Ржеве Володимеровой, но из Новгорода отправка в полк была задержана на беспрецедентно долгий срок – с сентября по конец декабря 1663 г. Пожалуй, важнейшими причинами этого стали долгое отсутствие в полку денег на обычное “подъемное” жалованье перед походом⁶⁸, а также казенных и частных (для продажи) хлебных запасов для прокормления «ратным болшим людем» во Ржеве⁶⁹, что не могло быть утаено от дворян. Только ближние к городу ржевичи, зубчане, тверичи и их соседи были вскоре высланы прибывшими из столицы московскими дворянами, но и те, простояв там некоторое время без корма, денег и всякого движения, вскоре вновь побежали по домам. Хованский послал воеводам списки “нетчиков”, требуя применять к ним новый способ воздействия – сажать в тюрьму крестьян из поместий беглецов⁷⁰. Кроме угроз репрессий, в одной из последних отписок в Новгород об ускорении высылки ратных людей прозвучал новый довод: “И ... великого государя указ велено им сказать: по ... великого государя указу боярину и воеводе князю Ивану Ондреевичу Хованскому с ... великого государя ратными людьми велено итти в войну за Двину, для того: которые полские и литовские люди были около Смоленска и в ыных местех, и те все пошли на Украину. И они б, дворяне и дети боярские и гусары и рейтары и всяких чинов служилые конные и пешие люди, на ... великого государя службу шли з болшим раденьем и поспешеньем безо всякого мотчанья”⁷¹. 24 декабря 1663 г. жалованье для войск Новгородского разряда все же выслали, и рейтары получили серебряные деньги по двум статьям – по 15 или по 10 руб.⁷²

⁶⁸ Большая серебряная казна (20 000 руб.) была прислана к сентябрю во Псков, где первоначально планировался сбор всего разрядного полка, но большую часть этих денег городской воевода раздал местным ратным людям и съехавшимся офицерам разряда и к 19 октября сообщил Хованскому, что денег во Ржев не вышлет (Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 355. Ст. II. Л. 11, 12). Только после этого последовала отправка новой «денежной казны» из Москвы. (Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 11. Л. 16.)

⁶⁹ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 351. Л. 127.

⁷⁰ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 362. Л. 14.

⁷¹ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 310.

⁷² Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 11. Л. 16.

Несмотря на это, полк собрался настолько слабый, что его пришлось усилить рейтарами из Торопца, несколькими даточными из поместий, а также рейтарами замосковных и южных уездов (известно о 5 одоевцах, володимерце, прончанине, ефремовце и “иноземце” Е. Ф. Волкове)⁷³. Если обнаруженная черновая роспись принадлежит к началу 1664 г., он состоял из 423 рядовых, 15 музыкантов и 50 начальных и иных людей штаба – правда, еще без торопчан. Надо сказать, что массовое дезертирство, поразившее войска Хованского под Витебском в апреле – июне 1664 г., у рейтар Одобрина оказалось гораздо ниже, чем в других полках (20 чел. до конца мая и 53 чел. в первой декаде июня)⁷⁴, что сближает их с сотенными и гусарами своих “городов”.

Распущенные по домам в декабре, новгородцы стали вновь срочно высылаться на службу уже через два месяца. Кн. И. А. Хованский принял их в Новгороде 14 марта 1665 г.⁷⁵, но на этот раз со сбором задержались уже новоторжцы, тверичи и старичане⁷⁶. Несмотря на то, что торопецкие рейтары и конные даточные вернулись в прежние полки, а дети боярские Софийского дома были переведены во 2-й новгородский полк (как митрополичьи даточные), численность “Дворянского полка” по списку составила 782 чел. в 1665 г. и 876 чел. – к 1 марта 1666 г.⁷⁷ Прирост был достигнут за счет увеличения боевого состава служилых “городов” путем “новичных” верстаний и возвращения в строй (из плена и после ранения) старых бойцов. Тем не менее, проблемы с “конностью” и “оружностью”⁷⁸ ратных людей и их явкой в полк сохранялись: в поход 1665 г. (в июле) двинулось только 548 конных и 60 пеших рейтаров⁷⁹, а в 1666 г. – 522 конных и 66 пеших. Уровень

⁷³ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 180. Л. 7, 8, 118 – 120.

⁷⁴ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 180. Л. 7, 8, 94 – 101, 118 – 120.

⁷⁵ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 188. Л. 409 – 411.

⁷⁶ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 187. Л. 170.

⁷⁷ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 4, 540.

⁷⁸ В марте 1665 г. рейтарам Я. Одобрина было выдано в зачет будущего жалования 313 карабинов и 258 пар пистолей (Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 188. Л. 150 - 152); через полгода 58 рейтар из Твери, Торжка и Старицы обратились с просьбой о невычете денег за оружие из-за их бедности (Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 264 - 268).

⁷⁹ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 188. Л. 496.

“нетства” составил 82 чел. на 8 октября 1665 г. и 265 чел на 1 марта 1666 г. Не смотря на это, можно констатировать, что к концу войны полк стал наиболее многочисленным конным подразделением Новгородского разряда, за счет естественной стабилизации численности служилых людей “по отечеству” в уездах округа.

Судя по числу начальных людей, полк постоянно делился на обычные 10 рот. Черновая роспись, составленная, скорее всего, в начале 1664 г.⁸⁰, показывает распределение рейтар по ротам:

1-я рота – Деревская пятинна (42 чел.), новокрещены (15 чел.), даточный (1 чел.);

2-я рота – Обонежская пятинна (40 чел.);

3-я рота – Бежецкая пятинна (41 чел.);

4-я рота – Бежецкая пятинна (42 чел.), новокрещены (3 чел), даточный (1 чел.);

5-я рота – Водская пятинна (15 чел.), Торжок (19 чел.), из вольных (1 чел.), даточный (1 чел.);

6-я рота – Тверь (28 чел.), Старица (7 чел.), Обонежская пятинна (1 чел.), даточные (3 чел.);

7-я рота – Деревская пятинна (15 чел.), Бежецкая пятинна (12 чел.), Обонежская (4 чел.), “розных городов” (7 чел.), митрополичьи дети боярские (6 чел.);

8-я рота – Деревская пятинна (1 чел.), Бежецкая (1 чел.), митрополичьи дети боярские (34 чел.).

Да не вошли в роспись 102 новгородца всех пятин, видимо, прибывших позже и еще не разделенных по ротам. Перед каждым походом рейтары, должно быть, распределялись по этим ротам по-новому – как и прежде при

⁸⁰ Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 60. Л. 170 – 172. По этому списку, в полк уже входят даточные, вольные и «разных городов» рейтары, которых еще не было в 1662 г., а также дети боярские Софийского дома, которые в 1665 г. перешли в полк Г. Фоншеина; в нем еще нет торопчан, поступивших в состав полка в начале 1664 г. Не ясно лишь, почему в списке следующего полка, Г. Фоншеина (Там же. Л. 173 -175), указаны монастырские даточные, находившиеся тогда в Лютине (что не позволяет уверенно датировать роспись).

рописи в сотни. Особенно ярко это проявилось при несении “посольской службы” в июне 1666 г., когда две роты было велено выслать из собранных во Пскове войск кн. И. А. Хованского. Князь сразу же отправил майора Степана и ротмистра Меньшого Веревкиных, а также по паре поручиков и прапорщиков со всеми рейтарами Водской и Шелонской пятин (по 66 чел. в роте), с приказанием по пути в Новгород пополнять роты за счет задержавшихся в поместьях⁸¹ – видимо, по его расчету как раз и выходили требуемые 160 – 200 чел.

О боевом применении рейтар Одобрина в 1662 г. сведений нет – известно только, что на Опочке к 5 октября находились “в посылке” (видимо, с ротой) поручик И. А. Толстой с прапорщиком⁸². Зато в походе 1664 г. полк развил самую активную боевую деятельность. Он участвовал в рейде по Литве февраля – марта 1664 г., в боях под Витебском (5 – 6 июня), под Чашниками при разгроме и пленении полковника Лукомского (25 сентября)⁸³ и “за Лушками на четырех верстах”, где в числе прочих был побит Чернавским и Дятловичем (11 октября)⁸⁴.

Полк находился в боевых порядках войск Новгородского разряда в обоих “борисоглебских” походах. К 1 марта 1666 г. по отчету Хованского 17 чел. из полка считались без вести пропавшими, а еще 10 – “изменили” (других потерь не было)⁸⁵. Последние сведения вновь обращают нас к очередному всплеску противостояния новгородской служилой корпорации со своим полковым воеводой – на этот раз, с кн. И. А. Хованским.

Рейтары полка во всем чувствовали себя частью своих “городов”, пусть и наименее “честной”. Они являлись на место сбора в числе сотенных и гусар своих уездов, высылаемые теми же “высылщиками” и воеводами, так же расписывались “в приезде” и могли иметь собственных “людей в кошу”; во

⁸¹ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 430, 431.

⁸² Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 510. Л. 53.

⁸³ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 188. Л. 274 – 278.

⁸⁴ Ф. 210. Дела десятен. № 276. Л. 172 – 176; Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 187. Л. 141.

⁸⁵ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 540.

время составления “заводных челобитных” на Хованского они держались “сильных людей” своего города⁸⁶.

Великого Новгорода второй полк рейтарского строя. Полк Готлипа Фоншеина.

Новый полк начал создаваться не позднее мая 1662 г. с прибытием в Новгород полковника Г. Фоншеина и иных иноземных начальных людей и рядовых рейтар⁸⁷. На съездем дворе полка началось обучение музыкантов (из вольных людей и городских казаков); до 17 мая проведен осмотр оружия у монастырских слуг, а 14-го из Ладоги отправились в Новгород ладожские казаки рейтарского строя⁸⁸. К концу июня формирование полка было завершено, и он в силе 477 чел. отбыл на Опочку в составе передового отряда стольника кн. С. И. Львова⁸⁹.

Новгородские казаки ранее состояли в полку Д. Д. Фонвизина – К. Фанбуковена (1-м новгородском), а в 1661 г. еще и в новом Р. Дукляса; ладожские воевали под началом полковников М. Реца и Я. Бильса (второй новгородский полк). Весной 1662 г. ладожские казаки съездили “для лошадиные покупки на Тихвину и в Заонежье” и уже в конном строю прибыли в Новгород⁹⁰; новгородские же получили по раздаче карабины⁹¹ – видимо, в зачет уже будущего жалованья. Эти две с половиной сотни служидых “по прибору” были дополнены 112 “новоприборными рейтарами”⁹² из “вольных людей” набора 1661 г. – по всей видимости, жителями Новгорода и его пригородов. Обе группы служили за денежное и хлебное жалованье из казны. Так, известно, что до 20 мая несколько “новгородских казаков рейтар и даточных”, записавшись в приезде и взяв

⁸⁶ Соловьев С. М. Сочинения. М., 1991. Кн. VI. С. 601.

⁸⁷ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 342. Ст. II. Л. 63-65 (челобитье иноземцев нач. людей о хлебном жаловании от 24 мая 1662 г.); разные списки их (10 – 15 чел.) см.: Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 127. Л. 51, 52; Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 510. Л. 22 – 26, 60.

⁸⁸ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 126. Л. 57 об., 21, 54.

⁸⁹ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 127. Л. 305.

⁹⁰ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 126. Л. 54.

⁹¹ Там же. Л. 129.

⁹² Веселовский С.П. Сметы... С. 11.

государево жалованье, сбежали из Новгорода. В Шелонскую пятину высельщикам были посланы “памяти” об их поимке, где перечислялись пять казаков, “живут за озером”, и несколько новоприборных рейтар⁹³.

Совершенно своеобразными оставались условия службы у даточных – второй половины полка. Эти даточные, в массе своей разбежавшиеся из полков еще до боя у Кушликовых гор, были собраны через 1 – 2 месяца в городах уже не по полкам, а по принадлежности к тому или иному уезду. В марте 1662 г. все они: монастырские и помещичьи, сотенные и рейтары, – вместе били челом о жаловании кн. Б. А. Репнину. Последний выплатил им по 30 рублей – т. е., “с прибавкою” против прошлого года (в 1661 г. им давали на подъем по 20 руб. медных денег)⁹⁴, но это все равно не шло ни в какое сравнение с жалованьем остальных рейтар (100-140 руб.)⁹⁵.

Монастырские власти сами отвечали за полноту и качество вооружения своих слуг-рейтар: “чтоб у всякого человека была пара пистолей, да карабин, да сабля”; они же должны были обеспечить каждого “хлебными запасами” (в походе 1662 г. они включали в себя по три полуосьмины сухарей, четверик толокна, четверик круп, полпуда соли). Полковник проверял качество и полноту вооружения и хлебного запаса, и по его росписи воевода разряда отправлял “памяти” в соответствующие монастыри с требованием устранить недостатки. В отношении слуг полковник имел власть и обязанность следить и “накрепко” наказывать, вплоть до битья кнутом “нещадно”, если слуга не бережет эти запасы, продает или пропивает их⁹⁶. Боярин Репнин был недоволен качеством этих даточных, что “ставятца они лошадьми, и кормом, и ружьем самую дорогою ценою”, а “с рейтарскую службу их не будет”⁹⁷, однако полковник Фоншеин, видимо, оказался иного мнения: иначе он вряд ли бы составил свою (первую) роту исключительно из служек Юрьева (23

⁹³ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 126. Л. 334 об. – 126.

⁹⁴ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 127. Л. 115, 116.

⁹⁵ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 125. Л. 230, 315, 318 – 330.

⁹⁶ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 126. Л. 21 (память Новгородского Юрьевского монастыря архимандриту Феодосию “с братьею”), Л. 218 (память полковнику Г. Фоншеину от 28 июня 1662 г.)

⁹⁷ Веселовский С.П. Сметы... С. 13.

чел.), Хутыня (35 чел.) и Антоньева (15 чел.) монастырей; майор полка поступил со своей (второй) ротой аналогичным образом⁹⁸. В целом, можно констатировать, что условия службы монастырских даточных не претерпели никаких изменений с начала до конца войны: менялось лишь место этой службы, нормы набора и, соответственно, организация их подразделений (сравните с § 4 Главы 2).

Прекрасное представление о порядке службы дворянских даточных полка дают “распросные речи” беглого рейтара Петра Патрикеева, приведенного пушкарем Устюжны Железнопольской к местному воеводе 4 февраля 1666 г. Он оказался крестьянином “села Никифорово, деревни Лукьянцова”, принадлежащей Тихвинскому “Девичу” (Введенскому) монастырю – заметим, что Тихвинские монастыри ввиду своего расположения были освобождены от поставки конных даточных в полк Новгородского разряда⁹⁹. Вдовы Федора и Семена Лаптевых, Фоки Долгорукова и иные “по складу с пятнатцати дворов” (по нормам уже 1665 г.) наняли его “в конные датошные”. “А взял де я с них семдесят рублей..., а денги де у меня наемные с них, у ково я нанялся, взяты не все, а недоимки у меня на них толки всего шестнатцать рублей денег” (имеются в виду уже серебряные деньги). Оставив еще “в дому у отца своего” двадцать рублей, Петр с остальными поехал на государеву службу и пробыл на ней “недель с пятнатцать”, очевидно, приняв участие в летнем борисоглебском походе 1665 г. По его словам, бегство из полка кн. И. А. Хованского было вызвано тем, “что у меня лошедь пала, пить и есть стало нечево”, – взятых в поход денег не хватило¹⁰⁰.

Судя по соотношению числа учтенных крестьянских дворов новгородских монастырей и выставленных ими конных даточных, норма

⁹⁸ Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 220 – 223 об. (список рейтар полка по ротам на 15 марта 1663г.); Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 600. Л. 175 – 173 (в обр. порядке) (черновая роспись рот по виду рядовых).

⁹⁹ АМГ. Т. 3. С. 240, 241 (№ 236). Конных даточных Тихвина монастыря нет ни в одном просмотренном автором списке ратных людей разряда за годы войны.

¹⁰⁰ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 427.

набора в 1662 г. составила по одному человеку с 25 дворов (вдвое больше, чем в 1655 г.): по росписи кн. Б. А. Репнина их числилось 184 чел.¹⁰¹ К концу первого похода полка Г. Фоншеина (март 1663 г.) в нетах оказалось всего 8 рейтар¹⁰². Даточных с поместий (по прежней норме один человек с 20 дворов) было 48 чел., а при роспуске полка половина из них числилась в нетах¹⁰³. Налицо контраст в обеспеченности и отношении к службе между этими двумя группами даточных: первые, “служки” монастырей, поддерживались монастырским хозяйством и ответственностью их властей перед государством, а вторые – случайные наемные люди, – только разоренными поместьями отставных, вдов и недорослей.

Явно неполная именная роспись полка марта 1663 г. все же неплохо показывает его внутреннюю структуру. Он делился на 10 рот, причем первая даже в конце похода насчитывала полные сто человек (73 рядовых и 17 “прима-плана”), не считая полковника, а остальные – по 39-58 чел (по 31-50 рядовых). Костяк первой, второй и пятой рот составляли монастырские даточные, третьей, четвертой, восьмой и десятой – новгородские казаки, а седьмой и девятой – ладожские; в шестой над новгородскими казаками превалировали “новоприборные рейтары”. Даточные с поместий, “вольные”, а также монастырские слуги особо мелких монастырей и несколько казаков, видимо, как наименее надежные ратники, были равномерно распределены по ротам: похоже, первоначально они послужили для уравнивания их численности. В целом, под началом полковника Фоншеина в начале похода собралось 477 рейтар, в конце осени – 576 рядовых и урядников, а к марту 1663 г. осталось всего 382 чел., причем ладожские рейтары, похоже, были полуофициально отпущены домой. Кроме них, в полку находилось 46

¹⁰¹ Веселовский С.П. Сметы...С. 11; за новгородскими монастырями в 1662 г числилось 4552 двора (30РСА. С. 410).

¹⁰² Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 220 – 223 об.

¹⁰³ Веселовский С.П. Сметы... С. 11; Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 220 – 223 об.

начальных людей и рядовых рейтар-иноземцев из ведомства Рейтарского приказа: к концу похода их осталось 37 чел¹⁰⁴.

В августе-ноябре полк находился во Пскове, а рота его, возможно, на Опочке¹⁰⁵, но в боях они участия не приняли. Сохранилась “скаска” о положении в Велейском уезде рейтара этой части С. Моклокова “с товарищи” (10 чел.), посланных из Пскова в “проезжую станицу” для проведывания вестей о литовцах в октябре 1662 г.¹⁰⁶ В декабре полк вернулся в Новгород, причем, по словам Репнина, многие рейтары из-за бесконства “остались назади и бредут пеши”¹⁰⁷.

В феврале, уже в преддверии роспуска войска, понадобилось отправить подкрепление на Луки Великие, и боярин сформировал отряд из незнатных ратных людей: неполный полк Г. Фоншеина (возможно, пеших рейтар Репнин отпустил по домам), сотню копорских казаков и две роты сомерских драгун. Однако, с хлебными запасами на Луках было очень сложно, и уже через месяц воевода кн. С. И. Львов отпустил рейтар и драгун обратно в Новгород.¹⁰⁸

Когда в мае 1663 г. литовцы осадили Борисоглебов, новгородский воевода кн. И. Б. Репнин отправил на выручку почти тот же отряд: 228 чел. монастырских слуг и новгородских казаков, разделенных на три роты, и драгун из Сомерской волости. Правда, с выступлением (14 июля) они сильно опоздали, литовцы отошли сами, и указанные ратные люди получили новое задание – “итти в Лютин для хлебного збору” в Резицком уезде, чем они и занимались там до осени¹⁰⁹. Когда боевая обстановка вновь обострилась, лютинских рейтар разделили: казаков отозвали в Новгород, а все служки новгородских монастырей, дополненные вскоре помещичьими даточными,

¹⁰⁴ Веселовский С.П. Сметы... С. 11, 15; Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 220 – 223 об.

¹⁰⁵ Поручик и прапорщик полка в октябре 1662 г. числились “в посылки” (Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 510. Л. 22, 27).

¹⁰⁶ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 129. Л. 219, 219 об.

¹⁰⁷ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 136. Л. 269.

¹⁰⁸ Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 220.

¹⁰⁹ Записная книга Московского стола 7171 г. // РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 536, 537, 587; Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 599 - 601.

вошли в Лифляндский полк И. Н. Суморокова, где и оставались до начала 1665 г.¹¹⁰

Вновь полк Г. Фоншеина стал собираться уже во Ржеве Володимеровой. 16 и 17 декабря 1663 г. полковник с начальными людьми своего полка, новгородскими и ладожскими казаками и “новоприборными рейтарами” (более 250 чел.) выехал туда из Новгорода¹¹¹. Во Ржеве казаки получили жалованье (по 10 руб. уже серебряными деньгами)¹¹²; полк был усилен даточными из Твери, Торжка и Старицы. Тем не менее, без новгородских монастырских и помещичьих даточных он не мог превысить 400 чел. Более того, в мае 1664 г. он стал стремительно сокращаться. Развал полка ускорило поражение под Витебском 6 июня, после которого количество беглых достигло 203 чел.¹¹³ Правда, у новгородских казаков это бегство прошло, можно сказать, организовано: большинство из них во главе с атаманом Т. Г. Болотовым (118 чел) к концу июля объявились перед воеводой в Новгороде. Оставившие полк ввиду потери лошадей и оружия на бою получили по 2 руб. в зачет следующего года и были высланы обратно 28 – 30 июля; наказание понесли только бежавшие до боя: им не выдали жалованье, а пятерых били кнутом по торгам¹¹⁴.

Все это привело к тому, что ни в битве под Витебском, ни в последующих боях 1664 г. серьезного участия полка Г. Фоншеина не прослеживается: видимо, вполне восстановить его боеспособность так и не удалось. Это подтверждают и данные последующих лет.

В марте 1665 г. Хованский принял в Новгороде 173 казака, 65 монастырских и 6 помещичьих даточных; еще 72 слуги новгородских монастырей были отправлены в Псков ранее, 5 декабря предыдущего года¹¹⁵. Кроме того, из Новгорода же в июне к полковнику Г. Фоншеину отправились

¹¹⁰ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 362. Л. 98; № 352. Ст. I. Л. 28, 29.

¹¹¹ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 178, 179, 292, 293, 315, 534; Там же. № 361. Л. 87 – 98.

¹¹² Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 12. Л. 379 – 416 об.

¹¹³ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 180. Л. 8, 40 – 42, 120 – 125.

¹¹⁴ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 347. Л. 604, 605.

¹¹⁵ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 188. Л. 269, 412.

“московских полков ссылочные рейтары казанцы Мишка Кириков да кадомской татарин Бирюк Кармазинов со товарищи” 10 чел. – участники “Медного” бунта 1662 г., сидевшие в новгородской тюрьме уже третий год¹¹⁶. Тем не менее, при выступлении в поход из Пскова 11 июля в полку Г. Фоншеина оказалось только 205 конных и 57 пеших рейтар¹¹⁷. По списку, полк все же достиг летом численности в 395 рядовых и принял участие в боях, потеряв убитыми и пленными 12 чел. Однако, на обратном пути от Борисоглебова его знамена снова покинули 148 рейтар¹¹⁸, в том числе и упомянутый выше Петр Патрикеев.

По данным октябрьского разбора во Пскове, полк состоял из новгородских казаков (151 чел.), ладожских казаков (38 чел.), “Софийского дому детей боярских” (20 чел. – ранее они состояли в 1-м Новгородском полку), монастырских слуг (165 чел.), даточных с поместий по усиленной норме 1 чел. с 15 дворов (87 чел. из Новгородских пятин, 6 – из Твери и 4 – из Торжка) и, наконец, “московских полков рейтар” (10 чел.) – всего 481 чел., не считая обычного набора начальных людей (33 чел.)¹¹⁹. Однако, 1 марта 1666 г. в последний поход из Пскова выступило только 137 конных да 52 пеших рейтара полка Г. Фоншеина, а остальные 267 чел. снова числились в нетах¹²⁰.

Псковский полк рейтарского строя. Полк майора А. Т. Нащокина. Полк полковника Вигана Крыгела.

Псковичи в силу положения своего города уже не раз в ходе войны вели боевые действия силами своего уезда, а в период роспуска полка разряда это становилось уже правилом. Подобное произошло и в конце 1661 г.: в ноябре и декабре городской воевода окольный кн. Т. И. Щербатов получил указ о сборе ратных людей всех чинов своего уезда у себя, не отсылая в полк – и первую роспись, “что... во Пскове объявилось...

¹¹⁶ Там же. Л. 462, 465, 466; Книги Новгородского стола. № 12. Л. 433.

¹¹⁷ Там же. Л. 496.

¹¹⁸ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 4.

¹¹⁹ Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 12. Л. 417 – 440.

¹²⁰ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 540.

служилых людей ис полку рейтар и слуг монаст[ырских] и псковских стрельцов и пушкарей”, отослал уже 13 декабря¹²¹. Хованский после роспуска полка прибыл во Псков и, не сдав Щербатову, назначенному в “товарищи” уже ко кн. Б. А. Репнину, ратных людей и их списки, стал сам “сбираться” с ними и отправлять “посылки немалые” против литовцев¹²².

Вскоре в городе произошла полная смена воевод: вместо Хованского и Щербатова были присланы окольнічий кн. Ф. Ф. Долгоруков со товарищи. Отныне назначение осадных или городовых воевод во Псков стало происходить отдельно от назначения воевод Новгородского разряда, тогда как прежде Хованский, главный разрядный воевода, даже уходя в поход, номинально оставался и воеводой Пскова (1657 – 62 гг.). Его младшие “товарищи”, отвечавшие за городские дела Пскова (в 1657 – 59 гг. – стольник М. И. Щетинин, а в 1659 – 62 гг. – окольнічий кн. Т. И. Щербатов)¹²³, являлись его прямыми подчиненными при нахождении боярина во Пскове, но уже с 1659 г. были подведомственны новгородскому воеводе по городским делам разряда¹²⁴. Таким образом, с окончательным разделением функций городских и полковых воевод в феврале 1662 г. завершилась эволюция структуры воеводского управления Новгородского разряда. Теперь конные ратные люди Псковского уезда поступали в ведение воеводы разряда только во время сбора полка, да и то не всегда – все остальное время они входили в отдельный полк, воевавший под началом одного из “товарищей” псковского воеводы.

Непосредственно к воссозданию полка рейтарского строя во Пскове в 1662 г. приступили сравнительно поздно. Только 29 июня туда из Новгорода выступил с передовым отрядом товарищ кн. А. Б. Репнина стольник кн. С. И. Львов, который должен был принять у городского воеводы кн. Ф. Ф.

¹²¹ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 342. Ст. II. Л. 10.

¹²² Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 127. Л. 23.

¹²³ Барсуков А. П. Списки городских воевод..., С. 185; см. также прим. 10 настоящей главы.

¹²⁴ Так, кн. Г. С. Куракин должен был переслать во Псков кн. Т. И. Щербатову государев указ о молебне по случаю восстановления подданства Малой России (4 ноября 1659 г.) (Витебская старина. Т. 4. Ч. 2. С. 505 - 508).

Долгорукова назначенных в “полковую службу” псковских ратных людей с их списками. Вместе с воеводой выехали псковские дворяне: гусарский полуполковник Н. П. Караулов и рейтарский майор А. Т. Нащокин, – которые, согласно их “наказам” от 28 числа, должны были псковских гусар и рейтар собрать, расписать в роты и учить соответствующему “строю”. Трубачей и литаврщиков было предписано прибрать “из вольных людей и из казачьих детей” на месте¹²⁵.

Положенный по штату полковник-иноземец так и не прибыл до конца похода (хотя в памяти из Рейтарского приказа в 1662 г. назван Александр Вод¹²⁶), и до 1664 г. полк был известен под именем майора Алексея Нащокина. По росписи Репнина, в него вошли 403 псковских рейтара и казака, 83 чел. опочецких казаков и новоприборных рейтар¹²⁷, а также даточные: архиепископские дети боярские (по росписи 11, а по норме – 12 чел.), служки псковских монастырей (58 чел.) и 19 даточных с поместий – всего 574 рядовых, а с начальными людьми – более 600¹²⁸. Служилых “по отечеству” среди них было настолько мало (11 чел. по разбору 1665 г.), что их обычно объединяли в росписях с псковскими казаками и вольными под именем “псковских рейтар”. В той же группе числилось минимум два полоцких шляхтича (“поляки” 1660 – 61 гг. – см. § 4 Главы 2), которые жили во Пскове “с корму” в 60 алтын в неделю. Однако, в 1663 г. полоцкая шляхта с семьями была полностью переведена на службу в Низовые города, и по их челобитной от 2 сентября того же года обоих отправили вслед землякам в Москву¹²⁹.

Со временем в списочном составе полка происходили и более важные изменения. Постепенно росли в численности станицы псковских (со 110 чел.

¹²⁵ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 126. Л. 216, 217 (наказ Н. Караулову – “таков же” отдать А. Нащокину).

¹²⁶ Веселовский С.П. Сметы... С. 15.

¹²⁷ Известно, что в это время на Опочке проживало 66 городских казаков рейтарского строя (Сборник МАМЮ. СПб., 1914. Т. VI. С. 438).

¹²⁸ Веселовский С.П. Сметы... С. 11.

¹²⁹ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 97.

в конце 1661 г. до 180 чел. в 1663 г. и до 213 чел. в октябре 1665 г.)¹³⁰ и опочечких (с 63 в 1662 г. до 105 в 1665 г.)¹³¹ казаков рейтарского строя. По всей видимости, этот рост произошел за счет т. н. “новоприборных рейтар” 1661 г. из “вольных” жителей Пскова и других городов, которые как разряд ратных людей к 1665 г. полностью исчезают из списков полка. По указу о формировании полка И. Н. Суморокова в Лютине туда в начале января 1664 г. были отданы “гратцкие и монастырские слуги даточные” (67 чел.), которые оставались там до начала 1665 г.¹³² С марта 1665 г. по новой норме набора (1 конный даточный с 15 дворов)¹³³ число таких даточных было резко увеличено: с 61 до 133 чел.¹³⁴ Таким образом, в 1664 г. по спискам полк насчитывал чуть больше 400¹³⁵, а в 1665 и 66 гг. – 480 – 490 рядовых рейтар¹³⁶, не считая обычного штата начальных людей на 10 рот¹³⁷.

Острейшей проблемой полка стало “безконство”: лошади часто гибли от тяжести похода и голода в опустошенной местности, а средств для приобретения новых из-за кризиса с медными деньгами хронически не хватало. По словам самих ратных людей (декабрь 1663 г.), “которые де поместные рейтары, те де будут на ... службе человек с семьдесят на лошадех, а которые... рейтары крестьянские дети, помещиковы крестьяне многие и волные беспоместные, и те... пеши и наги, а взяв... они... жалованье, лошадей покупали дорогою ценою, а лошадей де у тех рейтар не было болши дву год, а во Пскове жили бесконны”¹³⁸.

¹³⁰ Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 12. Л. 222 – 257 об. (разбор осени 1665 г.); Столбцы Московского стола. № 374. Л. 221 (вместе с псковскими детьми боярскими их 265 чел.).

¹³¹ Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 12. Л. 260 – 278 (осенью 1665 г. их 105 чел., в т. ч. 8 детей 12 – 13 лет); Столбцы Московского стола. № 374. Л. 221 (в мае 1665 г. их 100 чел.).

¹³² Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 352. Ст. I. Л. 57, 68; см. в целом раздел *Рейтары Лифляндского полка (1663-1664 гг.)*.

¹³³ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 32.

¹³⁴ Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 12. Л. 279 - 305 об.

¹³⁵ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 337 (436 чел. с нач. людьми в январе 1664 г.).

¹³⁶ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 5, 540.

¹³⁷ Там же. Л. 220 (30 чел. на 1 мая 1665 г.).

¹³⁸ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 352. Ст. I. Л. 59.

Уже кн. Б. А. Репнин в 1662 г. указывал на то, что “псковские рейтары дворяня и казаки добры, а бесконны”¹³⁹. В августе рейтарский трубач псковитин Г. Т. Стрелухин, выйдя из полона, просил выдать ему “царское жалование здесь на Москве”, мотивируя это тем, что “у нас, государь, во Пскове и в полку купить оружия и лошади не сыщется, потому что полк прибран новой”¹⁴⁰. Через год, в декабре 1663 г., А. В. Бутурлин доносил, что “новоприборные... рейтары и псковские и опочецкие казаки и все на смотре объявились пеши”¹⁴¹. Несмотря на раздачу жалованья серебром (по 12 руб. человеку), надежд на приобретение лошадей не было, и воевода стольник кн. Н. Г. Гагарин сообщил царю, что “пешим... рейтаром хочю я... роздать мушкеты и бердыши, а с собою на твою великого государя службу взял их, потому что им твое великого государя жалованье роздано”¹⁴². В апреле 1664 г. уже кн. Ф. Г. Ромодановский сообщил царю из Пскова, что рейтары, которые прежде были у Гагарина, “все бесконны”, но, несмотря на это, будут высланы на Опочку¹⁴³. Через год кн. И. А. Хованский сетовал (в отписке от 25 апреля 1665 г.), что “которые де ратные люди ныне во Пскове, и рейтары все, а из дворян многие пеши, и с такими людьми на неприятеля итти ненадежно – толко ево ободрить”¹⁴⁴. Так что, когда в марте 1666 г. из 348 псковских рейтар, выступивших на Борисоглебов, пешими пошли всего 54 чел.¹⁴⁵, можно считать, вопрос с конским составом был уже решен.

Вышеизложенное позволяет нам лучше понять особенности *боевого применения* этого полка на исходе войны. Когда с наступлением зимы 1662-63 гг. Репнин стал готовиться к роспуску войска, полк А. Нащокина (477 чел.), усиленный торопецкими рейтарами (97 чел. – в том же числе¹⁴⁶), отправился в Борисоглебов сопровождать А. Л. Ордина-Нащокина для

¹³⁹ Веселовский С.П. Сметы... С. 12.

¹⁴⁰ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 125. Л. 202.

¹⁴¹ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 352. Ст. I. Л. 49.

¹⁴² Там же. Л. 59, 60, 83.

¹⁴³ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 379, 583.

¹⁴⁴ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 187. Л. 171.

¹⁴⁵ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 540.

¹⁴⁶ Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 217 – 219 (список, видимо, 9-й и 10-й рот Луцкого полка).

очередных переговоров (16 ноября). На обратном пути полковник “пограбил у борисоглебских подгородных крестьян 8 лошадей”¹⁴⁷. Литовский полковник Х. Салтан, по указу из Литвы отступивший было от Лютина к Друе “для пропуска послов”, поспешил в это время обратно – занимать зимние квартиры в Резицком уезде – и был разбит 6 декабря псковскими рейтарами. Обе стороны имели строгое указание “задоров не чинить”, но Нащокин нарушил запрет под предлогом (не исключено, что вымышленным) нападения противника и, должно быть, был вознагражден обозом, в котором и “побил” всю пехоту литовцев (200 чел.)¹⁴⁸.

Тем временем, псковичи были вновь переданы Репниным в распоряжение городского воеводы кн. Ф. Ф. Долгорукова (2 декабря 1662 г.), и после роспуска новгородцев по домам они, как и лучане, продолжали нести “полковую службу” по обороне уезда¹⁴⁹ – правда, в течение 1663 г. в поход не выступали. В октябре воеводе А. В. Бутурлину удалось убедить царя в необходимости оставить псковскую конницу для охраны уезда, и указ о посылке ее во Ржев был отменен¹⁵⁰. Вместо этого, войско стольника И. А. Бутурлина (сына воеводы)¹⁵¹, а по указу от 12 ноября 1663 г. – стольника кн. Н. Г. Гагарина¹⁵² должно было выступить на Опочку, а оттуда, во взаимодействии с Лифляндским полком И. Н. Суморокова и Луцким кн. Д. А. Барятинского, атаковать литовских волонтеров. В составе 1100 чел., включая и рейтар, оно выступило 19 декабря в поход на Опочку, а оттуда 6 января 1664 г. – к Себежу “с обозом и нарядом наспех”. Волонтеры бежали, и в погоню воевода отправил псковича Б. Неклюдова, а с ним, “выбрав лутчих... из дворян, из гусар, из рейтар пятьдесят человек”¹⁵³. После боев под Себежем в посылки стали отправляться уже обычные подразделения: сотня

¹⁴⁷ Веселовский С.П. Сметы... С. 13.

¹⁴⁸ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 136. Л. 173, 229, 272 – 277.

¹⁴⁹ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 136. Л. 269; Записная книга Московского стола 7171 г. // РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 509.

¹⁵⁰ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 121 – 123.

¹⁵¹ Там же. Л. 113 – 116 (от 26 октября 1663 г.)

¹⁵² Там же. Л. 222 – 226 (наказ воеводе из Разряда); Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 352. Ст. I. Л. 11, 23 – 27 (наказ воеводе из приказа Тайных дел).

¹⁵³ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 352. Ст. I. Л. 58, 60, 65.

псковичей И. Т. Дубровского и рота рейтар “капитана и поручика” И. С. Сумороцкого в уезд¹⁵⁴, а затем четыре роты ротмистра А. Кокошкина “со товарищи” и сотня донских казаков Опочецкой станицы головы Н. Шишкина – к Освею по вестям о походе туда литовцев. Оттуда донцы и рота И. С. Сумороцкого “для скорого Друйского походу” присоединились к Лифляндскому полку И. Н. Суморокова и приняли участие в походе за Двину и взятии Друи (26 января)¹⁵⁵. Гагарин же, почувствовав себя не в силах взять Себеж, уже к 20 января вернулся на Опочку, завершив зимний поход¹⁵⁶. Как видим, в важных “посылках” обычно участвовала одна рейтарская рота – И. С. Сумороцкого: капитан-поручик по штату командовал ротой полковника (№ 1 в полку), а ее, по всей видимости, и составляли пресловутые “человек с семьдесят на лошадах” из псковских “поместных рейтар”. С другой стороны, отправлять в Лютин под начало И. Н. Суморокова сотенных дворян было бы “невместно” последним.

Это “злокозненное местничество” вскоре стало причиной большой беды: 12 февраля Гагарину было велено сдать весь свой полк на Лютине Суморокову, заслужившему царскую похвалу за свой Друйский поход. Пусторжевец И. Н. Сумороков, в отличие от князей Гагарина и Хованского, являлся членом городской корпорации (правда, луцкой¹⁵⁷), и поэтому для знатных служилых людей – “которые головы и сотенные дворяне с ним, Иваном, быть не похотят”, - был предусмотрен другой вариант, а именно – отправка в полк ко кн. И. А. Хованскому во Ржев¹⁵⁸. Однако, Сумороков не смог вовремя вернуться из Борисоглебова в Лютин (из-за боя 16 февраля), и Гагарин, не дождавшись его, самовольно сдал полковнику А. Фороту ратных людей, дворян и детей боярских распустил по домам, а сам с начальными людьми конницы и донскими казаками ушел во Псков. Сотенные дворяне и гусары, “не хотя быть в полку у Ивана Суморокова”, охотно последовали за

¹⁵⁴ АМГ. Т. 3. С. 551 (№ 657).

¹⁵⁵ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 352. Ст. I. Л. 85, 96, 97, 99, 101.

¹⁵⁶ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 320.

¹⁵⁷ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 352. Ст. I. Л. 33.

¹⁵⁸ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 178. Л. 195 – 198, 201, 208.

ним. Рейтарский полк, как и все войско, был дезорганизован. Воспользовавшись этим, волонтеры Чернавского и Любика совершили один из самых разорительных набегов на Псковский уезд. От пленных Гагарину было прекрасно известно о подготовке этого набеге, так что по этим вестям ему “довелось было быть в Лютине со всеми, а во Псков не ходить”. Разобравшись в обстоятельствах дела, государь указал и бояре приговорили отставить князя от командования и за эти вины “послать в тюрьму”¹⁵⁹.

Где-то в это же время команду над псковскими рейтарами наконец-таки принял иноземный полковник: 10 февраля 1664 г. из войск Хованского во Псков был отпущен Виган Крыгел¹⁶⁰. Его полк летом ходил изо Пскова под Остров¹⁶¹ и Изборск¹⁶² и к Суморокову на Опочку¹⁶³, но в более дальних “посылках” до конца года не участвовал. В первой декаде февраля 1665 г. он был в походе в составе войск кн. В. Гагарина, причем после успешного нападения именно псковских рейтар (200 чел.) ротмистра И. Бухвостова “со товарищи” на литовский подъезд под Овсищами (70 в. от Пскова) волонтеры поспешно ушли к Двине¹⁶⁴.

28 марта 1665 г. псковская конница была вновь передана городовым воеводой Пскова (А. Л. Ординым-Нащокиным) в полк Новгородского разряда¹⁶⁵, где и оставалась до самого конца войны. Перед новым походом, в мае 1665 г., псковским рейтарам, по представлению кн. И. А. Хованского, в возмещение недоплаченного за прежние годы жалованья были присланы кумачи на кафтаны¹⁶⁶ (судя по их числу – 350 – это жалованье получили только служилые люди “по отечеству” и “по прибору”: оно не коснулось даточных рейтар полка). Псковские рейтары участвовали в боях 1665 г., а после ухода Хованского во Псков еще некоторое время оставались на Опочке

¹⁵⁹ Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 11. Л. 31 – 33.

¹⁶⁰ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 132. Л. 24.

¹⁶¹ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 566.

¹⁶² Там же. Л. 148.

¹⁶³ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 566.

¹⁶⁴ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 188. Л. 354 – 356.

¹⁶⁵ Там же. Л. 445 – 447.

¹⁶⁶ Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 11. Л. 100 – 103.

(222 чел. рядовых)¹⁶⁷. В походе марта 1666 г. полк (380 чел. с начальными людьми) также находился в боевых порядках войск Хованского¹⁶⁸.

Рейтары Лифляндского полка (1663 – 1664 гг.). Полк Андрея Форота.

Отдельное полевое войско, предназначенное для защиты городов Борисоглебова (Динабурга), Лютина и Резицы, было вновь создано в 1663 г. – после роспуска Лифляндского полка А. Л. Ордина-Нащокина в конце 1661 г. Поводом для этого послужила осада Борисоглебова литовцами в мае – июне 1663 г., а поскольку оборона крепости была теперь возложена на Новгородский разряд (с марта 1662 г.), ратные люди последнего и были посланы на ее выручку. Под началом командира полка из крестьян Сомерской волости полковника А. Росформа в июле 1663 г. в Лютине собрались, кроме его драгун, три роты рейтар из полка Г. Фоншеина (228 новгородских казаков и монастырских слуг)¹⁶⁹. В самое страдное время рейтары и драгуны занимались сбором хлеба нового урожая, после чего, в конце октября, Росформ без государева указа и “не отписався” к новгородскому воеводе кн. И. Б. Репнину, самовольно увел свой полк во Псков и распустил ратных людей. После этого в Новгород вернулось 116 чел. даточных с монастырей (остальные – новгородские казаки – были еще раньше отозваны в Новгород для отправки во Ржев к Хованскому), а еще 32 чел. в походе “за бесконством быть не успели”; монастырские служки, по их словам, разъехались из Пскова от скудости запасов “собою”, но с ведома полковника. За такое самовольство и другие злоупотребления Росформа отставили от командования полком, заменив его недавно вернувшимся из Англии полковником Андреем Форотом.

По грамоте от 6 ноября 1663 г. из приказа Тайных дел о создании полка И. Н. Суморокова в Лютине (это войско в дальнейшем ведалось в Тайном приказе, а не в Разряде), Репнин собрал даточных, вернувшихся 8 и 9 ноября

¹⁶⁷ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 5 (потери полка – 2 чел. убитыми).

¹⁶⁸ Там же. Л. 540.

¹⁶⁹ Записная книга Московского стола 7171 г. // РИБ. СПб., 1886. Т. 10, с. 536, 537, 587; Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 599 – 601.

и остававшихся “за бесконством” в монастырях, и 15 ноября отправил всех их в числе 149 чел. во Псков с двумя капитанами полка сомерских драгун¹⁷⁰. Сумороков к 11 декабря дождался во Пскове 133 даточных из Новгорода, да принял 67 служек псковских монастырей и детей боярских Троицкого дома¹⁷¹. Однако, все эти рейтары совершенно не имели начальных людей, оставшихся в прежних полках, почему воеводе пришлось выделить их из полка сомерских драгун. Таким образом, рейтары сразу же стали, фактически, частью полка А. Форота: по челобитной этого полковника (от 1 февраля 1664 г.), “ныне де у него в полку... монастырских слуг двесте человек, а у тех де рейтар начальных людей, и знамен, и трубачов, и труб, и литавр нет. А которые де ныне начальные люди драгунского строю приставлены быть на время у тех рейтар, им рейтарскую службу бес твоего, великого государя, полного жалованья исполнить не ис чево”¹⁷²: жалованье у рейтарских офицеров было выше, чем в пехоте.

В январе 1664 г. полк насчитывал 200 рейтар и 240 драгун, не считая десятка даточных и 248 драгун в “нетах”¹⁷³. При этом, в начале похода рядовым не дали денежного жалованья: 2000 руб. серебром было отправлено из Москвы только 12 февраля¹⁷⁴. Условия службы у этих конных людей были тяжелейшие: “...пить-есть нечево: Лютинской, государь, и Резицкой уезды пусты, от литовских людей разорены без остатку, и хлебных запасов и конских кормов нигде купить не добыть”¹⁷⁵. Снабжаться на месте можно было либо из городских запасов, либо за счет уборки засеянного хлеба; иным выходом становился рейд на вражескую территорию. Поэтому, не случайно в конце августа 1664 г. из 240 рейтар полка (к этому времени они были дополнены даточными с поместий) уже 70 были пешими, а из 329 драгун

¹⁷⁰ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 352. Ст. I. Л. 28, 29.

¹⁷¹ Там же. Л. 57, 68.

¹⁷² Там же. Л. 10.

¹⁷³ Там же. Л. 94, 95.

¹⁷⁴ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 178. Л. 194.

¹⁷⁵ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 352. Ст. I. Л. 94.

лошади оставались только у 40 чел.¹⁷⁶ И это не смотря на то, что значительная часть даточных была только что прислана вновь из Новгорода после бегства из полка¹⁷⁷.

Полк делился на роты, причем, возможно, хотя бы отчасти смешанного состава. Так, когда Сумороков в феврале 1664 г. отправился “для государева дела” из Лютина в Борисоглебов, он взял с собой для охраны 70 чел. рейтар и драгун¹⁷⁸. Судя по тому, что среди этих рейтар были даточные Хутыня монастыря (в полку Г. Фоншеина в 1663 г. таковые входили в 1-ю роту) и Троицкого дома¹⁷⁹, эти люди, похоже, по примеру иных полков, составляли отборную полковничью роту (№ 1). Как указывалось выше, сочетание драгун и рейтар в одном подразделении считалось в то время весьма выигрышным с тактической точки зрения.

Боевое применение. Сразу же по прибытии в Лютин три роты полка были в посылке и “местечко Освию высекли и розгромили” (9 или 10 января 1664 г.)¹⁸⁰. Дождавшись полковника Форота с отставшими¹⁸¹, а также подкреплений от кн. Н. Г. Гагарина, ратные люди Суморокова отправились в “скорый поход” за Двину (24 – 31 января) и 26 января, “пришед изгоном, Друю высекли и выжгли, и друйские места разорили”. Не понеся при этом потерь, они собрали важные сведения о намерениях литовцев¹⁸². Однако, ситуация менялась стремительно: всего через две недели отряд Суморокова в 70 чел. на обратном пути из Борисоглебова был встречен и рассеян полком С. Чернавского (в ночь на 16 февраля), потеряв при этом 4 рейтар убитыми и 12 пленными и обоз; самого воеводу в погоне “с лошади збили, и отшел де он, Иван, к Борисоглебову лесами пеш...”¹⁸³. После самовольного роспуска

¹⁷⁶ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 187. Л. 135.

¹⁷⁷ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 598 (из 91 беглого служки в июле выслано 73 чел.).

¹⁷⁸ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 178. Л. 184, 185.

¹⁷⁹ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 344.

¹⁸⁰ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 352. Ст. I. Л. 70.

¹⁸¹ Там же. Л. 84.

¹⁸² Там же. Л. 96 – 100.

¹⁸³ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 42 – 346; Столбцы Новгородского стола. № 178. Л. 184, 185.

Гагариным своих ратных людей стремительно таявшему Лифляндскому полку пришлось вообще отступить к Опочке, которую он с трудом защищал от волонтеров (вылазка 10 апреля)¹⁸⁴.

В конце лета, дождавшись беглых рейтар и псковских подкреплений, Сумороков с войском в 1200 чел. вновь выступил в поход (17 августа 1664 г.). Преследуя уходящих партизан Чернавского, его ратные люди привели к присяге царю освейских мещан и крестьян, ходили под Себеж и, наконец, “развоевали” Друйский и Дисенский уезды по северную сторону от Двины (3 – 5 сентября)¹⁸⁵. Около середины сентября воевода с полком А. Форота и донскими казаками из Опочки прибыл в Полоцк¹⁸⁶, где соединился с частями окольного кн. П. А. Долгорукова. Интересно, что уходя оттуда в новый поход, его ратные люди подговорили к побегу 20 чел. солдат и стрельцов Полоцкого гарнизона. – видимо, сманив их в донские казаки прелестями полупартизанской жизни¹⁸⁷.

Двигаясь южным берегом Двины, рейтары и донские казаки Суморокова в погоне за литовским полком Либика, уходящим от Дисны к Друе, похоже, поживились его обозом (4 октября)¹⁸⁸. Поражение под Лушками и уход Долгорукова за Двину не остановил череду успехов полка: Сумороков “наперед” Долгорукова пошел к Дриссе, “и то местечко Дрысу развоевали и под Друею были”, а в общей сложности “ходил я, холоп твой в Дисенском уезде войною семь дней”, пока ратные люди не “запаслись хлебными запасами”. Посчитав, что после этого можно продолжить поход рейдом до Борисоглебова, воевода жестоко ошибся: “послыша тот Борисоглебский поход, оставя твои великого государя знамена и меня, холопа твоего, и начальных людей, многие рейтары и драгуны и донские казаки збежали в... русские города”. С остатками отряда Суморокову

¹⁸⁴ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 580 – 583.

¹⁸⁵ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 187. Л. 38, 135, 137.

¹⁸⁶ Записные книги Московского стола. I (1664 – 1665 гг.) // РИБ. СПб., 1889. Т. 11. С. 35.

¹⁸⁷ Там же. С. 80.

¹⁸⁸ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 187. Л. 144 (4 октября пленные “челядники ... полку Либикова” сказали, что “он де побежал к Друи, а мы де ехали с обозом”).

пришлось отступить к Опочке, причем по дороге он уничтожил литовскую засаду из Себежа (40 чел.) (16 октября). Добравшись до Опочки, разбежались и остальные ратные люди полка Форота – “а бежат, государь, те твои великого государя ратные люди не видечи никакие скудости, не хотя тебе, великому государю, служить”, – сокрушался воевода, потребовав смертной казни для “пущих воров” из драгун Сомерской волости¹⁸⁹.

При известии об этом в Лютин был назначен Иван Полуехтов с рейтарским полком из-под Смоленска¹⁹⁰: ранее, в 1660 – 61 гг., этот полковник состоял в Лифляндском полку А. Л. Ордина-Нащокина и имел опыт действий здесь¹⁹¹. 12 декабря 1664 г. он принял у Суморокова полковые дела и казну, а также полковника А. Форота с начальными людьми, но не обнаружил в Лютине ни одного рядового драгуна или рейтара – его же собственные рейтары (500 чел.) после долгой кампании все были пеши¹⁹². Это не позволило данному отряду воспрепятствовать набегу литовских волонтеров в январе-феврале 1665 г.

Бегством даточных рейтарского строя с Опочки в октябре 1664 г. заканчивается их участие в боевых действиях в составе Лифляндского полка. Вскоре “во Пскове объявилось тех рейтар человек со 100, и те пеши и безоружны”¹⁹³, но теперь они вместе с 72 монастырскими служками, отправленными уже к 5 декабря из Новгорода, предназначались для формируемого там (но так и не созданного) войска стольника кн. П. И Львова¹⁹⁴ и, возможно, приняли участие в походе стольника кн. В. Гагарина в феврале 1665 г. Не позднее марта все даточные с поместий и монастырей вернулись в свои прежние полки рейтарского строя – Г. Фоншеина (новгородский) и В. Кригела (псковский).

¹⁸⁹ Там же. Л. 141 – 144.

¹⁹⁰ Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 11. Л. 74 – 78 (указ от 1 ноября 1664 г.)

¹⁹¹ АМГ. Т. 3. С. 146, 147 (№ 163), 159 (№ 183), 469, 470 (№ 549); Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 125. Л. 291 – 304 (данные о службах рейтар Полуехтова в Лифляндских городах и под Полоцком).

¹⁹² Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 187. Л. 154.

¹⁹³ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 178. Л. 181.

¹⁹⁴ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 188. Л. 269.

Луцкий полк рейтарского строя. Полк полковника П. П. Фрелиха.

Подобно псковичам, порубежные с Литвой лучане, пусторжевцы и невяляне “по Лукам” в период роспуска разрядного полка обычно несли оборону своего города и уезда собственными силами. После Кушликовых гор, когда литовцы впервые надежно обосновались за Двиной и стали приходить войной в русские уезды, важность и сложность этой задачи возросли – особенно после того, как полк кн. И. А. Хованского был распущен (по указу от 7 января 1662 г.).

На Луках Великих полковым воеводой был оставлен стольник кн. Ю. И. Шаховской, который, собственно, и собирал ратных людей лучан и торопчан Новгородского разряда весной 1661 г., а затем был товарищем кн. Хованского в самом походе¹⁹⁵. По спискам, луцких дворян и детей боярских оставалось не более сотни, и казачий отряд, раздутый за счет прибора 1661 г. до 500 чел. казаков и 40 чел. вольных в рейтарской службе, составлял главную массу конницы уезда¹⁹⁶. Являясь рядовыми полков Д. Зыбина и Р. Дукляса, луцкие рейтары зимой – летом 1662 г. несли службу в составе 8 рот под началом ротмистров и, видимо, поручиков. Судя по росписи полка Д. Зыбина (22 ноября 1661 г.), лучане были разбросаны в нем по 1 – 4, 6 – 12 ротам, и к 22 ноября в строю их осталось не более 10 чел. Таким образом, данная организация (8 рот двух полков¹⁹⁷) не могла быть создана ранее декабря 1661 г., когда Хованский отвел войско на Луки и смог пополнить его за счет собранных местным воеводой беглых ратных людей. По возвращении их в прежние полки (по спискам) и были созданы полные, целиком луцкие роты под началом своих офицеров. Следуя терминологии того времени, Шаховской назвал их в одной отписке “швалдронной рейтар”¹⁹⁸. В феврале 1662 г. они участвовали вместе с сотнями и невелиской шляхтой (всего 637

¹⁹⁵ АМГ. Т. 3. С. 345 (№ 378); Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 59.

¹⁹⁶ Подсчитано автором по: Ф. 210. Смотренные списки. № 87.

¹⁹⁷ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 126. Л. 284.

¹⁹⁸ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 127. Л. 59.

чел.) в разгроме полковника Стадницкого¹⁹⁹, да и позже “беспрестанно ездили в посылки и в подъезды и в проезжие станицы по розным городам”, так что у соседнего невелицкого воеводы даже сложилось впечатление, что “на Луках Великих великого государя конных людей рейтар тысячи с полторы” (!)²⁰⁰

Для характеристики взаимоотношений старой поселенной и новой полковой организации служилых людей весьма важен конфликт, разгоревшийся в полку летом 1662 г. Перед выступлением в поход, после смотра 1 июля под Луками, луцкие казаки рейтарского строя подали челобитную всеми “двемя полки восемь рот” на своих пятерых ротмистров²⁰¹ в “налогах и продажах” в течение весны – лета 1662 г. Для начала они поставили под вопрос саму законность их власти: “Как пошел... воевода князь Юрьи Иванович Шаховской с Лук Великих к Москве, и дворян и детей боярских и нас... оставил на Луках Великих, и оне, Максим, да Ондрей, да Осип, да Иван, да Олександр, ведали нас, холопей твоих, с тех мест и доньне, а тово мы, холопи твои, не ведаем, по какому указу оне нас... ведают”. Прежде луцкие казаки по возвращении из похода поступали в ведение городского воеводы, сотенного головы, назначенного из Новгородской чети, и атаманов, и указанное “ведение” их ротмистрами было совершенной новинкой. Тем более, что дети боярские рейтарского строя фактически выбыли на это время из состава рот, разъехавшись по домам, и только казаки остались под началом офицеров-дворян.

Казаки были возмущены новыми властными полномочиями своих ротмистров, как то: проводить частые смотры и учения, жестоко наказывая за опоздание на них, и судить “в больших исках” (по 50 – 100 руб.), – а также такими злоупотреблениями, как вымогание денег и вычеты из жалованья, и

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 126. Л. 128, 284, 285.

²⁰¹ М. С. Маркова, А. К. Пасынкова, О. П. Зеленого, И. Х. Лопухина, А. Н. Шишкина.

потребовали увольнения этих начальных людей из полков²⁰². Репниным было немедленно начато следствие, но ротмистры, как было принято в таких случаях, выступили со встречным челобитьем на луцких казаков за непослушание²⁰³. По крайней мере, трое из них продолжили службу в новом Луцком полку²⁰⁴.

Этот полк – четвертый по счету рейтарский Новгородского разряда – формально был создан вновь после прихода луцких рейтар во Псков (август 1662 г.). Однако, зная их поротную организацию, закономерно предположить, что роты №№ 1 – 8 нового полка – это те же, созданные полгода назад; для полноты (до десятиротного состава) к ним прибавили торопецких рейтар и даточных. В прошлом подполковник полка Я. Бильса, полковник Петр Петров сын Фрелих вновь прибыл из Москвы и принял командование над луцким полком 12 ноября 1662 г.²⁰⁵

Из луцких детей боярских, по словам Репнина, в рейтары вошли только “бедные” – как и во Пскове, около 10 чел.²⁰⁶ Основную часть полка составили казаки – 511 чел. (осень 1662 г.)²⁰⁷. Как и в других городах, служилых “по отечеству” и “по прибору” дополнили рейтары из вольных людей (“новоприборные”) – 26 чел., и из помещичьих даточных – до 28 чел.²⁰⁸ Согласно росписи от 29 марта 1663 г., полк насчитывал в ротах №№ 1 – 8 26 начальных людей и 590 урядников и рядовых, не считая 97 рядовых торопчан, которые ходили в посылку с А. Нащокиным на Борисоглебов и так и не вернулись на Луки (видимо, это 9-я и 10-я роты)²⁰⁹. По другим данным,

²⁰² Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 126. Л. 284 – 286 (челобитная от имени всех луцких казаков – рейтар), 287 – 289 (отдельные челобитные об обидах).

²⁰³ Там же. Л. 300, 306, 307.

²⁰⁴ Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 203, 208 об., 212.

²⁰⁵ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 136. Л. 245.

²⁰⁶ По списку полка от 29 марта 1665 г. (Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 203 – 213) рейтар с дворянскими фамилиями (или похожими) – 10 – 15 чел., в основном это капралы и ротные квартирмейстеры; в походе 1665 г. участвовали только 8 лучан детей боярских (из дворового, городского и новичного списков), да 3 остались на Луках (Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 7. Л. 385).

²⁰⁷ Веселовский С.П. Сметы... С. 11.

²⁰⁸ Там же. С. 10 (“по наряду”, причем число даточных не дописано, а вычислено автором по итоговой цифре).

²⁰⁹ Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 203 – 220.

в январе 1663 г. на Луках Великих состояло «рейтарского строю луцких казаков и новоприборных людей 567 ч., и в том числе пеших 170 ч., да из литовских полонянников пеших же и безоружных и худы 67 ч.», причем многие из них от голода и наготы «бегут врозь»²¹⁰.

Крайнее разорение ратных людей в порубежном Луцком уезде и нехватка денежных средств накануне нового похода заставило командование удовлетворить челобитье самых «бедных и разоренных» луцких казаков и, отставив их от конной рейтарской службы, перевести в пешие казаки (сентябрь 1663 г.)²¹¹. Таковых оказалось 200 чел. во главе с атаманом И. С. Мурашевым, и всех их оставили в гарнизоне Лук Великих, отдав под начало полуполковника В. Якоби вместе с солдатами из крестьян и мещан (конец декабря 1663 г.)²¹². В отличие от псковских рейтар, которые, даже будучи в пехотном строю, все равно получили по 12 руб. и выступили в поход в декабре 1663 г., беднейшие луцкие казаки остались в городе и были переведены на пониженное жалованье (по 4 руб. в год).

Таким образом, в начале нового похода, 29 сентября 1663 г., «полк рейтар полковника Петра Фрелиха» насчитывал только 253 рядовых (луцких казака)²¹³. Многие помещики, в т. ч. и рейтарского строя, узнав, что жалованье выдаваться не будет, не спешили съезжаться из деревень, а выступившие из Лук во Ржев «рейтары и салдаты и казаки» по дороге стали силой брать хлеб у крестьян²¹⁴. Торопецкие рейтары, приписанные к полку, поначалу не собрались²¹⁵, а затем были переданы в ослабленный полк Я.

²¹⁰ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 351. Л. 143 (датируется по Л. 145).

²¹¹ После 1 сентября 1664 г. (по их поздней челобитной, это произошло в 7174 г. – Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 148. Л. 16), но до выступления в поход 29 сентября (Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 362. Л. 263), так как в росписи отправленных ратных людей – только 253 луцких казака (Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 348 об. – 362).

²¹² Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 362. Л. 164 – 167 (грамоты В. Якоби и К. У. Нащокину от 16 декабря 1663 г.); Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 132. Л. 33 (сообщение об исполнении в январе 1664 г.); Ф. 210. Дела десятен. № 276. Л. 72 – 121 об. (список пеших казаков, получивших жалование на 7173г. (от 28 ноября 1664 г.)).

²¹³ Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 348 об. – 362.

²¹⁴ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 362. Л. 263, 264.

²¹⁵ На 26 ноября 1663 г. у Хованского в приезде числилось всего 17 торопчан (Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 178. Л. 86), а 4 декабря кн. Д. А. Борятинский присоединил в Торопце к своему войску только 22 чел. (Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 362. Л. 50).

Одобрена²¹⁶. Во Ржеве число казаков – рейтар увеличилось до 305 чел., но уже через месяц 75 из них сбежали. Полковник получил возможность вернуть их в строй в декабре, побывав на Луках в составе отряда стольника кн. Д. А. Барятинского²¹⁷. В дальнейшем полк должен был насчитывать порядка 300 рядовых, однако моральный уровень этих людей, которые из-за сожжения волонтерами посада Лук Великих (30 октября 1663 г.) были “от литовских людей разорены вконец: дворишко позжены и животишко побраны”²¹⁸, стал крайне низок.

Это не замедлило сказаться уже вскоре: в разных числах мая 1664 г. из-под Витебска сбежало “Петрова полку Флериха луцких казаков рейтар” 114 чел., а в начале июня, в период боев, еще 34²¹⁹. Правда, уже через 3 недели луцкий воевода кн. Д. А. Барятинский, собрав 84 “беглых казака” и бив всех батогами или кнутом (каждого десятого “по жеребью”), сам повел их к Хованскому на Велиж²²⁰.

В походе 1663 – 64 гг. полк представлял собой, по сути, прежний луцкий казачий отряд, только не в сотенном, а в рейтарском строю: по всем документам о беглых и раненых его рядовыми являются исключительно “луцкие казаки рейтары”²²¹, а хлебные запасы в войске выдаются “лутцким рейтаром Петрова полку Фрелиха и казакам всех станиц”²²².

В этой связи уместно отметить, что в это тяжелое время проявилось различие в обеспеченности конским составом между станицами кормовых и поместных казаков: еще по осмотру кн. Б. А. Репнина, “в Луцком полку рейтары... казаки помесные добры и конны, а у ково лошадей нет, и на них и на даточных лошадей взять мочно; а досталные рейтары бедны и

²¹⁶ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 180. Л. 5, 100, 119, 120.

²¹⁷ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 178. Л. 86, 87.

²¹⁸ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 505.

²¹⁹ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 180. Л. 9, 101 – 104, 126.

²²⁰ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 132. Л. 50, 54, 145 – 152.

²²¹ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 180. Л. 9, 101 – 104, 126; Ф. 210. Дела десятиен. № 276. Л. 25 об.

²²² Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 132. Л. 214 (распоряжение от 23 июня 1664 г.)

бесконны”²²³. Сожжение слобод кормовых казаков окончательно подорвало их хозяйство, почему к 1665 г. в пеший строй из конной полковой службы было выведено уже не 200, а 300 – 350 чел.²²⁴ Закономерно предположить, по аналогии с Псковским полком 1662 – 64 гг., что “конными” остались большей частью помещики – лучане дети боярские и поместные казаки.

В феврале 1665 г. был вновь создан отдельный Луцкий полк Новгородского разряда (воеводы кн. П. И. Хованского), в связи с чем полковник Петр Фрелих, прибывший 30 мая на Луки из Пскова, принял под команду значительно больший рядовой состав. В полк вернулись торопецкие рейтары (дети боярские и “погостские”²²⁵), опять появились помещичьи даточные, и вновь прибыли впервые поверстанные в рейтарский строй дети боярские зубчане и ржевичи²²⁶. Наконец, по приказу кн. Петра были опять “построены в рейтарской строй в Петров полк Фрелиха” 174 луцких казака из пеших станиц. Последние, - правда, после долгих мытарств, - получили за это положенное дополнительное жалованье (к 7 руб. пешего строя) “против” псковских и новгородских казаков и луцких детей боярских рейтарского строя – “по два кумача человеку” (10 декабря 1665 г.)²²⁷.

При роспуске полка кн. П. И. Хованского с Лук Великих 22 февраля 1667 г. в рейтарском строе “в естях” оказалось (в т. ч. в Витебске и Полоцке): детей боярских лучан 11 чел., ржевичей 6 чел., зубчанин 1 чел., торопчан 23 чел., луцких казаков 316 чел., даточных луцких помещиков 18 чел. С учетом “нетов”, полк насчитывал более 400 рядовых, причем 52 из них, ходившим пешими еще в поход 1665 г., при раздаче жалованья на 7174 г. “для

²²³ Веселовский С.П. Сметы... С. 12, 13.

²²⁴ В июле 1665 г. на Луках Великих числилось 289 пеших казаков (Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 148. Л. 17), но 174 чел. «вновь построенных» тогда же в рейтарский строй из пеших и 167 чел., оставшихся в пешей станице У. Н. Пестрикова (Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 7. Л. 152 – 161, данные на 22 февраля 1667 г.), в сумме дают цифру 341 чел.

²²⁵ Неизвестно, в какой полк высылались 10 чел. «погостских» рейтар в августе 1664 г. (Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 132. Л. 235), но в походе 1665 г. и позже они входили уже точно в Луцкий рейтарский полк (Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 7. Л. 520).

²²⁶ Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 7. Л. 131 – 136 об.

²²⁷ Там же. Л. 25 – 70.

рейтарской службы дано... по 10 рублей человеку с порукою, потому что они конны” (27 июня 1666 г.)²²⁸.

В этом последнем своем походе (“летнем борисоглебском” 1665 г.) полк по-прежнему делился на 9 или 10 рот²²⁹. Однако, когда по государевым указам от 28 июля 1666 г. в Полоцк и Витебск были отправлены по сотне рейтар, они представляли собой две сводные роты во главе с ротмистром, поручиком и прапорщиком каждая, ратные люди которых сменялись через определенный срок²³⁰. При этом, если три доли состояли полностью из луцких детей боярских и казаков, то четвертая (на февраль 1667 г. – в Полоцке) включала в себя 41 луцкого казака, 18 даточных, 30 детей боярских из Торопца, Ржева и Зубцова – т. е., явно была создана по остаточному принципу²³¹.

Боевое применение. Давние боевые традиции луцких казаков позволили полку с честью пройти тяжести походов 1662 – 65 гг., при том, что по интенсивности боевой деятельности ему в это время не было равных среди рейтар Новгородского разряда. Уже осенью 1662 г. роты полка Фрелиха трижды участвовали в “посылках” с Опочки и каждый раз с успехом громили литовский полк Х. Салтана, обосновавшийся под Себежем и Лютиным (бой при Локтях 29 сентября, когда в обозе “пехоту... их посекали всех”²³²; бой “у

²²⁸ Там же. Л. 106 – 107, 123 – 142 об.

²²⁹ Кн. П. И. Хованский взял для похода из луцкой казны 9 рейтарских ротных знамен (Там же. Л. 597).

²³⁰ В ноябре 1665 г. на смену ротмистру Н. Лопухину в Витебск был послан ротмистр И. Х. Лопухин с поручиком и прапорщиком, а в Полоцк – ротмистр А.К. Поспелов (Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 7. Л. 23-24 об.); 25 декабря 1666 г. 40 луцких казаков, отправлявшихся в составе роты в Полоцк на смену предыдущей роте, получили шубные кафтаны (Ф. 210. Дела десятен. № 282. Л. 279); те же луцкие казаки, что несли службу до них, 22 февраля 1667 г. били челом на Луках, “чтоб великий государь пожаловал их для всемирные радости – мирного постановления – и для их бедности, велел им дать... по шубному кафтану..., что осталось за роздачею луцким же козаком рейтарского строю, которые посланы им на перемену” в Полоцк и Витебск; и получили их 170 рядовых, два трубача, два литавщика и писарь (Там же. Л. 287-295 об.).

²³¹ Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 7. Л. 106 – 107, 123 – 142 об.

²³² Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 136. Л. 128, 136: по всей видимости, там были три роты рейтар именно Луцкого полка, так как их первыми отправили на Опочку (Там же. Л. 128, 259).

озера у Долонца в сутоках (?)” (оз. Долосцы в 70 км к югу от Опочки) 2 ноября²³³; бой под Лютином 6 декабря в составе полка А. Нащокина²³⁴).

В декабре полк Фрелиха (роты №№ 1 – 8) перешел из отряда И. Н. Суморокова под начало полкового воеводы Лук Великих кн. С. И. Львова, где и оставался до 29 марта 1663 г. Уже 19 декабря ротмистр Микифор Лопухин с пятью ротами рейтар и другой конницей захватил “языков”, которые сообщили о захвате и сожжении волонтерами С. Чернавского и Дятловича г. Усвята (16 декабря), что произошло в нарушение перемирия. Вскоре, видимо, самый “доброконный” сводный отряд сотенного головы Г. Г. Чирикова (100 чел., в т. ч. 10 рядовых и 6 начальных людей луцких рейтар), поддержанный пехотой, перехватил и разгромил у озера Ущо литовский обоз, шедший из-под Усвята (30 декабря), освободил всех русских пленных и вернул трофеи. В конце января уже весь полк кн. Львова ходил на “острожек” на оз. Неведро, прогнав оттуда литовцев без боя²³⁵.

Отъезжая в Москву, Львов сдал своих ратных людей городовому воеводе К. У. Нащокину²³⁶, и последний передал их через три месяца окольниковому кн. И. П. Барятинскому, назначенному в “товарищи” по Лукам и Торопцу к главному воеводе Новгородского разряда 24 июня 1663 г.²³⁷ Окольничий, едва узнав о прибытии кн. И. А. Хованского во Ржеву Володимерову, увел туда всю луцкую конницу, включая и слабый рейтарский полк. После того, как волонтеры Чернавского “изгоном” сожгли все слободы Великих Лук (30 октября)²³⁸, Хованский отправил своего нового товарища, стольника кн. Д. А. Барятинского с луцкими и торопецкими ратными людьми на выручку уезда: 24 ноября литовцы сняли осаду с города, но обосновались неподалеку²³⁹.

²³³ Там же. Л. 229.

²³⁴ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 136. Л. 173, 229, 272 – 277.

²³⁵ Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 170 – 181 об., 185 - 188; Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 136. Л. 161, 165.

²³⁶ Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 267.

²³⁷ Записная книга Московского стола 7171 г. // РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 546.

²³⁸ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 178. Л. 51 – 53.

²³⁹ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 362. Л. 202.

Прибыв на Луки 7 декабря, воевода отправил роту рейтар ротмистра Т. Шишкина за “языками”. Через два дня, получив точные сведения о месте расположения обозов Чернавского и Либика, откуда те рассылали “загоны”, Барятинский немедленно двинулся со всем полком на Чернавского в Заболотье. Волонтеры по обычаю не приняли боя и побежали из обоза, потеряв многих людей в преследовании, но в этот момент с другой стороны в это же место “безвестно” пришли литовцы “из Сержантова полку Любика Кривого”, спешившие “в сход” к Чернавскому. Завязался бой, в котором противник потерпел сокрушительное поражение: в руки победителей попали пять знамен и 10 волонтеров, в т. ч. два ротмистра²⁴⁰, а, по сведениям от пленных, “убито де ево, Чернавского, и Сержантова полку человек с полтора²⁴¹”. Литовцы были вынуждены бежать к Освею и за Двину, а лучане вернулись под начало Хованского и приняли участие в дальнейшем походе 1664 г. В битве под Витебском рейтарский полк Фрелиха вместе с остальной конницей был разбит и рассеян²⁴², после чего лучане вновь поступили под начало воеводы кн. Д. А. Барятинского. В составе его отряда они действовали под Невлем и Дисной, потерпели новое поражение от Чернавского и Дятловича “под Лушками” и вместе с войском отступили на Витебск, а к декабрю – на Луки.

Пополненный в 1665 г., полк принял участие в “летнем борисоглебском походе”, а с лета следующего года нес сезонную службу в Витебске и Полоцке, вплоть до сдачи их полякам по Андрусовскому миру. Отличные боевые качества луцких рейтар, возможно, стали причиной того, что по итогам Чигиринских походов их в 1678 г. попытались перевести в копейную службу. Правда, казаки закономерно отказались по причине своей бедности, попросив в челобитной, чтоб им “в копейщиках не быть, перед гусары бы нам с копьями не ездить”²⁴³.

²⁴⁰ Там же. Л. 36 – 41, 77 – 80.

²⁴¹ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 352. Ст. I. Л. 70 – 72.

²⁴² Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 515 – 517.

²⁴³ Чернов А.В. Строительство... С. 473.

Полк гусарского строя полуполковника Микифора Караулова.

Полк, едва сформированный в начале похода 1661 г., понес серьезные потери в битве при Кушликовых горах: из 385 гусар, оставшихся в строю, погибло, попало в плен и было ранено 134 чел. – более трети состава! (Погибло 28 чел., без вести пропало 86 чел., в плен попало 6 чел. (в т. ч. командир полка, полуполковник Г. Хлопов), раненых отпущено к Москве 14 чел.)²⁴⁴. Гусары стали возвращаться из плена (в основном по обмену) почти сразу после битвы, но “выходцам” предоставлялся отпуск, и они все равно на время выбывали из строя.

Вновь формировать полк кн. Б. А. Репнин отправил из Новгорода во Псков влиятельного псковского дворянина полуполковника Микифора Петрова сына Караулова (28 июня 1662 г.). Ему предписывалось: “А собрав начальных людей и гусар, и росписав их в роты, и дав им прапоры, которые даны ему, Микифору, в Великом Новгороде, и устроя з древки, пересмотря, учить их гусарскому строю, чтоб они гусарскому строю были навичны и к походу боярина и воевод князя Бориса Александровича Репнина со товарищи со всем были готовы”. Трубачи и литаврщики прибирались вновь во Пскове из вольных и из казачьих детей²⁴⁵. К осени полк был сформирован и даже достиг прошлогодней численности: 405 рядовых при 21 начальном человеке. Гусары все были из “добрых” дворян и детей боярских разных уездов Новгородского разряда, но, по причине общего кризиса, “малоконны ж, а иные и бесконны”²⁴⁶.

Данные разбора во Пскове осенью 1665 г. содержат подробные сведения о них. По своему чиновному составу псковичи и пусторжевцы (по Пскову) гусарского строя делятся на почти равное число выборных дворян (9 чел.), дворовых (11 чел.), городских (9 чел.) и неверстанных (8 чел.) детей боярских. В то же время, у большинства известны сроки начала службы: 8 чел. с 7148 – 50 гг. (1639 – 42); 5 чел. с 7156 – 59 гг. (1647 – 51); 9 чел. с 7162

²⁴⁴ Подсчитано автором по: Ф. 210. Смотренные списки. № 87.

²⁴⁵ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола, № 126. Л. 216, 217.

²⁴⁶ Веселовский С.П. Сметы... С. 10 – 12, 15.

г.(1653 – 54) и 8 чел. с 7164 г. (1655 – 56). Еще двое уже числились среди гусар в 1661 г., и только один “неверстанный” точно служил с 7169 г. (1660 – 61). Таким образом, практически все начали свой боевой путь еще в “сотенной службе”, и затем год – два провоевали рейтарами; за плечами у них был богатый опыт всех походов Новгородского разряда против литовцев и шведов. Те же “сказки” содержат и данные о поместьях гусар: совсем без крестьян изначально были только 3 чел.; менее 10 дворов включительно имели 16 чел., от 11 до 20 дворов – 12 чел., а двое – даже более 20 дворов (24 и 26)²⁴⁷. Хотя из-за систематического уничтожения крестьян литовскими волонтерами в 1662 – 65 гг. мало какие хозяйства уцелели, изначальная установка, какого качества должно было быть поместье гусара, ясна. Если учесть, что для псковской корпорации до войны среднее поместье составляло 20 дворов, а после войны – 13, легче понять, почему среди дворян и детей боярских этого уезда уже в 1661 г. почти не осталось рейтар: в отличие от несравненно беднейших помещиков новгородских пятин, всех их перевели в гусары. Становится яснее, почему Хованский, сам начинавший службу в Новгородском разряде с воеводства во Пскове, всегда включал псковичей в первую роту гусарского полка, нарушая обычный местнический счет городов.

Организация “полковой службы” разряда, создание нескольких одновременно действующих воеводских полков с особыми округами комплектования конницы не могли не отразиться на структуре гусарского строя: с 1663 г. он перестал собираться полностью. В декабре 1662 г. Репнин отвел в Новгород новгородцев всех пятин, и 27 января 1663 г. среди них числилось “гусар в 4 ротах” 278 чел. налицо и 6 чел. “в нетах”²⁴⁸. Гусары лучане (22 чел) и торопчане (35 чел.), вместе с четырьмя начальными людьми и двумя музыкантами образовав “гусарского строю ротмистра Михайлы

²⁴⁷ Подсчитано автором по: Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 12. Л. 6 об., 12, 14 об., 20 – 161 об.

²⁴⁸ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 347. Ст. II. Л. 3, 11.

Челищева роту»²⁴⁹, прибыли на Луки Великие 17 декабря в составе войск кн. С. И. Львова. Вместе с сотней дворян и детей боярских Торжка, Твери и Старицы, в отряд князя поступили и гусары этих городов (ок. 20 чел.), усиливавшие поначалу роту Челищева, но по указу от 14 февраля 1663 г. отпущенные по домам. Кстати, сотенных людей их городов отпустили со службы уже 1 февраля²⁵⁰.

Гусарского строя дворяне и дети боярские Псковского уезда во главе с самим Карауловым остались во Пскове у городского воеводы: по смотру 4 октября 1663 г. их числилось (по “естьям” и “нетам”) 6 начальных людей, 19 псковичей, 17 пусторжевцев и 14 невлян²⁵¹. В декабре 1663 г. они поступили в полк стольника кн. Н. Г. Гагарина и участвовали в походе под Себеж (52 чел.)²⁵². Затем Гагарин самовольно «поехал во Псков, а дворян и детей боярских распустил по домом ..., а рейтарского строю начальных людей и гусар и донских казаков взял с собою». Оправдывая своих соратников, помещик Р. Кокошкин доложил, что Гагарин «полку своего дворян и детей боярских и гусар из Лютина во Псков взял с собой силно», но от Москвы не укрылось, что в действительности «они пошли, не хотя быть в полку у Ивана Суморокова»²⁵³. В апреле Ромодановский обосновывал невозможность посылки подкреплений И. Н. Суморокову тем, что рейтары все пеши, “а псковичи, государь, и пусторжевцы и невляне дворяне и дети боярские в полку у него, Ивана Суморокова б[ыть] не хотят”²⁵⁴, явно относя гусар к последней группе ратных людей. Судя по контексту всех упомянутых дел, они воспринимались и ощущали себя как часть “служилого города”, в отличие от незнатных рейтар Псковского полка. И все же в июне гусары были посланы в Остров, похоже, в составе рейтарского полка В. Кригела: о

²⁴⁹ Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 171 об., 196 об. – 199.

²⁵⁰ Записная книга Московского стола 7171 г. // РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 510, 511; Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 199 – 203.

²⁵¹ Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 368 об. – 370 об., 375 об. – 376 об.

²⁵² Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 337.

²⁵³ Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 11. Л. 31 – 33.

²⁵⁴ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 379.

самовольном уезде оттуда в Москву гусара А. И. Зубатого воеводу “известил” майор этих рейтар²⁵⁵.

Подобно псковским, луцкие гусары с 29 марта по июль 1663 г. находились в ведении городского воеводы, а затем выступили в полк кн. И. А. Хованского в числе всего 19 лучан и 2 невлян²⁵⁶. Во Ржеве их численность еще и уменьшилась до 19 чел.²⁵⁷: дворяне не спешили в полк без надежды на жалованье, ведь многим и нечем было “подняться” на службу. Тем не менее, эти гусары в составе конницы своих уездов (луцкого и торопецкого) приняли участие в походе кн. Д. А. Барятинского в декабре 1663 г.: в это время в новгородской коннице части нового строя, состоявшие из наименее обеспеченных ратных людей стали столь слабы, что на первый план вновь вышло деление на городские корпорации. Затем, правда, жалованье было выплачено, и Хованский повел в рейд по Литве уже довольно хорошо укомплектованный полк, в котором не хватало только псковских гусар.

Полк насчитывал около 350 чел. и состоял из 4 рот, причем первые три включали в себя новгородцев разных пятин, а последняя, луцкого ротмистра Н. Т. Челищева, – гусар всех остальных “городов” (Луки, Ржева Пустая и Невль по Лукам, Торopez, Тверь, Торжок и Старица). Туда же попали и ржевичи, впервые поверстанные в гусарский строй²⁵⁸. Первой ротой командовал майор С. Сергеев: вероятно, он и возглавлял полк в этом походе.

До конца мая 1664 г. из полка сбежало всего 5 чел. (в т.ч. незнатный трубач), а до боя, с боя и после боя под Витебском – еще 24. По сравнению не только с рейтарами, полки которых поредели на 1/3 – 2/3 личного состава, но и с сотенными людьми (97 беглых, не считая “нетов”)²⁵⁹, гусары выделяются своей выдающейся стойкостью. На Велиже (2 июля) конница

²⁵⁵ Там же. Л. 566.

²⁵⁶ Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 350 – 351.

²⁵⁷ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 178. Л. 86.

²⁵⁸ Указанную численность и состав полка дают данные: по «естям» на Велиже 2 июля 1664 г. – 261 чел. (Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 11. Л. 17), по беглым в мае – июне 1664 г. – 29 чел. (Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 180. Л. 99, 116, 117) и по раненым под Витебском – 43 чел. (Ф. 210. Дела десятиен. № 276. Л. 13 - 20), к чему надо прибавить убитых и взятых в плен под Витебском.

²⁵⁹ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 180. Л. 5 – 7, 98, 99, 114 – 117.

разряда состояла из 1055 чел. сотенной, 360 чел. рейтарской (3 полка !) и 261 чел. гусарской службе²⁶⁰. Это связано не только с честностью этой службы, и не только с “добротой” гусарского поместья, но и с повышенным жалованьем, которое старались платить им сполна даже в это, тяжелое с финансовой точки зрения время. Так, псковские гусары перед походом (19 декабря 1663 г.) получили по 15 руб. против 10 руб. у сотенных и 12 руб. у рейтар²⁶¹. Так же и в главном полку разряда: по указам от 24 декабря 1663 г. и 22 июля 1664 г. (подтвержден 22 сентября), если сотенные рейтары делились на две статьи по 10 и 15 и по 12 и 15 руб., то гусарам серебряные деньги выдавались неизменно “одной статьей” по 15 руб. человеку²⁶². Такие же нормы жалованья сохранились и впоследствии, причем гусарское звание являлось основанием почти неукоснительной выплаты даже при таком нелицеприятном разборе, какой провел кн. Хованский в октябре 1665 г. – “для ево тяжелой гусарской службы”.

Последняя фраза означала, что гусарам, в отличие от рейтар и сотенных, приходилось много учиться особо сложным приемам верховой езды, уходящим корнями в рыцарское прошлое конного копейного строя. Для качественного боевого применения, а именно – нанесения копейного удара на полном скаку, – им необходимо было иметь хороших лошадей и сбрую и бережнее относиться к доспехам и оружию. Этого же требовало и положение их в полку: в обоих боевых эпизодах, от которых дошли известия о походном построении войск Новгородского разряда, Хованский ставил гусар в охрану Государева знамени – сердца боевого порядка (октябрь 1660 г.²⁶³ и март 1666 г.²⁶⁴)

Летом 1665 г. из Пскова в поход двинулись гусары: 162 новгородца, тверича и новоторжца и 87 псковичей²⁶⁵. Затем их догнали отставшие, и в

²⁶⁰ Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 11. Л. 17.

²⁶¹ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 352. Ст. I. Л. 58, 83.

²⁶² Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 11. Л. 16 – 17 об.

²⁶³ АМГ. Т. 3. С. 205 (№ 220).

²⁶⁴ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 481, 484.

²⁶⁵ Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 188. Л. 496 (11 июля 1665 г.)

итоге сформировались полные 3 роты: полуполковника (и командира полка) Н. Караулова – новгородцы и все псковичи, от 101 до 105 чел. по списку; майора С. Сергеева – новгородцы, 102 – 105 чел.; и ротмистра К. Дирина – новгородцы, тверичи, новоторжцы и старичане, 91 – 94 чел.. В росписях они называются просто «гусары» (а не гусарский полк) и перечисляются по ротам (как сотни дворян перед ними), и лишь при выдаче жалованья после похода их офицеры обозначены как «гусарского строя полуполковника Никифоровой шквандроны Караулова начальные люди»²⁶⁶. Очевидно, это общее обозначение трех упомянутых рот главного (Псковского) полка, которые только в соединении с четвертой – луцкой ротой составляли уже не шквандрону, а целый полк гусарского строя Новгородского разряда.

До 8 октября шквандрона потеряла только одного чел. пленным и трех бежавшими (все из 1-й роты)²⁶⁷. К марту 1666 г. в “нетах” у гусар оказалось 35 чел. (да 7 “женитца отпущены”), что по сравнению с рейтарами является ничтожно малым процентом и вновь уподобляет их сотенным дворянам и детям боярским. К майскому смотру (15 числа) в “нетах” оказалась уже треть (110 чел. из 322), почти то же самое мы наблюдаем и по сотенным (200 из 680), гораздо больше – по рейтарам (808 из 1888)²⁶⁸. Здесь сказались, с одной стороны, долгая “полковая служба” (с февраля 1665 г.), а с другой – неизбежные послабления со стороны воевод в преддверии заключения перемирия.

Гусары полка стольника кн. П. И. Хованского, служившие в это же время на Луках Великих, составляли отдельную роту. Это видно по числу и званию их начальных людей: из четверых (два поручика и два прапорщика) только один – поручик Тимофей Болшев – был назначен ротмистром (“в приказ”, т. е. временно)²⁶⁹. В его подчинении в походе 1665 г. находились, как минимум, 14 лучан, 2 невлянина “по Лукам”, 40 торопчан, да еще 6 чел.

²⁶⁶ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 289.

²⁶⁷ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 3, 539.

²⁶⁸ Там же. Л. 440, 441.

²⁶⁹ Ф. 210. Дела десятиен. № 282. Л. 14, 14 об., 216, 338.

(по одному лучанину, псковичу и пусторжевцу “по Лукам” и 3 торопчанина) остались на Луках, видимо по болезни или без лошадей (итого 62 рядовых)²⁷⁰. При соединении с полком боярина Хованского рота, возможно, осталась при его сыне в виде такого же эскорта воеводского знамени: кн. Петр взял для нее из луцкой казны 5 гусарских значков!²⁷¹

Боевое применение. После реорганизаций 1661 – 62 гг. первыми вступили в бой гусары передовых полков. В бою у оз. Ущо (30 декабря 1662 г.) приняли участие поручик и 19 гусар луцкой роты Челищева из состава сводной сотни Г. Г. Чирикова, которые лично взяли в плен 9 шляхтичей и “фартмиистра” из полка Чернавского²⁷². Через год те же гусары сражались с волонтерами Либика у Заболотья (9 декабря 1663 г.), потеряв раненым лучанина К. Н. Креницына (“на бою сечен саблею по голове”)²⁷³. Как более “доброконные”, и псковские гусары, по “выбору лутчих” воеводы кн. Н. Г. Гагарина, в сводной сотне (50 чел.) Б. Неклюдова, были в преследовании волонтеров С. Чернавского и в посылке под Себежем (30 декабря 1663 г. – 6 января 1664 г.)²⁷⁴. С кн. И. А. Хованским гусары четырех рот приняли участие в походе февраля – марта 1664 г. и испили чашу поражения на р. Лучасе под Витебском, где потеряли одними ранеными столько же, сколько и вся сотенная служба (42 гусара против 44 сотенных дворян и детей боярских)²⁷⁵: видимо, вновь пришлось ходить в безнадежные атаки и отстаивать Государево знамя. Вместе с тем, эта битва стала последней для полка, т. к. новых крупных сражений, где бы дошел черед до гусар, до конца войны так и не случилось.

Гусарский полк был создан в качестве отборного дворянского подразделения конницы “нового строя” Новгородского разряда при

²⁷⁰ Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 7. Л. 373 – 383 об., 440 – 466.

²⁷¹ Среди отправленных перед походом из Лук Великих во Псков знамен Новгородского разряда (оставленных там кн. П.А. Долгоруким в декабре 1664 г. при роспуске полка) не значатся “пять значков гусарских”, и по расчету, они вошли в число “20 знамен дорогилных”, бывших “в походе у... кн. Петра Ивановича Хованского” (Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 7. Л. 173-176)

²⁷² Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 171 – 174.

²⁷³ Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 362. Л. 80.

²⁷⁴ АМГ, Т. 3. С.551 (№ 657); Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 352. Ст. I. Л. 65.

²⁷⁵ Ф. 210. Дела десятен. № 276. Л. 4 – 26.

своеобразном и во многом уникальном развитии событий и под влиянием таких ярких личностей, как кн. И. А. Хованский. Пожалуй, он так и остался единственным в своем роде до самого начала XVIII в., поскольку его аналог – части “копейного строя”, широко распространенные в период борьбы с турецко-татарской агрессией на Украине во всех действующих войсках (в т.ч. и в Новгородском разряде), – все же не имел столь элитного характера и не был окружен таким ореолом, как гусары.

Выводы. Условия боевой службы ратных людей Новгородского разряда в последние годы войны 1654 – 67 гг. по сложности вполне сопоставимы с эпохой Смуты или исходом Ливонской войны 1558 – 83 гг. Численное и, зачастую, моральное превосходство противника, разорение хозяйства (вплоть до сожжения врагами поместий и слобод), кризис финансовой системы государства порой угрожали полным крахом всей военной системы данного округа. В этой ситуации все усилия полковых воевод свелись к поддержанию боеспособности своих отрядов любыми средствами – благо, что богатейший опыт предыдущих лет войны предоставлял массу возможностей. Отметим основные моменты.

Для эффективной и своевременной обороны от набегов литовских грабителей-волонтеров, а также в связи с отказом от крупномасштабных походов за Западную Двину, полевые войска разряда были разделены на несколько полков: во Пскове, на Великих Луках и в Новгороде (в качестве резерва). Командование ими осуществляли городовые воеводы, и лишь по особым государевым указам они переходили в ведение полкового разрядного воеводы и его товарищей для осуществления какой-либо важной задачи сверх защиты границ уезда.

Соответственно, конные ратные люди, относящиеся к одному из трех указанных округов, собирались при необходимости в полном составе, без различия «строев», и перед командованием вставала подчас непосильная задача формирования из них полноценных боевых единиц. Если в случае с

сотенными людьми и – благодаря реформе Репнина – с рейтарами это еще было возможно, то гусары во Пскове и на Луках представляли собой «роты» чисто символически. Зато, как и прежде, широко практиковалось создание разного рода сводных подразделений для погонь, «подъездов» и т. п., в которых всадники всех чинов и строев объединялись по принципу «доброконности» и «оружности». Тем не менее, это не привело к отмене результатов прежних реформ: при воссоздании разрядного полка в 1664 и 1665 гг. ратные люди вновь заняли свои места в строю определенных им полков – и под командой тех же начальных людей!

Кроме сводных сотен, определенные тенденции заметны и в структуре полков рейтарского строя. Несмотря на то, что ни один из них даже по спискам так и не достиг до конца войны численности в 1000 человек, единообразная для всей страны 10-ротная структура каждого полка была сохранена. Однако, не все роты остались равноценны по боевой силе. В пике кризиса, когда только опиравшиеся на свое поместное хозяйство ратные люди могли явиться в полк на коне, у псковских рейтар была выделена одна – «полковничья» – рота в качестве действующей в конном строю единицы – остальным же пришлось усиливать пехотные подразделения. В других полках (Г. Фоншеина и, возможно, лифляндском А. Форота) также первая рота комплектуется более полно (даже до 100 чел) и лучшими людьми. Подобная практика имеет аналоги и на Западе, и в старой сотенной службе, и отражает стремление воевод и полковников иметь хотя бы небольшое, но полноценное подразделение рейтарского строя.

На этом плане все больше выделяется полк гусарского строя. Стремление придать элитное значение этому виду конницы прослеживается и в регулярной выплате гусарам самого высокого для рядовых Новгородского разряда денежного жалованья, и в переводе туда всех помещиков – рейтар из более богатых, по сравнению с новгородскими пятинами, уездов Пскова и Лук Великих, и подчеркнута дворянском составе полка. Результаты действительно впечатляют: мало того, что в нем был

наименьший процент «нетчиков» и беглых – среди гусар, в отличие и от рейтар, и от сотенных, совершенно нет бесконных!

Одновременно наблюдаются характерные процессы как внутри военно-сословных групп конных ратных людей, так и в их связи с полковой организационной структурой. Рейтарские части постепенно обретают определенную сословную принадлежность. Так, рейтары новгородских пятин, уездов Твери, Торжка и Старицы составили единый полк, закономерно обозначенный в 1665 г как «Дворянской»: он не включал в себя ратных людей иных сословий, помимо служилых «по отечеству», и даже митрополичьи дети боярские были, как конные даточные Софийского дома, выведены из его состава. С почти полным переводом остальных рейтар-дворян (из псковичей, лучан, пусторжевцев, невлян), а также временной откомандировкой даточных и торопецких рейтар, остальные три полка – второй новгородский, псковский и луцкий – в 1663 – 64 гг. превратились преимущественно в городовые казаки. Наконец, в те же годы существовало сводное подразделение из даточных рейтарского строя Новгородского разряда, выполнявшее совершенно отдельную задачу в составе драгунского полка в Лифляндии.

Старые станицы городских казаков Новгородского разряда к 1661 г. были поголовно переведены в рейтарский строй, в связи с чем исчез дуализм внутри этих отрядов (разделение на сотенных и рейтар). В сотнях остались лишь бывшие «вольные казаки» сомерской и копорской станиц, но они по бедности все чаще несут пешую службу. Также и на Луках впервые появились станицы пеших казаков, отставленных от рейтарской службы ввиду своего крайнего разорения. Приходится констатировать, что кормовые городовые казаки, которые в Новгородском разряде служили только за денежное и хлебное жалованье, оказались не способны поддерживать конный характер своей службы в период кризиса – в отличие от помещиков.

«Новоприборные рейтары» или «вольные люди» рейтарских полков, записавшиеся туда в 1661 г. и не сбежавшие со службы, к 1665 г. были

поголовно поверстаны в казаки соответствующих месту их службы городских станиц. Таким образом, они были зачислены в уже существующее военное сословие – подобно добровольцам из Ижорской земли (сомерские и копорские казаки) и запорожской сотне («новгородцы иноземцы черкасы»).

Из всех подразделений только даточные, в силу временности своей службы, не могли приобрести определенное сословное лицо. Тем не менее, богатый боевой опыт многих из них и особенности рейтарского строя делали их довольно боеспособными ратниками – правда, вряд ли превосходившими казаков или дворян. Самое важное, чем они привлекали воевод – это самообеспечение за счет крепкого церковно-вотчинного хозяйства или прожиточных поместий. Это позволило им поддерживать способность к конной службе в кризисный период, подобно помещикам дворянам или поместным казакам. И все же, чуждость понятиям дворянской чести или казачьего братства, уверенность в покровительстве своих властей у церковных даточных и полная безответственность вольнонаемного (как П. Патрикеев) – у дворянских, резко снижали надежность этих ратников. По истечении определенного времени или в опасных обстоятельствах (как в походе Суморокова осенью 1664 г.) они без колебаний покидали свои знамена и отправлялись по домам.

Суммируя вышесказанное об организации полковой конной службы, можно обозначить главную тенденцию последних лет войны, как восстановление ее сословного характера. Кратковременная эйфория от возможности в разы увеличивать конницу за счет пополнения рейтарских полков буквально кем попало сменилась трудоемкой и кропотливой деятельностью по сохранению хоть минимального уровня ее боеспособности. Поразительно разнообразная смесь новобранцев 1661 г., различающихся своим происхождением, статусом, численностью и условиями службы была сведена к двум основным традиционным военным сословиям – служилых людей «по отечеству» (дворян и детей боярских) и «по прибору» (городовых казаков). С восстановлением численности и материальной базы указанных

сословий к 1665 – 66 гг. временно усилившаяся роль даточных рейтарского строя вновь исчезает. Что же касается организационных форм полковой службы конницы, то, за исключением трудного периода 1663 – 64 гг., она сохранила структуру образца 1662 г.

Заключение.

Настоящая работа осветила один из интереснейших этапов развития отечественных вооруженных сил, когда развитие военного дела и государства в целом, изменения в международном положении России повлекли за собой новый этап их модернизации. Пожалуй, определяющей особенностью реформ XVII-го столетия стало широкомасштабное освоение военных достижений государств Западной Европы, как в техническом плане, так и в области унифицированных методик обучения новобранцев.

В деле строительства армии указанные процессы тесно сплелись с необходимостью преодоления глубокого хозяйственно-экономического кризиса, сопровождавшего период Смуты и правление первых Романовых. Прежний уклад службы, когда боеспособность ратного человека обеспечивалась его поместьем или вотчиной, на значительной территории страны пришел в упадок, и для исправного ее несения требовалась постоянная финансовая и материальная поддержка государства.

Наконец, напряженная международная обстановка и изменение характера войны вызвали необходимость резкого увеличения численности действующей армии за счет привлечения в состав боевых частей широких слоев населения – в первую очередь, крестьянства. Изменение порядка комплектования привело к размыванию традиционной сословности военной службы, которая прежде являлась обязанностью определенных сословных групп: служилых людей «по отечеству» (дворян и детей боярских) и «по прибору» (стрельцов, казаков, пушкарей), а также инородцев.

Все эти процессы, как в миниатюре, наблюдаются и при реорганизации конницы Новгородского разряда в 1650-х – 60-х гг. При этом, на ее ход сильное и, зачастую, непосредственное влияние оказывала конкретная военная обстановка, ведь эти части постоянно находились «на переднем крае» боевых действий как против Польско-Литовского государства (в 1654 – 56 и 1658 – 66 гг.), так и против Швеции (1656 – 58 гг.). Однако, при всей

спонтанности преобразований достаточно ясно вырисовываются следующие этапы:

1-й этап [1654-59 гг.] – в плане организации характеризуется сохранением традиционной «сотенной» структуры полковой службы конницы как для ратных людей, поселенных на территории Новгородского разряда, так и для новых контингентов донских и вольных казаков. Только с 1656 г. в его составе появляются части принципиально нового типа – полки рейтарского строя, созданные по западному образцу из беднейших детей боярских.

В области обеспечения конной службы наблюдается дальнейшее падение роли поместного хозяйства. Большая часть конных ратных людей не имеет поместий вообще и служит исключительно с денежного жалования, остальные же стали больше нуждаться в нем в силу интенсификации боевых действий. Значительное увеличение конной группировки в Новгородском разряде обеспечено не поместным верстанием, что было невозможно при состоянии тамошнего земельного фонда, а резким увеличением денежных затрат – за счет финансовой реформы 1650-х гг.

Первые видимые успехи этой политики привели правительство к мысли поставить материальное обеспечение беднейших ратных людей на более постоянную основу, что, в сочетании с выводами из боевой практики русско-шведской войны, означало перевод большей их части из «сотенной службы» в полки рейтарского строя.

2-й этап [1659-61 гг.] – период бурных реорганизаций войск Новгородского разряда, обусловленных как долгосрочными планами правительства, так и реакцией на конкретные военные события. Поскольку в походы того времени Новгородский разряд выступал в едином войском, перемены носили централизованный характер.

Во время первого «разбора» весной 1659 г. из малообеспеченных дворян и детей боярских, а также большей части городских казаков было сформировано 3 полка рейтарского строя (2800 чел.) с единообразной

штатной структурой и вооружением. Остальные конные ратные люди остались в «сотенной службе», которая по этой причине приобрела характер элитной – особенно у дворян. После поражения при Полонке (1660 г.), вызвавшего падение их морального духа, в августе-сентябре 1660 г. было создано отборное дворянское подразделение уже в рамках частей нового строя – гусарский полк (из рейтар). Наконец, когда весной-летом 1661 г. для восполнения тяжелых потерь в состав конницы было включено большое количество вольных людей и даточных, Хованский сформировал четвертый рейтарский полк, исключительно из городских казаков.

Таким образом, за короткий период прежде единообразная конница, имевшая традиционную организацию и старую тактику, оказалась разделена на три специализированных типа. Первый – наиболее почетная «сотенная» служба – сохраняя прежние черты организации, приобрел ярко выраженный элитный характер. Следующий по «чести» гусарский строй имел функции тяжелой конницы*, предназначенной наносить копейный удар на полном скаку и оказывать решающее воздействие на ход сражения. Наконец, полки рейтарского строя являлись линейной кавалерией, обученной действиям в сомкнутом строю эскадрона – в первую очередь, с целью огневого воздействия на противника. Полки нового строя имели единообразную структуру и штаты, а также постоянный состав начальных людей, регулярно снабжались оружием и доспехами и проходили интенсивное обучение.

Вызванный рядом финансовых и материальных, моральных и военно-стратегических причин развал полка при Кушликовых горах под Полоцком осенью 1661 г. заставил правительство искать новую, более приспособленную к изменившимся условиям форму организации полковой службы конницы.

3-й этап [1662-67 гг.] – сохранив в чисто структурном плане прежний набор полков: 4 рейтарских и один гусарский, – боярин кн. Б. А. Репнин приспособил ее к территориальной системе комплектования, по образцу

* В данном случае автор не проводит грани между кавалерией и конницей, используя их как синонимы.

Белгородского разряда. К осени 1662 г. конница включала в себя два новгородских, псковский и луцкий рейтарские полки, сохранявшие прежние штаты (по 10 рот в каждом); гусарский полк, помимо трех-четырех новгородских, имел псковскую и луцкую роты.

В условиях затяжного финансово-экономического кризиса, особенно тяжело сказавшегося в Новгородской земле, ратные люди лишились былой щедрой поддержки государства и должны были больше рассчитывать на свои возможности к самообеспечению. Прямым следствием этого стало восстановление сословного характера конной службы, размытого было предыдущими реформами. Пожалуй, именно оно стало главным смыслом и содержанием преобразований 3-го этапа: внешне установленная Репниным структура полковой службы в дальнейшем существенно не менялась.

Лишенные крепкого хозяйства «вольные люди рейтары» были постепенно зачислены в существующие казачьи станицы, но и те на период 1662-65 гг. потеряли способность нести конную службу. Зато выступавшие в поход верхом ценились именно как конные бойцы, а не рядовые определенного «строя», и должны были вновь вспомнить индивидуальные навыки традиционного боя для борьбы с набегами литовских «партизан».

Помимо территориального, части приобрели определенный сословный характер. Так, в конных сотнях служили наиболее знатные и богатые дворяне и дети боярские – остальные же составляли гусарские роты и Первый или Дворянский полк рейтарского строя. Городовые казаки и даточные укомплектовали остальные три рейтарских полка. Именно в таком виде конница Новгородского разряда и закончила свой боевой путь в русско-польской войне.

Степень эффективности данных реформ правильнее оценивать, включив их в как можно более широкий контекст военного строительства.

На протяжении многих веков конница играла важнейшую роль в вооруженных силах Русского государства. Это было обусловлено как

географическими особенностями страны: большими пространствами при редком населении и плохом состоянии сухопутных путей, - так и соседством с Великой степью, из глубин которой перманентно появлялись новые кочевые народы. Конный воин эпохи Средних веков являлся профессионалом своего дела, представителем знати или высшего служилого слоя. Военная служба, будучи сопряжена с постоянным риском для жизни и свободы, требовала развития ответственности, решительности, выдержки и им подобных качеств, что выдвигало ратников на важные посты и в гражданской жизни.

Одним из условий, необходимых для эффективного противодействия новым угрозам, было освоение боевого опыта и военных достижений противника или более отдаленных соседей, что в России наблюдается задолго до реформ XVII в.

Поместная система обеспечения русской конницы складывается в конце XV – начале XVI вв. Одновременно или несколько раньше мы наблюдаем зарождение и развитие того порядка несения воинской службы, а также стратегических и тактических приемов, с которыми этот род войск встретил новую эпоху реформ середины XVII в. Главной его задачей было противодействие разорительным татарским набегам, которые после развала Большой орды стали наносить огромный ущерб всей хозяйственно-экономической жизни страны. Долгое время войны на западной границе не требовали каких-то специальных мероприятий по модернизации конницы: там перевес достигался за счет усиления артиллерии и увеличения стрелецкой пехоты.

Создание на западной границе могущественной Речи Посполитой, располагавшей сильнейшим перевесом именно в кавалерии («крылатые гусары»), а также изменение комплекса вооружения всадника, большую роль в котором стало играть огнестрельное оружие, заставило наконец правительство всерьез приступить к реформированию этого рода войск. Преобразования 1650-х – 60-х гг. привели к переводу большей части ратных

людей прежней «сотенной» службы в полки рейтарского строя, положив начало существованию русской линейной или, как ее было принято называть в XVIII-XIX вв. в противовес казачьим и инородческим формированиям, «регулярной» кавалерии. Вместе с тем, в отличие от пехоты, где значительную роль стали играть полки из даточных, конница в большей степени сохранила свой традиционный сословный характер. Последнее было связано как с недостаточными финансовыми способностями государства, что требовало от конного воина собственного крепкого хозяйства, так и, в не меньшей степени, традиционным сознанием, не допускавшим нахождения на постоянной военной службе представителей иных, кроме как военно-служилых, сословий.

Следующий этап преобразований начался в 1670-х гг. и проходил под знаком, с одной стороны, борьбы с турецко-татарской агрессией в Малороссии, а с другой, попыток удешевить содержание огромной армии и перевести ее на мирное положение. В коннице начало новой широкомасштабной войны в степи привело, в частности, к увеличению доли частей копейного и гусарского строя, более эффективных в боях с превосходной турецкой кавалерией. Однако, специфические условия Крымских походов, вновь потребовавших от конных ратников высоких индивидуальных качеств для борьбы с легкими татарскими отрядами, привели к снижению роли линейной и тяжелой конницы по сравнению с казачьими частями.

Перевод ратных людей рейтарского, гусарского и копейного строя в состав новых драгунских полков в начале Северной войны 1700-21 гг. первоначально был вызван, видимо, особенностями основного театра военных действий. Пересеченная местность давала много преимуществ этим «земноводным»¹, способным успешно действовать как в пешем, так и в конном строю. Однако, эффективность конного боя поддерживалась в значительной степени за счет прежних навыков служилых людей: уставы

¹ Прозвище драгун эпохи Тридцатилетней войны (по Гриммельсгаузену).

австрийского образца ориентировали их на стрельбу с коня, а не на атаку холодным оружием². Непродуманность реформы проявилась в полной мере после такого, казалось бы, логичного решения, как распространение на драгун общей с пехотой рекрутской системы комплектования.

В итоге, к концу правления Петра Первого Россия, по сути, лишилась линейной кавалерии: уже в русско-турецкой войне 1735-39 гг., по отзывам современников, драгуны представляли собой не более, чем ездящую пехоту, которая предпочитала спешиваться при приближении природных конных воинов Великой степи³. Не только драгунские, но и кирасирские полки русской армии оказались непригодны к борьбе с конницей Фридриха Великого на полях Семилетней войны 1756-63 гг.⁴, что обычно оттеняется блестящими действиями пехоты и артиллерии.

Суммируя рассуждения таких военных деятелей России XVIII в., как Миних, Румянцев, Потемкин, находим две основные причины подобного плачевного положения: отсутствие тяжелых заводских лошадей, равных европейским, и система комплектования, когда в конные полки попадали рекруты, непривычные к верховой езде. В условиях отсутствия манежей и опытных берейторов они, как правило, и не достигали за период своей службы уровня подготовки западных кавалеристов⁵ – не говоря уж о наездниках восточной конницы. Взгляды указанных лиц на пути выхода из подобной ситуации были на удивление схожими. Так, Миних в 1731 г. предлагал комплектовать кирасирские полки дворянами с сокращенным сроком службы⁶, и учредил легкую регулярную кавалерию – гусар венгерского образца, состоявших из иностранцев, с детства привычных к подобного рода службе. Румянцев полагал, что «надлежит определять ... в кавалерию и легкую конницу – при способности лутчей к конской езде, к

² Верходубов В.Д. Создание русской регулярной армии: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М. 1948. С. 165; Пенской В.В. Возникновение, становление и эволюция русской тяжелой кавалерии в 1731 – 1801 гг.: Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. Белгород, 1996. С. 46, 175, 176.

³ Керсновский А. А. История русской армии в 4 томах. М., 1992. С. 32.

⁴ Пенской В.В. Указ. соч. С. 78, 93-95.

⁵ Ланжерон А. Ф. Русская армия в год смерти Екатерины II // Русская старина. 1895 г. С. 156 – 158.

⁶ Пенской В.В. Указ. соч. С. 56.

побегам меньше склонных, как, например, однодворцев, казаков и, в некоторых местах – татар»⁷ – то есть, природных кавалеристов.

Мероприятия Потемкина, как и его предшественников в 1765-80-х гг., во многом воплотили в жизнь эти идеи. За этот период драгунские части были переведены в пограничные гарнизоны, в то время, как полевая конница пополнилась за счет перевода Слободских казачьих полков в регулярные гусарские, а малороссийских казаков – в новые карабинерные и легкоконные полки⁸. Результаты не заставили себя ждать: в войнах второй половины царствования Екатерины II (с Османской империей в 1787-91 гг. и Польшей в 1794 г.) русская регулярная конница показала себя с гораздо лучшей стороны. Таким образом, в более широком виде и, во многом, по другим причинам, произошел процесс, аналогичный обнаруженному нами в Новгородском разряде веком раньше – восстановление сословности конной службы. Правда, теперь экономические возможности государства освобождали конного бойца от забот о собственном хозяйстве, и на первый план выдвигался его профессионализм, способность к выполнению большого количества разнообразных задач, требовавшихся от конницы в России.

Данный экскурс позволяет разделить два процесса, которые наблюдаются при изучении реформ русской конницы XVII-нач. XVIII вв.: освоение новых тактических и организационных форм и утрата (как выясняется, временная) конной ратной службой своего сословного характера. Исследование наглядно продемонстрировало, насколько глубокие изменения произошли в середине XVII столетия в полковой организации конницы Новгородского разряда, ее тактике, вооружении и системе обучения. По сравнению с ними последующие преобразования Петровской эпохи не только не внесли ничего принципиально нового, но и положили начало долгому кризису регулярной кавалерии, преодоленному только к 1780-м гг.

⁷ Фельдмаршал Румянцев. Документы, письма, воспоминания. Сост. А. П. Капитонов. М., 2001. С. 50.

⁸ Подробнее см.: Записки, собранные по повелению императора Павла I о начале регулярного войска, о ново и славяно-сербских поселениях, о полках гусарских и пандурских и о военных школах. СПб; 1904.

Напротив, в отношении комплектования конница Алексея Михайловича сохранила почти без изменений традиционный средневековый подход к сословности ратной службы, и события XVIII столетия ярко показывают нам всю резонность такого консерватизма.

В итоге проведенного исследования впервые в историографии удалось реконструировать весь ход преобразований кавалерии отдельного военного округа в период 1650-х – 60-х гг., в ходе которого полностью поменялась ее тактическая организация. Выяснилось, каким образом структура частей «нового строя» была сопряжена с существующей системой поместных и поселенных войск, иными словами, установлен порядок службы традиционных военно-служилых корпораций Новгородского разряда в гусарском и рейтарских полках. Показано серьезное влияние консервативного сословного сознания ратных людей, в особенности дворян и детей боярских, на все этапы реформирования.

Изучение данных преобразований на фоне непрекращающихся боевых действий, в широком контексте военно-политической ситуации, с учетом успехов и провалов финансово-экономической политики правительства в отношении вооруженных сил и его конкретных военных установок, позволило впервые показать всю сложность факторов, влиявших на создание и изменение организации полков «нового строя» и конницы в целом. В работе на строго документальной основе установлена реальная численность одного из боевых соединений русского войска на протяжении всего обозначенного периода боевых действий, его проблемы материального и морального характера.

Последнее позволяет по-иному взглянуть на боевые качества русской «поместной конницы», причины ее успехов и поражений. На этом фоне рельефно проявляются организаторские качества, энергия и изобретательность кн. И. А. Хованского, долгие годы являвшегося главным полковым воеводой Новгородского разряда. До сих пор в научных работах превалирует негативный взгляд на военные таланты боярина, и

содержащийся в диссертации материал является твердой основой для его историографической «реабилитации».

При оценке эффективности проведенных реформ необходимо тщательное изучение боевой деятельности подразделений, конкретной ситуации и трудностей, в которых им приходилось действовать. Это позволяет избежать поспешных суждений и выводов относительно их боевых качеств. С учетом превосходства сил противника и тяжелой хозяйственно-экономической ситуации, сложившейся на северо-западе России в 1660-х гг., преобразования конницы Новгородского разряда следует оценить как успешные. На протяжении последних четырех лет войны (1662-67 гг.) правительство больше не меняло вновь созданную структуру полков и видов кавалерии, признав ее достаточно удачной. Возросшая в результате реформ тактическая эффективность позволила русской коннице выполнять весь спектр необходимых боевых задач, не смотря на несколько ощутимых поражений.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

**Действующие сотни дворян, детей боярских и новокрещенов
Новгородского полка походе 1654 г.**

На основе послужных списков полка (Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 256. Ч. I).

Таблица 1.1.

Сотни полка думного дворянина и ясельничего и воеводы Ж. В. Кондырева¹

Сотенный голова	«город»	Состав сотни в посылках в мае - июле	Состав сотни в посылке под Глубокое (с 21. 07. 1654.)	Состав сотни на приступах к Витебску	
За воеводой	Стольники Дворянин Жильцы Мещоск ² Невль (Л.В.)		(см. Ертоул)	2 1 4 1 10	
	Итого			18	
Ясаулы	Новгород	3	(см.сотню I)		
Ертоул стольника Петра Жд. Кондырева	Сводный для боя при Глубоком ³		104		
новгородец Панкратей Семенов сын Путилов	<i>Стольник</i>	<i>1</i>	<i>1</i>		№1 ⁴
	<i>Ясаулы</i>		<i>4</i>		
	Бежецкая пятина	33	30 (<i>1</i> <i>перешел в</i> <i>ертоул</i>)	30 + 1 дат. 75	
Обонежская пятина Невль	74	70 1 даточный (знам-щик)	2 дат.		
Итого		108	106	108	

¹ Новгородский полк был заранее разделен на три воеводских полка, младшим из которых командовал Кондырев.

² Дворяне и дети боярские из городов, не принадлежащих к данному полку, попадали в него «по челобитью» – как правило, для совместной службы с родственниками из московских чинов или др. частей

³ См. отдельное расписание (Таблица 1.3).

⁴ Предположительный № сотни по старшинству, основанный на очередности расположения сотенных послужных списков в столбце. Первый номер – посылки из Полоцка, второй – на Глубокое.

Новгородец Иван Ив. Козодавлев	Обонежская <i>холоп головы</i>	128 <i>1</i>	110 <i>1</i>	135 <i>1</i>	№2 или <i>№8</i>
Новгородец Иван Петр. Колюбакин	Бежецкая пятина	66	65 <i>(4 чел. см. в ертоуле)</i>	71	№3 или <i>№</i> <i>10</i>
Новгородец Михаил Вас. Теглев	Татарове новокрещены Беж. пятины	121	114 <i>(7 чел. см. в ертоуле)</i>	121	№4 или <i>№9</i>
Н. Обон. пят. Тихан Ив. Бестужев ⁵	Бежецкая п. Обонежская <i>холоп головы</i>	38 + «иные» <i>1</i>	66 11 <i>1</i>	62 11	№5 или <i>№11</i>
	итого		78	73	
Невлянин Борис Аф. Лавров ⁶	Бежецкая пятина	78 <i>(3 ранено, 1 конь убит)</i>	72 <i>(7 чел были в яртоуле)</i>	94	№6 или <i>№12</i>

Таблица 1.2.

Численность ратных людей полка Ж. В. Кондырева по городovým корпорациям (без московских чинов, дворян «по челобитным» и даточных).

«город»	Численность в начале похода	Численность в конце похода	№ № сотен
Бежецкая пятина	243	258	1,3,5,6
Обонежская пятина	213	221	1,2,5
Новокрещены	121	121	4
Невль по Лукам	10	10	За воеводой
Итого	587	610	

⁵ 17 августа Т. И. Бестужев был изранен на приступе к Витебску, и последний послужной список сотни составил пусторжевец Иван Леонтьев с. Бухвостов (голова сотни новгородцев Деревской пятины полка С. Л. Стрешнева) – 67 новгородцев Бежецкой. и 11 Обонежской пятин.

⁶ После посылки на Глубокое Б. А. Лаврова сменил новгородец Бежецкой пятины Василей Иванов сын Дубровской – вначале рядовой 1-й сотни (П. Путилова), а под Глубоким – ясоул полка Ж. В. Кондырева.

Таблица 1.3.

Ертоул стольника Петра Жданова сына Кондырева в посылке под Глубокое с 21 июля 1654 г.

«город»	из какой сотни	число рядовых	потери (где указано)
Стольники	За воеводой	2	1 ранен
Жильцы	За воеводой	4	
Мещоск	За воеводой	1	убита лошадь
Водская п.	Г. М. Обрютина полка С. Л. Стрешнева	7	
Бежецкая п.	3-я (Колюбакина) – 4 чел. 6-я (Лаврова) – 7 чел.	64, 1 даточный (со знаменем)	
Обонежская	1-я (Путилова)	2	
Обонежская (?)		3	
Псков		2	
Невль		4	
Луки Вел.	А. Б. Бибикова полка С. Л. Стрешнева	7	
Новокрещены	4-я (Теглева)	7	
Итого		104	

Таблица 1.4.

Сотни полка окольного и воеводы Семена Лукьяновича Стрешнева, временно приданные полку Ж. В. Кондырева

Сотенный голова	№	«город»	Состав сотни под Невлем	Состав сотни в посылке под Глубокое (с 21. 07. 1654.)	Состав сотни на приступах к Витебску
лучанин Григорей Матвеев с. Обрютин	2	Водская п.		96 (и 7 чел. в ертоуле)	105
		Деревская Луки В.		20	16 1(сын головы)
		итого		116	122
Лучанин Алексей Бусловов с Бибииков ⁷	3	Луки В.	94	78 (и 7 чел. в ертоуле)	
		Ржева		23	
		Пустая по Лукам	2 (обрыв)		
итого			101		
Лучанин Григорей Григорьев Чириков	4	Шелонская пятина		108	
Н. Дер. п. Офонасей Матвеев Арцыбашев	5				
Степан Корсаков	6				
Наум Васильев с Креницын	7	Водская п.		62	
		Бежецкая (городовые)		71	
		итого		133	
Пусторжевец Иван Левонтьев с. Бухвостов ⁸	13	Деревская п.		7	137 (1 убит, 3 ранено, 9 лошадей убито)
		Выбор		116	
		Город			
итого			123		

⁷ Начиная с посылки под Глубокое, А. Б. Бибикова сменил голова лучанин Григорей Григорьев с. Хомутов

⁸ После того, как И. Л. Бухвостов сменил в командовании 5-й сотни полка Ж. В. Кондырева израненного 17 августа Т. И. Бестужева, на его место назначили новгородца Деревской пятинны Офонасея Матвеева с. Арцыбашева.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

**Конные сотни Новгородского полка боярина и воеводы кн.
Ивана Андреевича Урусова со товарищи в походе на Брест
(23 октября – 22 декабря 1655 г.)**

На основе послужных списков полка (Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 113).

Таблица 2. 1.

Полк боярина и воеводы кн. Ивана Андреевича Урусова.

Сотни дворян и детей боярских.

№ сот.	сотенный голова	перемены в походе	«город»	численность
1	Выборная сотня Григорей Федоров Лугвенеv <i>только в бою 13 ноября</i>	<i>После боя 13 ноября</i> голова торопчанин Яков Кириллов сын Полибин	Жильцы	9
			Водская пятина	21
			Шелонская п.	4
			Бежецкая п.	4
			Обонежская п.	4 (<i>1 знаменичик</i>)
			Псков	12 (<i>1 знаменичик</i>)
			Ржева Пустая	5
			итого	86
2	Подъезжая сотня (?) Григорей Лугвенеv	<i>Списки только на бой 24 октября</i>	В. Новгород	21
			Псков	15
			Торопец	4
			Луки Великие	5
			итого	46
3	торопчанин Петр Яковлев сын Непейцын	<i>24 октября придан Передовому полку</i>	Водская	65 (<i>1 порутчик</i>)
			Торопец	2 (<i>родственники головы</i>)
			Холопы	4 (<i>боевые холопы головы</i>)
			итого	71

4	торопчанин А. Г. Зеленой		Водская п. Деревская п.	47
5	стряпчий Ф. И. Веригин	голова с 22. 08	Деревская п.	62
6	Ф. И. Лаптев		Бежецкая п.	40
7а	новгородец Водской п. Я. М. Муравьев	<i>К 13.11. вошла в 7б</i>	Обонежская пятина	53 (<i>1 знаменицик</i>)
7б	новгородец Бежецкой п. И. М. Милюков	<i>появилась к бою 13 ноября</i>	Водская п.	8 (кн. Мышецкие)
			Обонежская п.	82 (<i>1 знаменицик</i>)
			итого	90
8	торопчанин Федор Иванов сын Чириков		Псков	47 (<i>1 знаменицик</i>)
			Невль (Псков)	17
			Торопец	1 (<i>сын сот. головы</i>)
			итого	65
9	новгородец Шелонской п. Данила Иванов Неплюев		Псков	52 (<i>2 знаменицика</i>)
			Ржева П. (Пск.)	9 (Дубровские)
			Невль (Пск.)	31
			итого	92
10	лучанин Петр Сем. Луманов		Ржева П. (Пск.)	66 (<i>3 знаменицика, 2 даточных</i>)
11	Пусторжевец Григ. Романов Коромышев		Луки Великие	137 (<i>2 знам., 1 дат.</i>)
			Ржева П. (Л.В.)	22 (<i>2 дат.</i>)
			Невль (Л. В.)	6
			итого	165
12	Шелонской п. Иван Ал-ев Татищев		Торопец	58
13	Шелонской п. Федор Вас. Нащокин		Торопец	63 (<i>2 знаменицика</i>)

14	Водской пятины Борис Дем. Тушин		Торопец	67 (<i>1 знаменищик</i>)
----	---------------------------------------	--	---------	----------------------------

Сотня луцких казаков.

Сотенный голова	Станица	Численность станицы
Жилец (или дворянин московский) Кузьма Петров сын Козлов	Симана Федорова с. Бедрина	2 атамана, 120
	Федота Иванова с. Юлина	рядовых
	Невельская есаула Левонтея	есаул, 46 рядовых
	Насекая	
	Нововерстанные казаки	154 (в т. ч. 5 поместных)
	Итого	323

Передовой полк стольника и воеводы кн. Юрия Никитича Барятинского.

Сотни городских казаков.

Сотенный голова	Станица	Численность казаков
новгородец Беж. п. Мирон Парамонов Поскочин	Новгородских конных казаков атамана Федора Клементьева	177 <i>(атаман, есаул, 17 десятников)</i>
Псковитин Самсон Артемьев Тюльнев	Псковских казаков атамана Василя Еустафьева Рудакова	80 <i>(атаман, есаул)</i>

Сотни дворян и детей боярских

№ сот.	сотенный голова	«город»	численность
1	Выборная и Подъезжая сотня новгородец Бежецкой п. Василей Иванов сын Теглев	Водская п.	16
		Шелонская п.	19
		Бежецкая п.	2
		Деревская п.	20
		Обонежская п.	29(<i>Изнаменицик</i>)
		итого	86
2	торопчанин Иван Яковлев сын Кушелев	Водская пятина	59
		Шелонская п.	13
		итого	72
3	новгородец Шелонской п. Микита Офонасьев сын Хвостов	Водская пятина	103
		Шелонская п.	11
		Бежецкая п.	3
		итого	117
4	новгородец Бежецкой п. Клементей Иванов сын Ушаков	Шелонская п.	76
		Деревская п.	24
		Обонежская п.	7
		итого	107
5	псковитин Михайло Григорьев Бешенцев	Бежецкая п.	59 (<i>1 даточный</i>)
6	торопчанин Константин Воинов сын Нащокин	Бежецкая п.	132
7	новгородец Водской п Тихон Бровцын	Бежецкая п.	33
		Деревская п.	33 (<i>1 хорунжий</i>)
		итого	66
8	новг. Деревской п. Степан Семенов Веревкин	Обонежская(?)	63

Таблица 2.2. Общая численность конницы Новгородского полка в походе.

Полк	Дворян и детей боярских		Городовых казаков		Итого	
	сотен	человек	сотен	человек	сотен	человек
Боярский	14	1033	1	323	15	1356
Передовой	8	712	2	257	10	969
итого	22	1745	3	580	25	2325

Таблица 2.3.

Соотношение пошедших в поход и оставшихся в Ковне (на примере лучан)

На основе десяти денежной раздачи на Луках Великих 18 февраля 1656 года (Ф. 210.

Дела десятиен. № 33, л. 1 – 58 об.)

город	чин	Были в походе	Остались в Ковне	итого
Луки	Выборные	39	12	51
Великие	Дворовые	26	4	30
	Городовые	63	6	69
	Неверстанные	8	2	10
	Нарядчик	1		1
	итого	137	24	161
Ржева	Выборные	6	5 (Бухвостовы)	11
Пустая по Лукам	Дворовые	8		8
	Городовые	10	1 (Бухвостов)	11
	итого	24	6	30
Невль по Лукам	Выборные	1		1
	Дворовые	3		3
	Городовые	3		3
	Неверстанные	1		1
	даточные	3		3
	итого	11	-	11
итого		172	30	202

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

**Конные ратные люди полка Новгородского разряда
боярина и воеводы князя Алексея Никитича Трубецкого**
(по смотру во Пскове 28 июня 1656 г.)

На основе росписи по смотру (Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 276. Л. 169 – 182)

Таблица 3.1.

Полк боярина кн. А. Н. Трубецкого

«Город» или иной отряд (№ по старшинству в разряде: см. приложение)	в «естях»	в «нетах»	итого
Чины московские и «по челобитным»	142	68	
Водская пятина (1)	179	187	
Шелонская пятина (2)	107	124	
Торопец (8)	203	149	
Луки В, Ржева Пустая и Невль по Лукам (9)	202	20	
Тверь (10)	76	14	
Старица (12)	19	4	
Темниковские мурзы и татары ¹			[623]
Полк рейтарского строя Дениса Фонвизина	218	846	
Луцкие и невельские казаки	312	57	
итого			
Полк боярина кн. Ю. А. Долгорукова			
Чины московские и «по челобитным»	20	8	
Деревская пятина (3)	212	139	
Псков, пусторжевцы и невляне по Пскову (7)	374	29	
Торжок (11)	115	3	
Псковские казаки	67	49	
итого			

¹ По данным на 3 декабря 1656 г. (Ф. 210. Смотренные списки. № 13. Л. 106 – 138).

Полк окольного кн. С. Р. Пожарского

«Город» или иной отряд	в «естях»	в «нетах»	итого
Чины московские и «по челобитным»	8		8
Бежецкая пятина (4)	511	154	665
итого	519	154	673
Полк окольного С. А. Измайлова			
Обонежская пятина (5)	158	124	282
Бежецкой пятины новокрещены (6)	55	36	91
Новгородские конные казаки		127	127
итого	213	287	500

Приложение к таблице 3.1.

Старшинство городских корпораций в Новгородском разряде в 1656 г.

Пятины Великого Новгорода

- 1) Водская
- 2) Шелонская
- 3) Деревская
- 4) Бежецкая
- 5) Обонежская
- 6) Бежецкой пятины новокрещены

Города, входившие в Новгородский полк с 1654 г.

- 7) Псков (I), Ржева Пустая (II) и Невль (III) по Пскову
- 8) Торопец
- 9) Луки Великие (I), Ржева Пустая (II) и Невль (III) по Лукам

Города, вошедшие в Новгородский разряд в 1656 г.

- 10) Тверь (I)
- 11) Торжок (II) («новоторжцы»)
- 12) Старица (III)

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

**Конница сотенной службы Новгородского разряда перед
реорганизацией 1659 г.**

Таблица 4.1.

Расписание конницы Псковского полка в битве при Мядзелах (29.01.1659 г.)

На основе послужных списков полка (Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 488).

Полк стольника князя Ивана Андреевича Хованского

Дворяне и дети боярские

Сотенный голова	Рядовые дворяне и дети боярские				листы
<u>Выборная сотня</u>	«город»	«ести»	«неты»	итого	дела
Водской п. кн Терентей Васильев сын Мышецкий					
<u>Подъезжая сотня</u>	Водская п.	8	10	18	Лл. 1 - 6
торопчанин А. Г. Зеленой	Шелонская п.		12	12	
	Деревская п.	16	3	19	
	Луки Великие		4	4	
	Невль по Л. В.		2	2	
	Торопец (1 дат.)	15 (1 зн.)	5	20	
	Итого	39	36	75	
Шел. п. И. А. Татищев	Водская п.	7 (1 зн.)	61	68	7 – 11
Вод. п. кн. Ф. Д. Елецкий	Водская п.	19 (1 зн.)	37	56	12-15
Дер. п. А. В. Веригин	Водская п.	21 (1 зн.)	49	70	16-20
Пск. (?) Л. А. Кормолин	Водская п.	8 (1 зн.)	48	56	21-25
Шел. п. С. И. Дубровский (Шел. п. «первая сотня»)	Шелонская п.		66 (1 у Государ. знамени, 2 зн.)		26-29
торопчанин Андрей Яковлев сын Непейцын	Шелонская п. (1дат. изТоропца)	6 (1 зн.)	63	69	30-36
псковитин М.С. Голянищев	Шелонская п. (1дат. изТоропца)	3 (1 зн.)	65	68	37-41

псковитин Ф. А. Квашнин	Деревская п.	28	35	63	42-46
Ржева П. (П.) В. М. Неелов	Деревская п.	40 (2 зн.)	26	66	47-53
торопчанин Викула Яковлев сын Непейцын	Деревская п.	35 (3 зн.)	34	69	54, 55, 61-64
приданы сотне В. Я. Непейцына из завоеводчиков	есаулы	4			56-60
	розные города	31			
	рейтары	2			
	поручик солд.	1			
	итого	38		38	
Боевая численность усиленной сотни		73			
Шел. п. П. И. Дубровский	Деревская п.	34 (1 зн.)	23	57	67-73
Водской п. кн. Гаврило Матфеев сын Мышецкий	Луки Великие	10	63	73	74-78
	Ржева П (Л.В.)		2	2	
	Невель (Л.В.)		6	6	
	Итого	10	71	81	
Водской п. кн. Иван Федоров сын Мышецкий	Луки Великие	8	51	59	79-83
	Ржева П (Л.В.)		4	4	
	Невель (Л.В.)		5	5	
Вод. п. кн. Иван Мурзин сын Мышецкий	Итого	8	60	68	84-87
	Торопец	10 (1 зн.)	68	78	
Вод. п. кн. Михайло Мурзин сын Мышецкий	Торопец	5 (1 зн.)	73	78	88-91
Вод. п. Ф. П. Гурьев	Торопец	6	73	79	92-96
торопчанин М. И. Болшов	Торопец	8 (1 зн.)	67	75	97-101

Городовые и донские казаки

Сотенный голова	Город, станица и атаман	Рядовые казаки			листы
		«ести»	«неты»	итого	
псковитин Ермола Иванов сын Байков	Луцкие казаки	46	103	149	102-
	Федор Юлин	(1 есоул)			111
Бежецкой п. Мирон Парамонов сын Поскочин	Новгородские казаки	51		51	112-
	Федор Клементьев	(1 есоул)			121
	Тимофей Болотов	85	3	88	
	Итого	136	3	139	
майор Максим Андреев сын Лошаков	Донские казаки	204 (1 есоул, 1 войсковой			122-
	Леонтей Филипов	подьячей, 1 знаменщик)			136
	Анофрей Степанов	70 (1 есоул)			
	Итого	274		274	
3 сотни	5 станиц				

Полк окольного князя Тимофея Ивановича Щербатова.

Сотенный голова	Рядовые дворяне и дети боярские		листы
	«город»	«ести»	
Выборная сотня пусторжевец по Пскову Посник Федоров сын Неелов	Обонежская пятина	25	137-
	Псков	12	143
	Ржева Пустая по Пскову	6	
	Невль по Пскову	3	
	Тверь	6	
	Торжок	7 (1 зн.)	
	Итого	59	
	Ертоульная сотня псковитин Микита Иванов сын Шишкин	Обонежская пятина	34
новокрещены Бежецкой пятины		10	151
Псков		11	
Ржева Пустая по Пскову		2	
Невль по Пскову		9	

	Тверь	3	
	Старица	1	
	Торжок	6	
	Итого	76	
псковитин А. Т. Нащокин	новокрещены Бежецкой пятины	85 (2 зн.)	<i>152-161</i>
пск. М. С. Лодыженский	Псков	39	<i>168-171</i>
новоторжец И.И. Шишков	Псков	37	<i>178-180</i>
новоторжец И. В. Тыртов	Ржева Пустая по Пскову	50 (1 зн.)	<i>172-175</i>
Пусторжевец по Пскову кн. С. К. Шаховской	Обонежская пятина	11	<i>190-193</i> <i>176,177</i>
Обон. п. И. О. Качалов	Обонежская пятина	18	<i>183-185</i>
Обон. п. М. Н. Корсаков	Обонежская пятина	24 (1 зн.)	<i>181,182</i>
Обон. п. Т.А.Вындомской	Обонежская пятина	21	<i>186-189</i>
Обон. п. И. П. Баранов	Обонежская пятина	18	<i>201-204</i>
псковитин А. Д. Кокошкин	Невль по Пскову	28	<i>194-200</i>
	Торжок	28 (1 зн.)	
	Итого	56	
Псковитин Б. А. Тимашов	Торжок	40 (1 зн.)	<i>162-167</i>
	Старица	10	
	Итого	50	
пск. Б. Ф. Шаблыкин	Тверь	51	<i>208-210</i>

Городовые казаки

Сотенный голова	Станица и атаман	Рядовые казаки («ести»)	<i>листы</i>
Пусторжевец по Пскову Семен Ив. Зубатов	Псковские казаки Василей Рудаков	84 (1 есаул)	<i>211-</i> <i>218</i>
Пусторжевец по Пскову Григ. Андр. Шетиллов	Опочецкие казаки Игнатей Костров	54 (1 есаул, 1 под знаменем)	<i>219-</i> <i>221</i>
2 сотни (2 головы)	2 ст. (2 атамана)	238 рядовых	242 ч.

Таблица 4.2.

Сводные данные по Смотренному списку, составленному после битвы при Мядзелах и присланному из Пскова в Москву 5 марта 1659 г.

Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 351, л. 69 – 71.

«город» или гор. станицы	«ести»		отп. из Гдова	ост. по старости в Пскове	оставл. «у дел»	«неты»	ИТОГО
	были на бою	после					
Водская п.	106	51	3	8	3	196	
Шелонская п.	19	26		1	1	194	
Деревская п.	181	15		4	2	113	
Бежецкая п.	[1] ¹						
Обонежская п.	194	91			2	67	
новокрещены	85					22	
Псков	134	9	1	5	2	43	
Ржева Пустая	90	4		2	2	19	
Невль по П.	46				1	8	
Торопец	71	28				270	
Луки Великие	21		16			122	
Ржева Пустая (Л)	4					7	
Невль по Лукам			2			3	
новгородские	139						
псковские	85					6	
луцкие ²	141					176	
опочецкие	54						
итога ³							

¹ Новгородец Бежецкой пятины, голова Новгородских казаков М. П. Поскочин – остальные см. Таблицу 4.3

² Здесь включены итоги по отряду, охранявшему послов, а также, возможно, по гарнизону Вильны.

³ В итоги подсчета не входят дворяне и дети боярские Твери, Старицы и Торжка.

Сокращения в таблицах приложений.

дат. – даточный

зн. – знаменщик

знам. – знаменщик

кн. - князь

Л. В. – Луки Великие

новг. - новгородский

п. – пятина

П. - Псков

солд. - солдатский

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ:

РГАДА.

1. Ф. 27. Приказ Тайных дел. Оп. 1. № 86. Ч. I; 166; 176; 277; 568.
2. Ф. 137. Боярские и городовые книги. Оп. 1. Новгород. Кн. 60; 64.
3. Ф. 141. Приказные дела старых лет. 1626 г. № 7;
1654 г. № 100.
4. Ф. 159. Приказные дела новой разборки. Оп. 1. № 1135;
Оп. 3. № 164.
5. Ф. 188. Рукописное собрание ЦГАДА. Оп. 1. № 475.
6. Ф. 210. Разрядный приказ. Дела десятен. Кн. 141; 276; 282;
Смотренные списки. Кн. 13; 20; 21; 27; 85; 87; 120;
Книги Московского стола. Кн. 49; 56;
Книги Новгородского стола. Кн. 7; 11; 12;
Столбцы Московского стола. № 256. Столпик I; 274; 276; 317; 341; 342.
Столпик II; 344; 347; 349; 351; 352. Столпик I; 355. Столпик II; 361;
362; 374; 864; 874;
Столбцы Новгородского стола. № 113; 117; 118; 120; 125; 126; 127; 129;
132; 135; 136; 146; 148; 156; 162; 164; 165; 178; 180; 187; 188; 260; 349;
Столбцы Белгородского стола. № 387; 418; 429; 432; 486; 488; 510;
Столбцы Приказного стола. № 286; 340; 469; 490; 549; 600;
Оп. 17. № 83; 214;
Оп. 19. № 6;
Оп. 20. № 119.
7. Ф. 233. Печатный приказ. Оп. 1. Кн. 90; 91; 94; 96; 101;

ОПУБЛИКОВАННЫЕ:

1. Акты Московского государства, изданные Императорской Академией Наук. СПб., 1890. Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол. 1571-1634; Т. 2. Разрядный приказ. Московский стол. 1635-1659. СПб. 1894; Т. 3. Разрядный приказ. Московский стол. 1660-1664. СПб. 1901.
2. Акты о выездах в Россию иноземцев. // Русская историческая библиотека. СПб., 1884. Т. 8.
3. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии Наук. СПб., 1836. Т. III, IV.
4. Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV – начала XVII вв. Т. III. М., 1964.
5. Белокуров С.А. Дневальные записки Приказа Тайных дел 7165-7183. М., 1908.
6. Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979.
7. Веселовский С. Б. Сметы военных сил Московского государства 1661-1663. М., 1911. // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. М. 1911. Кн. 3. С. 1-60.
8. Витебская старина / сост. А. Сапунов. Витебск, 1888. Т. 4. Отд. 2.
9. Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. М.- Л., 1945.
10. Гордон П. Дневник. 1635-1659. М., 2000.
11. Гордон П. Дневник. 1660-1668. М., 2002.
12. Дворцовые разряды, издаваемые по высочайшему повелению... СПб., 1852. Т. III (1645 - 1676).
13. Дополнения к Актам Историческим. СПб., 1848. Т. III.
14. Дополнения к III тому Дворцовых разрядов ... СПб., 1854.

15. Дела Тайного приказа. Кн. 1 // Русская историческая библиотека. СПб., 1907. Т. 21.
16. Дневальные записки приказа Тайных дел. 7165 – 7183. М., 1908.
17. Донские дела. Кн. 5 // Русская историческая библиотека. Пг., 1917. Т. 34.
18. Записки отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества. СПб., 1861. Т. 2.
19. Записки, собранные по повелению императора Павла I о начале регулярного войска, о ново и славяно-сербских поселениях, о полках гусарских и пандурских и о военных школах. СПб., 1904.
20. Записные книги Московского стола 1636 – 1663 гг. // Русская историческая библиотека. СПб., 1888. Т. 10.
21. Записные книги Московского стола. I (1664 – 1665 гг.) // Русская историческая библиотека. СПб., 1889. Т. 11.
22. «Известие о начале, учреждении и состоянии легулярного войска в России, с показанием перемен, какие по временам и обстоятельствам в оном производимы были»/ Пред. А. В. Терещенка // ЧОИДР. М., 1874. Кн. 3. Смесь. С. I - IV, 1- 61.
23. Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с высочайшего соизволения II-м Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1853. Т. 1.
24. Кожуховский поход. 1694. (Современное описание) // Военный сборник. СПб, 1860. № 1. С. 49 – 106.
25. Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича // Московия и Европа. М., 2000. С. 11 – 146.
26. Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 3-е. СПб., 1884.
27. Малов А. В. «Перевод с галансково письма, что подал боярину Илье Даниловичу Милославскому рейтарсково строю полковник Исак фан Буковен...» // Российский архив. М., 1996. Вып. VI. С. 7 – 9.

28. Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга... в 1661 году. М., 1874.
29. Опись Новгорода 1617 года. М., 1984.
30. Палицын А. Сказание Авраамия Палицына. М., 1955.
31. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. I.
32. Посошков И. Т. О ратном поведении (1701 г.) // Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / ред. Б. Б. Кафенгауз. М., 1951. С. 245 – 272.
33. Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI в. // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV – XVII вв. М. – Варшава, 2002.
34. Разрядная книга 1637-38 года. М., 1983.
35. Роде А. Описание 2-го посольства в Россию датского посланника Ганса Оделунда в 1659 г. // Проезжая по Московии. М., 1991.
36. Русская бытовая повесть. М., 1991.
37. Сборник Московского архива Министерства Юстиции. СПб., 1914. Т. VI.
38. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных дел. М., 1826. Ч. IV.
39. Ченеда А. В. да. Известия о Московии, писанные Албертом Вимена да Ченеда, в 1657 году (отысканы в Риме) // Отечественные записки, издаваемые П. Свиньиным. СПб., 1829. Ч. 37. № 105. С. 13 – 32; № 106. С. 224 – 253; № 107. С. 421 – 441; Ч. 38. № 108. С. 79 – 94.
40. Chrapowicki J.A. Diariusz. W-wa, 1978. Cz. 1: lata 1656-1664.
41. Łos. Pamiętniki Łosia, towarzysza chorągwi pancерnej Władysława margrabi Myszkowskiego, wojewody Krakowskiego, obejmujące wydarzenia od r. 1646 do 1667, z rękopismu współczesnego, dochowanego w zamku podhoreckim, wydane. Krakow. 1858.
42. Maskewiczy S. i B. K.. Pamiętniki Samuela i Bogusława Kaziemierza Maskiewiczow (wiek XVII). Wrocław, 1961.

43. Medeksza, S.F. Stefana Franciszka z Prószcza Medekszy księga pamiętnicza wydarzeń zaszłych na Litwie 1654 - 1668 // Krakow, 1875.
44. Pamiętniki historyczne do wyjasnienia spraw publicznych w Polsce XVII wieku / wyc. M. Balinskij. Wilno, 1857.
45. Pasek J. Ch. Pamiętniki Jana Chryzostoma z Goslawic Paska / opr. J.Czubek. Lwow, [1929].
46. Pasek J. Pamiętniki / wstep. Wl. Chaplinski. Wyd. 5, Wroclaw, 1979.
47. Poczobut J. W. Pamiętnik Jana Wladislawa Poczobuta-Odlanickiego (1640 – 1684). / L. Potocki, I. J. Kroszewski. Warszawa, 1877.
48. Relacje nuncjuszow apostolskich i innych osob o Polsce. Berlin – Poznan, 1864. T. II.

ЛИТЕРАТУРА

ИССЛЕДОВАНИЯ НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ:

1. Александров В.А. Стрелецкое войско на юге русского государства в XVII в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М. 1947.
2. Верховубов В.Д. Создание русской регулярной армии: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М. 1948.
3. Елифанов П. П. Очерки из истории армии и военного дела в России (вторая половина XVII – первая половина XVIII вв.): Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1969.
4. Левыкин А.К. Пушечный наряд и пушкари во второй пол. XVII в. в России (По материалам южнорусских городов): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М. 1985.
5. Малов А. В. Выборные полки солдатского строя. 1656-1671 гг.: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.. 2002.

6. Пенской В.В. Возникновение, становление и эволюция русской тяжелой кавалерии в 1731 – 1801 гг.: Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. Белгород, 1996.
7. Чернов А.В. Строительство вооруженных сил Русского государства в XVII веке (до Петра I) Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М. 1949.

ИССЛЕДОВАНИЯ ОПУБЛИКОВАННЫЕ:

1. Аграрная история Северо-Запада России / под ред. А.А. Шапиро. Л., 1989.
2. Александроов В. А. Стрелецкое население южных городов России в XVII в. // Новое о прошлом нашей страны: Памяти академика М. Н. Тихомирова. М., 1967. С. 240, 241.
3. Андреев. И. Л. Дворянство и служба в XVII веке // Отечественная история. 1998. №2. С. 164 – 175.
4. Андреев И. Л. О бедном дворянстве замолвите слово...// Родина. 1997. № 9. С. 37 – 43.
5. Арсений, иеромонах. Доклады, грамоты и другие акты Троицкого Сергиева монастыря. Тверь, 1899.
6. Базилевич К.В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.-Л., 1936.
7. Барсуков А. П. Списки городовых воевод и иных лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902.
8. Барсуков А.П. Род Шереметевых. СПб, 1884. Кн. 4; СПб., 1884. Кн. 5.
9. Бегунова А. И. Сабли остры, кони быстры...: Из истории русской конницы. М., 1992.

10. Беляев И. О русском войске в царствование Михаила Феодоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим. М., 1846.
11. Бобровский П.О. Переход России к регулярной армии. СПб., 1885.
12. Богоявленский С. К. Вооружение русских войск в XVI-XVII вв. // Исторические записки АН СССР. М., 1938. Т. 4. С. 269 – 289.
13. Брикс Г. О. Р. История конницы: в 2 кн. Кн. 2. Примечания Брикса к «Истории конницы» Денисона М., 2001.
14. Буганов В. И. Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин // Вопросы истории. 1996. № 3. С. 60 – 81.
15. Бычкова М. Е. Состав класса феодалов в XVI в.: Историко-генеалогическое исследование / ред. С. М. Каштанов. М., 1986.
16. Важинский В. М. Усиление солдатской повинности в России в XVII в. (по материалам южных уездов) // Известия Воронежского государственного педагогического института. Воронеж, 1976. Т. 157. С. 52 – 68.
17. Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963.
18. Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
19. Веселовский С. Б. Феодалное землевладение в Северо-восточной Руси. М.-Л., 1947.
20. Волынский Н. П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне. СПб., 1912. Вып. 1. 1698 – 1706: в 4 книгах.
21. Воробьев В. М. Из истории поместного войска в условиях послесмутного времени (на примере новгородских служилых городов) // Исторический опыт русского народа и современность. Мавродинские чтения. СПб. 1994. С. 82 – 91.
22. Гадзяцкий С.С. Борьба русских людей Ижорской земли в XVII веке против иноземного владычества// Исторические записки. М., 1945. Т. 16. С. 14 – 57.

23. Гадзяцкий С.С. Карелия и южное Приладожье в войне 1656-58 гг. // Исторические записки. М., 1941, Т. 11. С. 236 – 281.
24. Голицын С. Н. Всеобщая военная история новых времен в Восточной Европе и Азии. 1613-1740. Спб., 1878. Отд. 1.
25. Голицын Н.С. Русская военная история. Спб. Т. 1. 1877.
26. Гордеев А.А. История казаков. М., 1992. Ч. 2.
27. Греков Б. Д. Новгородский дом святой Софии (Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины) СПб., 1914. Часть I.
28. Гудим-Левкович П.К. Историческое развитие вооруженных сил России до 1708 г. СПб., 1875.
29. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. СПб., 1997. Т. 4.
30. Денисова М.М. Поместная конница и ее вооружение в XVI-XVII вв. // Военно-исторический сборник. М. Вып. XX. 1948. С. 29-46.
31. Денисон Дж. История конницы. Кн. 1. М., 2001.
32. Елагин С. Утверждение России на Балтийском побережье // Морской сборник. Спб., 1866. № 1. С. 109 – 127.
33. Елифанов П. П. Войско // Очерки русской культуры XVII века. М., 1978. Ч. 1. С. 234 – 264.
34. Елифанов П. П. «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (из истории военного искусства XVII в.) // Ученые записки МГУ. Кафедра истории СССР. М., 1954. Вып. 167.
35. Зеньковский В.В. История русской философии. Ростов-на-Дону, 1999.Т.1.
36. Золотарев В. А., Межевич М. Н., Скородумов Д. Е. Во славу отечества Российского (развитие военной мысли и военного искусства в России во второй половине XVIII в.). М., 1984.
37. Зотов Р.М. Военная история Российского государства. СПб., 1839. Ч. 1.

38. История крестьянства Северо-Запада России. Период феодализма / РАН. Ин-т истории. СПб. филиал. СПб., 1994.
39. История Северной войны 1700-21 гг. М., 1987.
40. Калинин Ф. И. Русское войско во второй половине XVII в. // Доклады и сообщения Института Истории АН СССР. М., 1954. Вып. 2. С. 74 – 86.
41. Каптерев Н. Светские архиерейские чиновники в Древней Руси. М., 1874.
42. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. Сретенск, 2000.
43. Каштанов С. М. К вопросу о численности русского войска и народонаселения в XVI в. // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславского 27 января – 1 февраля 1991 г. М., 1991. С. 112 – 115.
44. Каштанов С. М. Россия // История Европы. М., 1991. Т. 3. С. 118 – 138.
45. Кирпичников А. Н. Хлопин И. Н. Великая Государева крепость. Л., 1972.
46. Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М. 1991.
47. Кобзарева Е.И. Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655-1661 годах. М, 1995.
48. Козляков В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000.
49. Коллманн Н. Ш. Соединенные честью: Государство и общество в России раннего нового времени / пер. А. Б. Каменского. М., 2001.
50. Кошелева О. Е. Коллективные челобитья дворян на бояр (XVII в.) // Отечественная история. 1982. № 12. С. 171 – 177.
51. Кристенсен С. О. История России в XVII веке: Обзор исследований и источников / пер. с дат. В. Е. Возгрин, ред. В. И. Буганов. М., 1989.
52. Кром М. М. О численности русского войска в первой половине XVI в. // Российское государство в XIV – XVII вв.: Сборник статей,

- посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексева. СПб., 2002. С. 67 – 81.
53. Курбатов О. А. «Литовский поход 7168 г.» кн. И. А. Хованского и битва при Полонке 18 июня 1660 г. // Славяноведение. 2003. № 4. С. 25 – 40.
54. Курбатов О. А. Морально-психологические аспекты тактики русской конницы в середине XVII века // Военно-историческая антропология. Ежегодник. М., 2003 (в печати).
55. Курбатов О. А. Наемный корпус Деллагарди на службе царя Василия Шуйского: Опыт внедрения нидерландской военной системы в России в начале XVII века // Цейхгауз. М., 2002. № 19 (3/2002). С. 4 – 6.
56. Курбатов О. А. Рецензия на книгу: Сагановіч Г. Невядомая вайна 1654-1667. Мінск, 1995 // Архив русской истории. М., 2002. С. 339 – 344.
57. Курбатов О. А. Русско-шведская война 1656-58 гг.: проблемы критики военно-исторических источников // Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие. М, 2002. С. 150 – 166.
58. Куц О. Ю. Дело о «крестьянстве» братьев Фомы и Калины Севастьяновых конца 50 – начала 60-х гг. XVII столетия // Российское государство в XIV - XVII вв.: Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексева. СПб., 2002. С. 437 – 463.
59. Лавров А. С. Регентство царевны Софьи Алексеевны. М., 1999.
60. Лавров А. С. Колдовство и религия в России: 1700 – 1740 гг. М., 2000.
61. Лайдре М. Количество и состав шведской пехоты в Лифляндии в 1655-1661 гг. // Скандинавский сборник. Таллинн, 1986. Т. XXX. С. 27 – 39.
62. Лайдре М. Шведская кавалерия и артиллерия в Лифляндии в 1655-1661 годах // Скандинавский сборник. Таллинн, 1988. Т. XXXI. С. 64 – 77.
63. Леер Г. А. Значение критической военной истории в изучении стратегии и тактики // Военный сборник. СПб., 1863. № 5. Отд. II. С. 55 - 95.
64. Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000.

65. Малов А. В. Государевы выборные московские полки солдатского строя: Командиры выборных полков // Военно-исторический журнал Цейхгауз. 2001. №2 (14). С. 2 – 7.
66. Малов А. В. «Конность, людность и оружность» служилого «города» перед Смоленской войной: На материале Великих Лук // Цейхгауз. 2002. №2 (18). С. 12 – 15.
67. Малов А.В. Начало выборных полков – предшественников Петровской гвардии // “За веру и верность”: 300 лет Российской императорской гвардии: Тезисы научной конференции. СПб., 2000. С. 56 – 59.
68. Малов А. В. Невельское взятие 1632 г. // Цейхгауз. 2002. № 3 (19). С. 7, 8.
69. Малов А.В. Русско-шведская война 1656-58 гг. и военное строительство в России // Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие. М, 2002. С. 126 – 149.
70. Мальгин Т. Российский ратник или общая военная повесть о государственных войнах, неприятельских нашествиях, уронах, бедствиях, победах и приобретениях от древности до наших времен по 1805 год. М; 1825.
71. Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII в. М., 1974.
72. Марголин С. Л. Вооружение стрелецкого войска // Военно-исторический сборник Государственного Исторического музея. М., 1948. С. 85 – 105.
73. Марголин С. Л. К вопросу об организации и социальном составе стрелецкого войска в XVII веке // Ученые записки Московского областного педагогического института. М., 1953. Т. 27: Труды кафедры истории СССР. Вып. 2. С. 63 – 96.
74. Марголин С.Л. Рецензия на книгу А.В.Чернова «Вооруженные силы Русского государства в XV-XVII вв.». // Вопросы истории. 1955. № 4. С. 154 – 157.
75. Марков С. Л. История конницы. Тверь, 1887. Ч. 3. Отд. 1.

76. Масловский Д.Ф. Записки по истории военного искусства в России. СПб., 1891. Вып. 1. 1683-1762 г.
77. Масловский Д.Ф. Поместные войска русской армии в XVII столетии // Военный сборник. СПб.; 1890. № 9. С. 7 – 31.
78. Михайлов А. А. Использование списков раненых для изучения русской военной истории XVII в. // Россия в X – XVIII вв.: Проблемы истории и источниковедения. М., 1995. С. 355 – 360.
79. Мышлаевский А.З. Офицерский вопрос в XVII веке. СПб., 1899.
80. Мышлаевский А. З. Петр Великий. Война в Финляндии в 1712 – 1714 гг. СПб., 1896.
81. Николаев Н. Г. Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии. СПб., 1898, Т. 1.
82. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами во второй половине XVII в. // Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма (Научное наследие). М.: Наука. 1994. С. 13 – 115.
83. Новосельский А. А. Город как военно-служилая и как сословная организация провинциального дворянства в XVII в. // Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 178 – 197.
84. Новосельский А. А. Очерк военных действий боярина Василия Петровича Шереметева в 1654 г. на Новгородском фронте // Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 117 – 136.
85. Новосельский А. А. Распад землевладения «служилого города» в XVII в. (по десятиям) // Русское государство в XVII в. Сборник статей. М., 1961. С. 231 – 253.
86. Орленко С. П. Стрельцы и «немцы» в России XVII века // Западноевропейские специалисты в России XV – XVII веков: Тезисы

- докладов научной конференции (Москва, 24-25 сентября 2002 года).
М., 2002. С. 54 – 56.
87. Очерки по истории СССР. Период феодализма / под ред. А. А. Новосельского, Н. В. Устюгова. М., 1955.
 88. Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990.
 89. Павлов А. П. Новгородское дворянство и Государев двор XVI – XVII вв. // От Древней Руси к России Нового времени: Сборник статей: к 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич. М., 2003. С. 140 – 147.
 90. Пономарева И. Г. Слуги Троицкого-Макарьева Калязина монастыря // Архив русской истории. Вып. 7. М., 2002. С. 83 – 102.
 91. Поршнева Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М. 1976.
 92. Пузыревский А.К. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб. 1889.
 93. Рождественский С. В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб. 1897.
 94. Русская бытовая повесть. М., 1991.
 95. Рюстов Ф. В. фон. История пехоты / пер. с нем. Пузыревского. СПб., 1876. Т. 1, 2.
 96. Сахаров В. История конницы. СПб., 1889.
 97. Соловьев С. М. Сочинения. М., 1991. Кн. VI, VII.
 98. Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. М., 1990.
 99. Сташевский Е. Д. Землевладение Московского дворянства в первой половине XVII века. М., 1911.
 100. Сташевский Е. Д. Смета военных сил Московского государства в 1663 году. Киев, 1910.
 101. Сташевский Е.Д. Смоленская война: Организация и состояние Московской армии. Киев, 1919.
 102. Тараторин В. В. Конница на войне: История кавалерии с древнейших времен до эпохи Наполеоновских войн. Минск, 1999.

103. Устрялов Н.Г. О системе прагматической русской истории: рассуждения написанные на степень доктора философии... СПб., 1836.
104. Устрялов Н.Г. Русское войско до Петра Великого. [СПб, 1856].
105. Цветаев Д. В. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890.
106. Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV –XVII вв. М., 1954.
107. Чернов А. В. Строительство вооруженных сил Русского государства в XVII веке (до Петра I): Автореферат на соискание научной степени доктора исторических наук. М., 1950.
108. Эскин Ю. М. Местничество в России XVI - XVII вв.: Хронологический реестр. М., 1994.
109. Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998.
110. Яковлев А. Засечная черта Московского государства в XVII веке. М., 1916.
111. Яковлев А. И. Приказ Сбора ратных людей 146 – 161 (1637 – 1653) гг. М., 1917.
112. Сагановіч Г. Невядомая вайна 1654-1667. Мінск, 1995.
113. Baranowski B. Organizacja regularnego wojska polskiego w latach 1655 – 1660 // Studia i materialy do historii sztuki wojennej. Warszawa, 1956. T. II. S. 209 – 229.
114. Belkin Stevens C. Soldiers on the Steppe: Army Reform and Social Change in Early Modern Russia. Dekalb, 1995.
115. Brown P. B. Early Modern Russian Bureaucracy: The Evolution Of The Chancellery System From Ivan III To Peter The Great 1478-1717 by Peter Bowman Brown, Chicago, 1978.
116. Brzezinski R. The Army of Gustavus Adolphus. Ldn., 1993. Vol. 2 (Osprey military. Men-at-Arms series. 262).
117. Carlon M. Ryska Kriget 1656-58. Stockholm, 1903.

118. Davies B. Village into Garrison: the Militarised Peasant Communities of Southern Muscovy // *The Russian Review*. Vol. 51 / number 4 (October 1992). Ohio State University Press, 1992. P. 481 – 501.
119. Hellie R. *Enserfment and Military Change in Muscovy*. Chicago and L., 1971.
120. Herbst S. *Wojna Inflancka 1600 – 1602*. Warszawa, 1938.
121. Kersten A. *Stefan Czarniecki 1599 – 1655*. Warszawa, 1963.
122. Kivelson Valerie A. *Autocracy in the Provinces: The Muscovite gentry and political culture in the seventeenth century*. Stanford, 1996.
123. Kotlubaj E. *Galereja Nieswiezka portretow Radziwillowskich*. Wilno, 1857.
124. Kurbatow O.A. *Połonka 1660 – spojrzenie z Moskwy*. // *Mowia wieki*. Magazyn historyczny. 2000. № 10/00 (490). S. 27 – 36.
125. Majewski W. *Polska sztuka wojenna w okresie wojny Polsko-Swedzkiej 1655-60 // Studia i Materiały do Historii Wojskowości*. Wrocław, 1978. T.XXI. S. 333 – 345.
126. Nagielski M. *Chorągwie Husarskie Aleksandra Hilarego Polubinskiego i krola Jana Kazimierza w latach 1648-1666...// Acta Baltico - Slavica*. Wrocław, 1983. T. XV. S. 77-138.
127. Nagielski M. *Liczebność i organizacja gwardii przybocznej i computowej za ostatniego Wazy (1648 – 1668)*. Warszawa, 1989.
128. Ten Raa F. J. H. en De Bas F. *Het staatsche leger 1568 – 1795*. Breda, 1918.
129. Tessin G. *Die Deutschen Regimenten der Krone Schweden*. Köln-Graz, 1965. Teil I.
130. Tincey J. *Soldiers of the English Civil war*. L. 1990. T. 2. Cavalry. (Osprey military. Elite series. 27).
131. Vaupell O. *Den Danske Haers Historie til nutiden og den Norske Haers Historie indtil 1814*. Kjobenhavn, 1872.
132. Wimmer J. *Błażeja Lipowskiego pierwszy polski regulamin piechoty // Studia i Materiały do Historii Wojskowości*. Warszawa, 1976. T.XX. S. 333 – 357.
133. Wimmer J. *Historia piechoty polskiej do roku 1864*. Warszawa, 1978.

134. Wimmer J. Przegląd operacji w wojne Polsko-Szwedzkiej 1655 – 1660 // *Wojna polsko-szwedzka 1655-1660*. Warszawa, 1973. S. 127 – 197.
135. Wimmer J. Wojsko i finanse Rzeczypospolitej w czasie wojny ze Swecja 1655-1660 // *Wojna polsko-szwedzka 1655-1660*. Warszawa, 1973. S. 37 – 99.
136. Wimmer J. Wojsko polskie w drugiej polowie XVII wieku. Warszawa, 1965.
137. Wisner H. Działalność wojskowa Janusza Radziwilla 1648 – 1655 // *Rocznik Białostocki*. W-wa, 1976. T. XIII. S. 53 – 109.
138. Wisner H. Wojsko Litewskie 1 połowy XVII wieku. Cz. 1 // *Studia i Materiały do Historii Wojskowości*. Warszawa, 1973. T. XIX; Cz. 2 // *SiMHW*. Warszawa, 1976. T. XX. S. 5 – 26; Cz. 3 // *SiMHW*. Warszawa, 1978. T. XXI. S.45 – 148.
139. Young. P. *The English Civil War*. Ldn., 1973 (Osprey military. Men-at-Arms series. 14).

СПРАВОЧНЫЕ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ИЗДАНИЯ

1. Голицын Н. Н. Указатель имен личных, упоминаемых в Дворцовых разрядах. СПб, 1912.
2. Описание Московского архива Министерства Юстиции. М., 1896 – 1901. Т. 10 – 12.
3. Русский биографический словарь. СПб., 1913. Т.[16] : Рейтерн – Рольцберг.
4. Советская военная энциклопедия М, 1978. Т. 5: Линия – Объектовая.
5. ЦГАДА СССР. Путеводитель в 4 т. М., 1991. Т. 1.
6. *Encycłopedja wojskowa* / red. O. Laskowski. Warszawa, 1931 – 37. Т. 1- 7.
7. *Polski Słownik Biograficzny*. Wrocław, 1978. Т. 23/4; Wrocław, 1979. Tom 24/4.
8. *Wörterbuch zur Deutschen Militär-Geschichte*. Berlin, 1985.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Авт. – примечание автора

АМГ – Акты Московского государства

в. - век

ВИ – Вопросы истории

Вып. – выпуск

г. – год

Гл. - глава

ДР – Дворцовые разряды

ДДР – Дополнения к III тому Дворцовых разрядов

ЗОРСА – Записки отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества. СПб., 1861. Т. 2.

ИЗ – Исторические записки

ИСССР – История СССР

Кн. – книга

Л. – лист

М. – Москва

об. - оборот

ОИ – Отечественная история

Отд. - отделение

пер. – перевод

примеч. - примечания

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РИБ – Русская историческая библиотека

руб. - рублей

С. – страница

Сборник МАМЮ - Сборник Московского архива Министерства Юстиции

см. – смотрите

СПб. – Санкт-Петербург

Стб. - столбец

Т. – том

Цит. - цитируется

Ч. – часть

чел. – человек

ЧОИДР – Чтения в Императорском обществе истории и древностей
российских при Московском университете

Сокращения в таблицах приложений.

дат. – даточный

зн. – знаменщик

знам. – знаменщик

Л. В. – Луки Великие

новг. - новгородский

п. – пятина

П. - Псков

солд. - солдатский